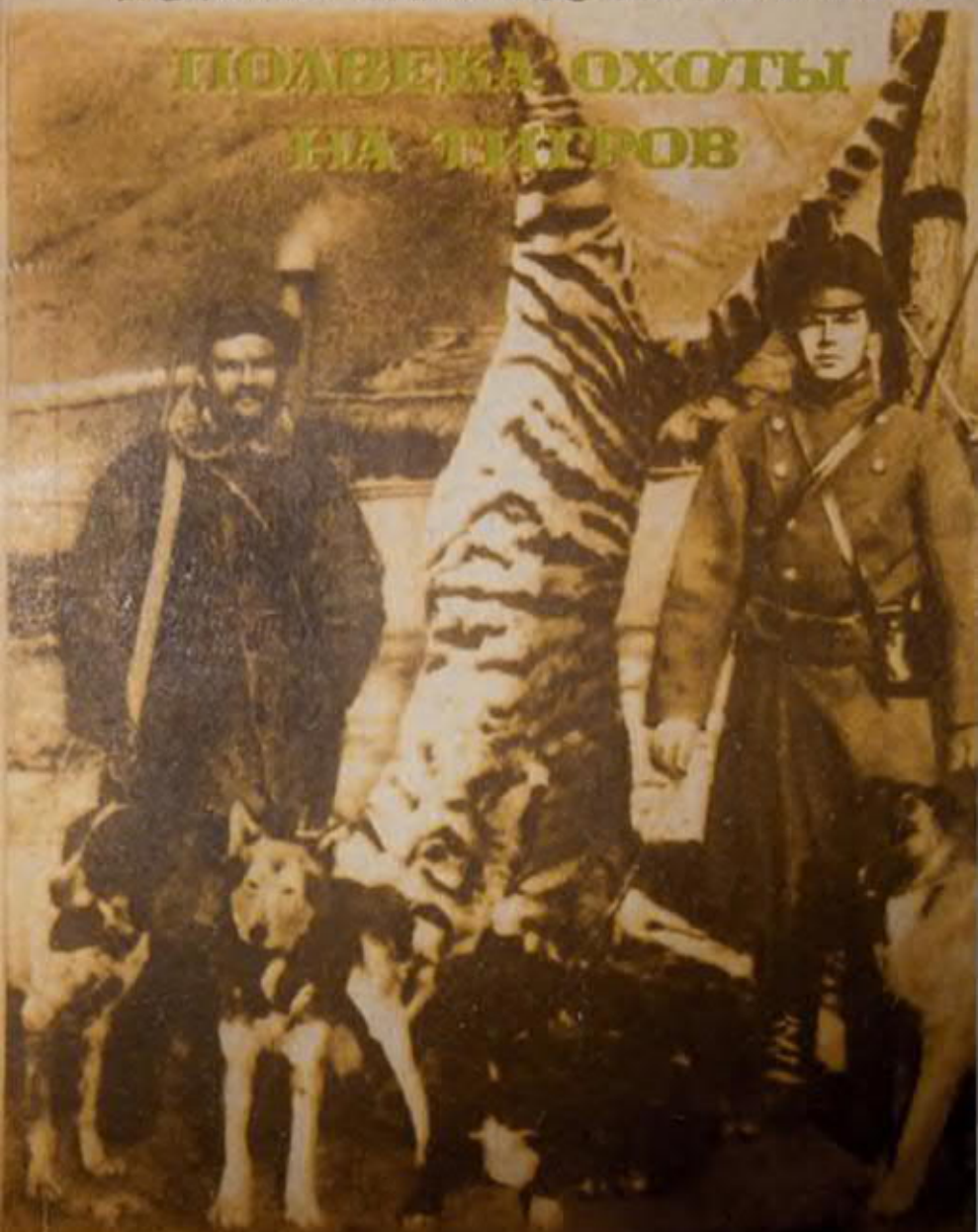
АРСЕНЬЕВСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Ю.М. ЯНКОВСКИЙ

ПОЛВЕКА ОХОТЫ НА ТИГРОВ



АРСЕНЬЕВСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Ю.М. ЯНКОВСКИЙ

ПОЛВЕКА ОХОТЫ НА ТИГРОВ

Владивосток
Издательство «Уссури»
1990

ББК 84.Р1
Я 62

Общественная редколлегия серии:
С. П. Балабин, Б. А. Дьяченко, Д. Г. Пикунов
В. Ю. Янковский

Предисловие Валерия Янковского

На фронтисписе: Ю. М. Янковский. Корея, 1930-е гг.

В книге использованы фотографии из архива Приморского государственного объединенного музея им. В. К. Арсеньева и личных архивов В. Ю. Янковского и В. Ю. Янковской (США).

ISBN 5—85 832—001—5,

© Предисловие. Янковский Валерий, 1990
© Оформление. Издательство «Уссури», 1990

К ЧИТАТЕЛЮ

Книга, которую Вы держите в руках, уникальна. Выпущенная в 1944 году в Харбине, в издательстве «Т-во Заря», тиражом пятьсот экземпляров, книга Юрия Михайловича Янковского «Полвека охоты на тигров» в нашей стране выходит впервые.

Ею издательство «Уссури» открывает краеведческую серию «Арсеньевская библиотека», названную по имени выдающегося путешественника, ученого и писателя Владимира Клавдиевича Арсеньева. Тридцать лет своей жизни отдал В. К. Арсеньев изучению нашего Дальнего Востока, став непревзойденным знатоком его во всех отношениях.

«Арсеньевскую библиотеку» составят книги знаменитых и пока малоизвестных авторов, патриотов края, многие из которых никогда не переиздавались после 1917 года.

Издательство благодарит хранителей Приморского краеведческого музея имени В. К. Арсеньева, любезно предоставивших для издания редкие фотографии семьи Янковских.

Текст книги публикуется в современной орфографии и пунктуации, за исключением редких случаев, несущих приметы авторского стиля или охотничьей терминологии, также исправлены явные опечатки харбинского издания.

ЯНКОВСКИЙ И ЯНКОВСКИЕ

Мой отец Юрий Михайлович Янковский родился в семье отбывшего царскую каторгу за участие в Польском Восстании 1863 года польского шляхтича, пана Михаила Янковского и коренной сибирячки, иркутянки Ольги Лукиничны, урожденной Кузнецовой. Дед, проработав после каторги пять лет управляющим золотого прииска на острове Аскольд, арендовал, а позднее приобрел в собственность девственный гористый полуостров на берегу Амурского залива под Владивостоком, который теперь носит его имя.

Хозяйство там повелось с нуля. Началом конного завода в 1879 году явился невзрачный российский жеребчик Атаман и десяток крохотных корейских, маньчжурских и монгольских кобылок, четырех из которых со всем приплодом в первую же зиму задрал тигр. Пантовое оленеводство — с трех забредших на полуостров из тайги пятнистых оленей. Первая в России плантация женьшеня возникла из горстки корешков и семян, доставленных аборигенами — тазами. Они же подсказали, что полуостров этот носит старинное удэгейское название Сидеми.

С годами в семье Янковских появилось четыре сына и две дочери. И все дружно трудились. «Приказчиков» — как отметил в своих записках дед — на хуторе не держали, во всех делах обходились своими силами. Только пастухами растущего стада работали в основном корейские переселенцы.

Хозяева Сидеми с первых шагов встретились, казалось, с непреодолимыми препятствиями. В те годы, помимо четвероногих хищников — тигров, барсов, волков и медведей, поселенцев грабили профессиональные маньчжурские разбойники хунхузы: неохраняемая граница пролегала всего в полусотне километров. При их зверском нападении в июне 1879 года погибла жена

соседа, капитана Гека, его рабочие и шестилетний сынишка. Янковский остался с покалеченной рукой. Однако это не остановило упрямых первопроходцев: Гек женился вновь, продолжил на своей шхуне промысел китов. Янковский не оставил идеи разводить и совершенствовать любимых лошадей. Всего с одним помощником отправился по санному ямщицкому тракту за пять с половиной тысяч верст и пригнал своим ходом из Западной Сибири, не раз рискуя жизнью, табун прекрасных производителей томской породы, затратив на это путешествие десять месяцев! А сын Юрий двадцатилетним парнем отправился в Америку, где изучал коневодство простым ковбоем техасских прерий и на третий год привез на пароходе из Сан-Франциско чистокровных английских скакунов.

К концу XIX — началу XX столетия именье Сидеми стало своего рода образцом для Уссурийского края. Сотни прекрасных лошадей пополняли кавалерию и артиллерийские части, тянули плуг русского переселенца-хлебопашца, с блеском выступали на бегах и скачках, украшая полки гостиной старого дома серебряными кубками.

Стадо оленей за эти годы перевалило за две тысячи голов. Плантация женьшеня насчитывала десятки тысяч корней.

Старший сын М. И. Янковского от первого брака Александр отделился рано. Фантазер и непоседа, он то строил шлюзы на Панамском канале, то добывал золото в Клондайке, то путешествовал по Камчатке. Главным хозяином на Сидеми стал Юрий. Другой брат, Ян, организовал оленеводство на мысе Гамова, неподалеку от Посьета. Младший, Павел, ушел на Германскую, воевал на Западном фронте, а потом — в составе Русского экспедиционного корпуса в союзной Франции. Сдав дела Юрию и жене, Михаил Иванович уехал лечиться сначала в Семипалатинск, а оттуда на Кавказ. Он умер от воспаления легких в Сочи в 1912 году.

Юрий Михайлович женился на старшей дочери владивостокского пароходовладельца, китаеведа М. Г. Шевелева — Маргарите. Пристроил к старому дедовскому дому-крепости величавый белый замок с башней, где на флагштоке развевался голубой флаг с черно-золотым гербом старинного польского рода «Новина»...

Для борьбы с четвероногими и двуногими хищниками на всех вершинах гор были установлены егерские сторожки, связанные телефонами с центральной усадь-

бой. (Кстати, теперь, через пятьдесят лет, ныне существующий на полуострове оленесовхоз «Амурский» телефонов по сей день не имеет.) Я хорошо помню организацию работы тех лет. Тогда не проводилось никаких растянутых на часы утренних пятиминуток. Все распоряжения на завтра отдавались с вечера, и каждый сотрудник знал — что ему делать, за что он в ответе. Отец с зарею бывал уже в седле, объезжая все работы, часто за пределами полуострова. А двое вооруженных дежурных ежедневно скакали верхом в объезд полуострова.

В этом хозяйстве никогда не возникало палов, за десятилетия поднялись прекрасные леса, едва ли не всех дальневосточных пород. Дом-замок, олений парк, лошади, женьшень, рыбалка постоянно привлекали внимание любителей природы, ученых. Гостями Сидеми побывали будущий президент АН СССР Комаров, поэт Бальмонт, писатель Арсеньев, натуралисты Дыбовский, Мольтрехт, Дэсулави. Губернаторы взяли за правило демонстрировать полуостров Янковского всем высоким гостям Владивостока. Хозяйство процветало...

Однако к лету 1922 года сгустились политические тучи. Шла к концу гражданская война, белые армии откатывались в Маньчжурию, Корею, Китай. Юрий Михайлович понимал — что, несмотря на все заслуги перед краем, ждет его как помещика. И решил эмигрировать в Корею. Благо, бывал там в юности, имел немало друзей из числа бывших работников имения. Благодаря деду фамилия Янковских была весьма популярна в Стране утренней свежести. Был контакт и с японской администрацией этой страны. Итак, осенью 1922 года все домочадцы, рабочие и служащие, пожелавшие уехать, пересекли пограничную реку Туманган: кто верхом, кто на ледокольном катере «Призрак».

Первые годы эмиграции в корейском городе Сейсин (Чонгджин) были очень трудными. Чтобы обеспечить каждого из беженцев, отец был вынужден распродать все, что удалось в спешке захватить с полуострова: лошадей, коров, катер, автомобиль, много другого имущества. Жили скудно, зарабатывали на жизнь как могли. Одной из статей дохода стала охота.

Только через несколько лет Юрий Михайлович сумел приобрести участок земли около горячих ключей Омпо, в пятидесяти километрах на юг от Сейсина. Создал там хутор и дачный поселок, который нарекли Новиной. Душой Новины была, конечно, наша мама, но,

увы, она там и похоронена. А на этом курорте летом принимали дачников и туристов из Харбина, Сеула, Тяньцзина, Шанхая и даже из Европы. Приручили пойманных в лесу пятнистых оленей, вырастили сад, завели пасеку, молочных коров. Приобрели пару автомобилей. И все-таки самым популярным и любимым занятием мужской половины Янковских всегда была охота. На фазанов и гусей, на коз, кабанов, медведей, пантачей-оленей и изюбров, на хищников. Но трофеем номер один всегда оставался тигр.

Мой отец рос в те годы, когда тигры являлись непримиримыми врагами животноводства. Давили не только лошадей и оленей, но и коров, свиней, собак. Пятнадцатилетним юношей Юрий с братом Александром убили тигрицу, стащившую с коня и рвавшую на снегу их любимого «дядьку» богатыря Платона Федорова. Все это, несомненно, породило особую страсть к охоте на тигров. В конце концов он сам угодил в лапы разъяренной тигрицы, когда в последний момент его спас младший сын Юрий.

В 1944 году в Харбине тиражом 500 экземпляров вышла эта книга — «Полвека охоты на тигров», с той поры нигде не переиздававшаяся.

Жизнь Юрия Михайловича оборвалась трагично. После войны с Японией он был арестован в своем имении Новина органами МГБ, осужден на 10 лет и этапирован в Сибирь. Наша последняя встреча состоялась в лагере на Первой речке во Владивостоке в мае 1947 года. Мы не смогли обняться. Я сидел в ЗУРе — зоне особого режима, и мы сумели только пожать друг другу руки сквозь ячейки проволочной ограды. А позднее, по неисповедимой каторжной судьбине, отец встретился в сибирском этапе и два дня просидел рядом на нарах с младшим сыном Юрием, которого везли в Казахстан. Тем, «самым маленьким» сыном, который за несколько лет до этого пристрелил подмявшую отца тигрицу. Многое из жизни нашей, некогда большой и дружной семьи, успели они вспомнить за эти два дня…

Мы с женой, освободившись, переписывались и ждали отца в Магадане. В Тайшете, только что отбыв свой десятилетний срок, поджидала, чтобы ехать вместе, его племянница, дочь убитого террористом в Шанхае младшего брата Павла. Сохранились лагерные письма отца, очень спокойные, философские письма.

Он сообщал, что последние пять лет работает в зоне дворником, пишет свои воспоминания о Приморье, Ко-

рее, Америке. Получает за работу пять рублей в месяц (по теперешнему 50 копеек), но что этого на бумагу и карандаши ему хватает. Я перевел ему триста «тех» рублей. Он благодарил, сказал, что теперь «богат как Крэз»...

Отец не дожил до освобождения какие-то недели, может быть, дни. Простудился и умер в лагере в мае 1956 года. Последний его адрес на конвертах: «Иркутская область,Чунский район,п/о Сосновка,п/я 90/2-237». Это где-то на дороге Тайшет — Братск.

Мне не довелось поклониться его могиле. Лагерные кладбища давно сровняли с землей.

Валерий Янковский

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Предлагая вниманию читателей первый литературный труд широко известного на Востоке Азии блестящего охотника и спортсмена по призванию Юрия Михайловича Янковского, мы считаем своим долгом отметить значение его многолетней спортивно-охотничьей деятельности и его исключительные природные охотничьи качества.

С малых лет Ю. М. Янковский стал ревностным служителем богини Дианы и в пятнадцать лет уже убил первого тигра в Приморье. Он не только прекрасно воспринял школу своего отца, также первоклассного охотника, но и сам, благодаря своей неутомимой охотничьей деятельности в течение пятидесяти лет, накопил огромный опыт и исключительные знания в области охоты на крупного зверя.

Книга Ю. М. Янковского дает не только образное описание его охотничьих эпизодов, но и учит тех, кто интересуется охотой, тому, как должен вести себя серьезный охотник, как он должен закалять свои дух и тело и как он должен изучать все зверовые повадки.

Охотничьи подвиги Ю. М. Янковского — это полвека смелой игры отважного охотника со смертью, и только исключительная закалка духа, вера в себя и изумительное искусство стрельбы неизменно спасали его от гибели — то в лапах барса, то тигра, то от клыков диких кабанов.

Ю. М. Янковский в своей книге знакомит читателя с огромными богатствами Приморской, Корейской и Маньчжурской тайги, знакомит с их секретами и особенностями и эта книга безусловно может служить ценным руководством для охотников.

Унаследовав от своего отца бесконечную любовь к охоте, Ю. М. Янковский сумел из своих трех сыновей создать настоящих охотников, которые и сейчас уже на-

считывают немало серьезных охотничьих успехов, и все говорит за то, что в охотничьей области они будут достойными внуками «Четырехглазого» деда и пойдут по стопам прославленного охотника — своего отца.

Настоящая книга, конечно, далеко не исчерпывает всего материала, которым обладает автор, который чуть ли не большую часть своей жизни провел в тайге, в охотничьих походах, и мы надеемся, что в последующих своих трудах Ю. М. Янковский даст еще много интереснейших сведений о своей легендарной жизни и охоте.

Издательство «Т-во Заря»

Михаил Иванович Янковский

Мой отец, Михаил Иванович Янковский, был одним из пионеров Приморья, попав во Владивосток еще в те времена, когда «тигры свободно прохаживались по улицам города». Будучи большим любителем природы, решительным и храбрым человеком, он не удовлетворялся жизнью города и решил одним из первых поселиться в провинции, зная заранее, на какие опасности и лишения он идет. Край был в те времена не только диким, но и опасным, так как только что перешел к русским от китайцев, которые всеми силами стремились вернуть его к себе.

Отец был женат на Ольге Лукиничне Кузнецовой. Моя мать, подобно ему, была исключительно решительной и храброй уроженкой Сибири, любившей природу. В 1880 году родители мои поселились на диком безымянном полуострове на берегу Японского моря, всего лишь в 40 верстах от дикой тогда Маньчжурии и в 30 верстах, через Амурский залив, от Владивостока. Позднее этот полуостров стал называться Янковским, каковое название сохранилось и по настоящее время во всех географических картах. Одновременно там же, на расстоянии одной версты от нас, поселился с женой и воспитанником известный «морской волк» капитан Гек, кстати сказать, выведенный в последней книге шанхайского беллетриста М. В. Щербакова* под фамилией капитана Дека.

Начало было не из веселых. Отец на шхуне капитана Гека уехал на остров Аскольд за матерью и нами через три месяца после начала постройки домов, а в его отсутствие на поселение напала шайка хунхузов, которая убила жену и воспитанника Гека, а также всех рабочих, разграбила имущество, сожгла постройки и после этого скрылась через границу, которая в этом месте разделяет Приморье от Маньчжурии горным хребтом высотой

* Михаил Щербаков.Корень жизни, Шанхай, 1944. (*Прим.* «Уссури»).

в 3.000 футов, под названием Синий хребет, заросший почти непроходимой тайгой. Из этой тайги впоследствии по зверовым тропам к нам очень часто приходили тигры и хунхузы, одни полакомиться лошадкой или коровкой, вторые — грабануть.

Вернувшись на постройку, отец нашел пепелище, но это не сломило энергии его и Гека. Они тут же поклялись, что начнут дело вновь, а хунхузам отомстят за их вероломство. И клятва была сдержана — хунхузы дорого заплатили за это.

Не раз отец, забрав всех способных владеть оружием рабочих, а позднее и соседей-поселенцев, уходил в погоню за шайкой, часто переходя дикую границу, а мать оставалась с винчестером дома одна с нами, детьми. Будущие «тигрятники» были с ней, как цыплята под наседкой.

Одновременно с отцом выходцы из Кореи образовали деревню Верхнее Сидеми, между поселком Янконским и Синим хребтом, создав таким образом как бы буфер в сторону границы, но они не были вооружены и стали данниками хунхузов. Когда дани не хватало, хунхузы убивали корейцев, и те обратились к отцу за защитой. Отец согласился, объединил их со своими служащими, вооружил и организовал правильную борьбу с хунхузами. Как храбрый начальник и исключительно меткий стрелок, отец получил от корейцев прозвище «Нэнуни» (четырехглазый) за свои черные очки, которые он всегда носил и только при стрельбе поднимал их на лоб. За 20 лет возглавления добровольной дружины против хунхузов, состоящей преимущественно из корейцев, прозвище «Нэнуни» стало нашей второй фамилией. До сего дня старики Северной Кореи меня называют «Нэнуни атери» (Сын четырехглазого), а моих сыновей — «Нэнуни-сонча» (Внуки четырехглазого).

Все свободное время отец проводил на охоте. Это доставляло ему не только удовольствие, но и заработок для укрепления и развития хозяйства. Отец задался целью создать конский завод, по примеру Забайкалья, где он прежде работал, т. е. степное табунное коневодство. Вот тогда-то и началась слава отца как охотника-тигрятника.

Первыми «пастухами» оказались... тигры. В первую же зиму из приобретенных отцом жеребца и четырех кобылиц тигры съели всех кобылиц. Для борьбы с хищниками отец и стал тигровым охотником. Помимо наличия храбрости, решительности и самообладания, отец

считался лучшим стрелком края. Не надо забывать, что оружие того времени, со свинцовыми пулями, было много слабее нынешнего, и я помню случаи, когда пуля, попавшая в переднюю лопатку тигра, плющилась и зверь уходил легко раненым. Хотя неуверенность в ружье и обескураживает самого лучшего охотника, все же отец взял на своем веку девять тигров и барсов, что по тому времени было рекордом.

Если читатели пожелают, то когда-нибудь я расскажу о действительно легендарных приключениях своего отца и капитана Гека, учеником, а позднее и сподвижником которых мне пришлось быть почти с пеленок. Воспитание было суворовским. Они не имели привычки оглядываться на охоте для того, чтобы узнать, поспеваю ли я за ними.

Вкратце история моего отца такова:

Будучи восемнадцатилетним студентом, в 1862 году, во время восстания в Польше, он был арестован и пешим порядком отправлен в Сибирь, где в Иркутске отбыл свой срок наказания, около 10 лет. Попав на свободу, он два года проработал помощником у ученого — доктора Дыбовского, изучавшего флору и фауну Восточной Сибири по берегам Аргуни и Онона. Оттуда он попал на разработку золота на Олекму, а в 1874 году прибыл во Владивосток, где сразу же, как специалист, устроился на золотой прииск на острове Аскольд, находящемся в Японском море, в 50 верстах от Владивостока. На Аскольде он позднее женился, там же, в 1879 году, родился я, за год до переселения моих родителей на полуостров Янковский.

С того самого дня, когда я начал сознавать окружающее, я главным образом слышал — «Сегодня приходил тигр и загрыз Звездочку. За ним гонялись охотники, стреляли и легко ранили. Завтра собираются его преследовать»... «Вчера тигр ранил Азию, но она вырвалась и ее надо лечить» или же «Есть агентурные сведения, что хунхузы вновь готовят нападение. Надо быть начеку». Куда-то посылают разведчиков, вечером осматривают, прочно ли заперты дубовые, окованные железом двери дома. Во всех окнах были решетки из толстого круглого железа, через которые в дом нельзя было проникнуть. Идя по воду или доить коров, захватывали на всякий случай винчестер.

Когда мне было около 5 лет, я уже видел привезенных из леса на дровнях убитых тигров или барсов, дергал их за хвост и, конечно, побаивался. Хотя я был ре-

бенком сметливым и быстро убедился в том, что мертвый зверь не страшен, должен сказать, что взрослые, не отдавая себе отчета, часто пугают ребят, что делать ни в коем случае не следует. Когда мне было 6 лет, отец научил меня стрелять из винчестера. Правда, приходилось прикладываться с сошек и прижимать ружьё изо всей силы к щеке и плечу, чтобы не разбить лицо, но зато какое счастье было с т р е л я т ь .

В то время меня уже брали на ближние охоты на коз и фазанов. Иногда на снегу попадались следы тигра, а иногда он ночью проходил вблизи усадьбы. Все, конечно, шли смотреть, когда хищник иногда загрызал в загоне корову или утаскивал свинью, причем мы, дети, переживали эти нападения очень болезненно.

С оружием у охотников часто дело обстояло очень плохо, да, откровенно говоря, настоящим тигровым охотником был только мой отец. Остальные, кого я только помню, были дилетанты — так поболтать на охотничьи темы или походить за козами, а то приезжие из города гости, которые храбры лишь до того времени, пока тигром не пахнет. Отец часто говорил:

— Я лучше пойду на тигра один, чем с компаньоном, который может в критический момент струсить и растеряться или просто, оставив в беде, удрать. Идя же вдвоем, всегда меньше бережешься.

Этот его совет я выполняю и по сии дни.

Помню, из всех охотников выделялся наш конюх Платон — отставной артиллерист, косая сажень в плечах, богатырь и действительно храбрый человек, с огромной рыжей бородой. Стрелял только он плохо, хотя и больше всех на свете был счастлив, когда ему давали выстрелить из ружья. Вот его иногда отец и брал на охоту за тигром, зная, что Платон не струсит. Когда не было второго ружья, отец вооружал его копьем. Оно было прекрасное, острое, и я не сомневался, что такая комбинация была самой надежной, т. к., если вблизи вас, т. е. вплотную, тигр схватит человека, то плохой стрелок легче заколет зверя копьем или нанесет ему рану, которая заставит его бросить жертву и убежать. Когда я вспоминаю свою юность и связанные с ней случаи и курьезы охоты на тигров, в особенности при участии приезжавших к нам горожан, мне становится часто весело. В частности, богатырь Платон был героем охоты, во время которой я убил своего первого тигра, но об этом будет дальше.

Юрий Янковский

Моя первая охота на тигров

Мне было 11 лет... Я вижу на вашем лице улыбку, дорогой читатель, но она преждевременна. Освоенность с положением вещей — большая сила. Вспоминается, как я уже взрослым, приехав в Москву, в течение нескольких дней не мог освоить трамвайное расписание, а мой шестилетний проводник Сережа знал назубок все трамвайные пересадки и возил меня без запинок и ошибок по всей Первопрестольной.

Итак, это было в декабре 1889 года. Приехавший с объезда табунов Платон сообщил, что в устье Семивершинной пади, в верстах шести от нашей усадьбы, он нашел, по указанию стаи ворон, задавленную тигром нашу кобылицу Желну. Хотя это и была обычная по тому времени вещь, но жаль было лошадь, которую все хорошо знали, да и материальный ущерб был немалый. Как обычно в таких случаях, Платона отправили собирать по полям пасшихся лошадей, чтобы к вечеру они не оставались на пастбищах и не стали добычей тигра, а отец стал собираться на охоту. Так как никого другого дома не было, он согласился взять меня с собой.

Местность, где была задавлена Желна, была трудной и опасной для охоты на тигра. Это был ровный берег Лебяжьего озера, шириной в версту, заросший камышами. Во многих местах рос молодой ольховый лес и, идя по следу, можно было наткнуться на тигра вплотную. При этом было очень мало снега, что отвлекало внимание охотника в поисках следов. К тому же в желтых камышах вообще тигра заметить нелегко.

Мы тщательно стали собираться к охоте на тигра, что всегда делал мой отец. За этот урок я ему благодарен бесконечно, так как, отправляясь на серьезное дело, нельзя быть ни рассеянным, ни беспечным. Это впоследствии не раз спасало мне жизнь в опасных случаях. Однако у отца был только один винчестер. Для меня ружья не оказалось, и я получил знаменитое «платоновское» копье. Никогда не забуду, как я был горд этим!

Помню мать благословила меня и сказала:

— Ну, смотри! Если тигр схватит папу, ты не теряйся и коли зверя.

Думаю, не многие бы героини-матери отпустили бы своих любимых сыновей в 11 лет на тигра!

Рабочий подвез нас верст 5 по Лебяжьему озеру, а дальше мы пешим порядком, через камыши, стали

пробираться к туше убитой тигром лошади, чтобы оттуда взять след для слежки.

Помню, какое сильное впечатление произвела на меня следующая картина: на маленькой полянке, на утоптанном снегу, между ольховыми деревьями, лежала наша растерзанная Желна. Брюхо было разодрано, все внутренности вывалились наружу, полстегна* было съедено тигром. При нашем приближении слетевшаяся на падаль стая орлов и ворон рассеялась с карканьем и клекотом по вершинам ближайших деревьев, видимо, негодуя, что мы мешаем им пировать на щедро оставленной тигром растерзанной лошади. Туша задавленной Желны за ночь успела сильно замерзнуть и голодные вороны с трудом клевали мясо.

Осмотрев внимательно снег, мы нашли место, откуда тигр подползал к своей жертве, причем, когда он бросился на нее, то сломал во время прыжка своей грудью скрывавшую его замерзлую ольху в руку толщиной. Затем своим излюбленным приемом он, как видно, вскочил на спину лошади, схватил зубами за лен** и свернул его одним движением. Нужно сказать, что по силе своих мускулов тигр не может сравниться ни с каким другим живым существом.

Обследуя дальше, мы выяснили, что в последний раз тигр был часа за два до нашего прихода, поел мяса из заднего стегна (его любимое блюдо) и ушел к озеру отдыхать в камышах.

Разобрав следы, мы принялись за слежку, но дело шло тихо, так как помощник я был слабый, следы из-за таявшего снега терялись, да и сам тигр за свое двухдневное пребывание напутал много следов.

Когда отошли дальше, следить стало легче. Тигр (мы нашли свежую лежку), как видно, заслышав наши шаги, стал уходить от нас, прячась в камышах, но, как всегда, своим любимым приемом свернул в сторону, чтобы проверить: идем ли мы преследуя, или случайно набрели на него. Во всяком случае, он был где-то близко, но я даже не отдавал себе отчета, насколько это был опасный момент. Терпение тигра могло иссякнуть от нашей настойчивости, и он мог сделать засаду и броситься на нас. Все это я, конечно, понял много лет спустя, тогда же, под защитой отца, я был спокоен.

Пройдя еще некоторое время по следу и убедив-

---

* Бедро, ляжка.

** Шейная хребтина

шись, что спугнутого тигра в этот вечер уже не догнать, отец повернул обратно. Тигр, уходя от нас, крутил, делал петли через свой и наши следы, прячась за пни и колоды в продолжение почти двух часов.

Зимний день кончался, мороз сильно щипал мой нос. Обратно мы решили идти домой напрямик, через горы, что сокращало расстояние до трех с половиной верст. Отойдя с полверсты от следов тигра, мы увидели стадо из 5 оленей. Несмотря на то, что они были на очень большом от нас расстоянии, отец не удержался и выстрелил, но неудачно — и дал промах.

Домой мы пришли уже ночью. Мать, конечно, сильно беспокоилась, не случилось ли с нами несчастья. Во сне в эту ночь я видел тигровые следы...

На следующее утро нас вновь отвезли по озеру, и мы пошли проверить, приходил ли тигр снова покушать мяска. К нашему сожалению, он не появлялся и только увеличилось количество орлов и ворон, клевавших мерзлое мясо.

Мы отправились на оставленный накануне след и пошли по нему. Пройдя верст пять, мы убедились, что тигру не понравилось наше хождение за ним (а возможно и выстрелы отца), и хищник, взяв прямое направление к границе, уходил, не останавливаясь.

Грустные, мы возвращались домой. Мне так хотелось увидеть живого тигра, а отец сообщил, что он ушел и вернется только месяца через два-три, чтобы снова задавить лошадь.

К сожалению, его слова подтвердились. Не представлял я тогда, что не так-то легко увидеть живого тигра!

Итак, время шло. Тигры приходили и уходили. Ежегодно я ходил с отцом на тигра, но не только убить, но и увидеть его живьем удачи не было.

Я уже частенько бил коз, а иногда и оленей. Брали меня однажды зимой в тайгу, куда ездили с палаткой в декабре месяце, но это было только раз. Как неудачно расти, когда у тебя есть старший брат, а мой брат Александр был старше меня на три года! Конечно, его брали в первую очередь. К счастью, на охоте наши шансы несколько уравнивались — я был шустрее и физически сильнее и, любя лошадей, значительно лучше ездил верхом.

Ружье мне, конечно, также всегда доставалось самое плохое, но это меня не расстраивало. У меня была старая бердана казачьего образца, давно уже отслу-

жившая свою службу. Ложе было расколото и перевязано бичевкой, но по тому времени это было все же ружье. Я его тщательно начищал и, конечно, любил и гордился им. Теперь же на такие ружья даже не смотрят.

Время шло, население нашего района увеличивалось, охотники прибывали, леса вырубали и выжигали, тигры убывали и меня это убивало. Приходить они к нам стали редко, но и приходя, не задерживались, и желание убить тигра у меня росло.

Я — «энтомолог»

Летом 1894 года отец, как известный энтомолог и ориентолог, получил предложение от Великого Князя Николая Михайловича, большого любителя бабочек, снарядить на лето в Корею экспедицию для сбора коллекций. Так как я и брат уже несколько лет помогали в коллекционировании нашему отцу и могли самостоятельно работать, он поручил эту миссию нам.

В то время Корея была совсем дикой, и я знал от приходящих к нам корейцев, что там водится много тигров. Это особенно и прельщало меня.

Сев на пароход во Владивостоке, в одно ничем не отличавшееся утро, мы на другой день высадились в Гензане, откуда перебрались верст за сорок в дикие горы, среди которых и пробыли три месяца.

Обосновались мы, вернее поставили палатку, вблизи корейского монастыря, в 30 шагах от горной реки, по берегам которой между валунами были песчаные площадки. На другой день, ловя бабочек, мы обратили внимание на одиноко стоящую пустую фанзу, в полуверсте от нашего табора, у которой были вырваны деревянные двери, оклеенные бумагой. Местный житель-кореец нам рассказал, что приблизительно за месяц до нашего приезда тигр, проломав ночью дверь, унес одного корейца, после чего остальные обитатели и покинули фанзу.

Через несколько дней, как-то утром, направляясь к речке, мы увидели на песке ночные следы крупного тигра, всего лишь в 30 шагах от нашей палатки!

Это, конечно, было сенсацией. Если тигр зимой умеет хорошо прятаться, чтобы подкараулить свою жертву, то летом прикрытием ему может служить любой куст. Обыкновенный тигр вообще не страшен, если он

не людоед или не слишком голоден. Тигр-людоед встречается очень редко. Тигр становится людоедом, если, будучи голодным, попробует человеческого мяса.

Через несколько дней следы появились вновь около реки. У нас был сеттер Барсик, проявлявший иногда ночью сильное беспокойство и поднимавший лай, а тигры вообще считают собачину большим лакомством.

Как-то пришел к нам сосед-кореец. Мы показали ему следы тигра, и он рассказал нам, что в горах, на расстоянии пяти верст от нас, есть логово зверя, но проводить меня туда категорически отказался, заявив, что если он будет моим гидом, а я не убью тигра, то хищник будет мстить ему и съест его. Как видно, мой несолидный возраст не внушал корейцу доверия, я же семи силами старался доказать ему свою охотничью и стрелковую солидность, разбив для этой цели из берданы на расстоянии 50 шагов маленький камень. Увы, это не помогло!

Однако на этом наше знакомство с тигром не закончилось. По вечерам, для ловли бабочек при помощи лампы, мы ставили в ближайшем лесу специальную палатку, которая делается из трех стенок и внутри которой подвешивается лампа. Прилетевших на освещенные стенки палатки бабочек легко ловить даже стаканом. Однажды вечером, когда уже основательно темнело, и мы с братом поставили палатку, наш пес Барсик стал проявлять сильное беспокойство и лаять, затем жаться нам под ноги, как бы показывая, что тигр подошел очень близко и хочет его поймать. Один из нас во всех походах и экскурсиях никогда не расставался с ружьем, охраняя другого. В этот вечер брат ловил бабочек, а я стоял, держа в руках ружье с взведенным курком. Так продолжалось около часу. Судя по переживаниям Барсика и его яростному лаю, а он не был трусом, тигр не только не уходил, а постепенно подбирался все ближе к нам, иногда мы даже слышали хруст ветвей в кустах. Главное же несчастье заключалось в том, что от света в палатке нам в темноте ничего не было видно и мы могли бы увидеть тигра лишь тогда, когда он появился бы в самой палатке. Принимая во внимание стремительность тигра во время нападения, мы в короткий момент ничего не смогли бы сделать. В конце концов, мы забрали лампу, зажгли факелы и ушли в палатку.

Но той «тигровой ночью» наши испытания не кончились.

Прошло еще несколько дней и как-то рано утром к нам зашел сосед-монах. Его фанза была шагах в 150 от нашей палатки, внутри большого двора, обнесенного каменной оградой с проходными воротами. У самых дверей фанзы была грядка с посаженной молодой плантацией красного перца, чисто выполотою. Он привел нас к грядке, и мы увидели на ней следы от огромного тигра. Вся плантация была вытоптана, видно было, что тигр долго на ней лежал и ждал, по-видимому, не выйдет ли ночью монах на прогулку.

Но, как видите, счастья встретиться с тигром у меня не было, а этим тигровым летом я часто бродил по окрестностям, в надежде на желанную встречу.

Вспоминая все это сейчас, убеждаюсь, какие тогда были счастливые времена для охотника и, может быть все кончилось бы иначе, попади я в Корею зимой, когда деревья стояли без листьев и все вокруг было покрыто снегом.

«Счастье копится» — говорят охотники — и это правда. Накопилось оно и у меня. Ф

Энтомологическая экспедиция окончилась удачно. Отец получил благодарность от Великого Князя а мы были горды успехами.

Мы вернулись домой, а тигры, казалось, остались в Корее, но пришла зима и один из них пришел к нам.

Мой первый тигр

Это было 4 ноября 1895 года. Я воображал себя совсем взрослым охотником. Вместе с братом Александром я возращался утром с фазаньей охоты, где пробыли три дня, на расстоянии 20 верст от имения. Накануне выпал первый ранний снег, глубиной в один фут. Мы ехали на телеге и спешили домой, чтобы принять участие в зверовой охоте. Не доезжая трех верст до усадьбы в Сидеми, мы пересекли след прошедшего ночью через дорогу тигра. Так как с нами были только дробовые ружья, мы поспешили за пульными.

Дома к нам присоединился Платон. Отца дома не было, и поэтому его винчестер крупного калибра взял брат, второй достался Платону, а я вновь должен был довольствоваться своей старой берданой. Как я уже говорил, брат не был любителем «кавалерии», а поэтому мы отправились так: Александр на ленивом мерине Скакунчике, я на чистокровном арабе Саибе и Платон на прекрасном киргизе Соколике.

Охота ожидалась серьезная, так как налицо были все данные: настоящий тигр, свежий глубокий снег, мы, заряженные огромным охотничьим пылом и на прекрасных лошадях. Перед отъездом мы вспомнили наставления отца: быть осторожными, внимательными и осмотрительными, так как тигр от верховой лошади далеко уходить не в состоянии, и, если его зря перефорсировать, он непременно сделает засаду и бросится на охотника.

День был чудесный, солнечный. Больше часа мы ехали по следу. Я был весь в мечтах, как бы мне ухитриться и вырвать победу у других. Наверное, то же самое думал каждый из нас.

Перевалив первую от дома падь — Озерную, заросшую молодым густым дубняком, не теряющим, как известно, на зиму своих сухих желтых листьев, дающих возможность полосатому черно-желтому тигру в них удобно скрываться. Так как след был ночной, мы сделали большой круг, чтобы обнаружить свежий, и, только пересекая падь, нашли его внутри сделанного нами круга. Продолжая ехать по косогору, я неожиданно увидел впереди себя, шагах в 150, стоящего на небольшой возвышенности, между желтых дубков, тигра. Не успел я открыть рот, чтобы сообщить путникам, как тигр бросился под гору. Мы, естественно, пришпорив лошадей, помчались, но внизу было море дубняка и тигр успел в нем скрыться. Мои спутники понеслись один влево, другой вправо от следа. Оставшись один на следу, я по правилам охоты не имел права его терять и должен был следить за ним. След стал прыжками спускаться с горы, а скоро тигр перешел на рысь. Я ехал по следу с версту. Внизу был промыт ров шириной сажени в 4, который тигр взял одним прыжком (впоследствии я много раз проверял — это предел прыжка тигра). Мне пришлось объехать ров кругом. Дальше след стал подниматься к вершине пади. Я проследил с версту, едучи все время рысью. Тигр не мог быть далеко от меня, так как шел вперемежку шагом и рысью. Мои спутники исчезли, казалось, бесследно. Как потом выяснилось, они, оставив меня по следу гнать тигра и следить за ним, сами решили заехать вперед и ждать зверя в удобном месте, на перевале из Озерной пади в Тигровый распадок.

Продолжая ехать следом, я неожиданно встретил ехавшего мне навстречу Платона, который крикнул:

— Ты тигра сейчас не видел? Он только что проскочил здесь, сюда, налево.

Мы оба бросились по указанному им направлению, на ближайший холмик. Доскакав туда, мы увидели шагах в 150 от нас, на косогоре соседней горки, красавца тигра... Зверь, видимо, был ошеломлен такой смелой погоней. Стоя под молодым дубом, он со злостью бил о дерево своим хвостом. Сухие листья дуба шумели от такой встряски. Я решил соскочить с лошади и стрелять, но Платон, как плохой стрелок, отговорил меня

— Поедем ближе, — крикнул он, и мы стали спускаться через овраг.

Тигр бросился удирать. Все это произошло в один момент, и, будь у меня современная винтовка, я не дал бы ему уйти, убив его на бегу.

Спустившись вниз, мы вновь потеряли из виду тигра и стали его следить. Он сделал круг, пройдя версты две, вывел нас на старый след, на ту горку, откуда мы его вначале вспугнули, и пошел вновь своим старым следом. Где находился в то время брат, мы не знали.

Продолжая ехать следом версты три и миновав место моей встречи с Платоном, мы вдруг со скалы над нами услышали голос Александра:

— Что вы разъезжаете? Тигр давно уже ушел...

Оказывается, брат, сразу прискакав в вершину пади, засел на скале, чтобы караулить зверя, когда тот пройдет под ним, но прозевал его в кустах. Он не знал, что тигр уходил обратно и что мы вновь обогнали его старым следом.

Далее мы поехали следить втроем. След перевалил в Тигровый распадок и пошел через него в Табунную падь. Мы ехали рысцой, спеша скорее догнать зверя. Нужно сознаться, что азарт был настолько силен, что потеряли контроль над возможной опасностью и неотдавали себе отчета, что тигр с трудом уходит от нас. Мы забыли о том, что так долго продолжаться не может, а между тем катастрофа приближалась.

Снег был глубокий, и тигру трудно было идти быстро, а мы гнались за ним на лошадях, не останавливаясь, поскольку позволяла местность. Выехав в Табунную падь, мы увидели след, спускавшийся в русло речки, далее он пошел вверх по ней. Речка была извилистая, и берега ее густо заросли кустарником и ольховником. Заросшая полоса была шириной всего в 40 — 50 сажень. Далее по обе стороны тянулись полосами сенокосы, на которых кое-где росли отдельные де-

ревья. Местность была ровная, и ее можно было хорошо видеть, поднявшись на бугор. Дальше от нас, в полуверсте вправо и влево от речки, возвышались две горки, на расстоянии шагов 300 одна от другой. Оценив положение, мы составили планы охоты, будучи убеждены, что тигр не успел еще пройти через заросли речки, а скрывался в них.

Платону была дана инструкция задержаться на следу до тех пор, пока мы, обскакав лесок с двух сторон и убедившись, что тигр действительно не вышел из круга, разъехались, не займем горки. Затем он должен был ехать по следу и гнать тигра. Мы приступили к выполнению нашего плана. Все это, конечно, делалось молниеносно, но мы выпустили из виду «маленькую деталь». Тигр нас видел из чащи, а он не заяц, чтобы его так гонять.

Проделав полный круг и действительно убедившись, что тигр из него не вышел, мы разъехались и заняли наши позиции. Спешившись, стали ждать того момента, когда тигр появится между нами и мы сможем стрелять в него с двух сторон. Платон был от нас на расстоянии полуверсты.

Прошло несколько минут томительного ожидания. Вдруг я услышал впереди шум и треск ломаемых веток и через момент увидел рыжую лошадь, несшуюся по тому самому месту, на котором мы ожидали увидеть тигра. Как мне показалось в первый момент, у лошади был разорван живот и под ним болтались вывалившиеся внутренности. Вначале у меня мелькнула мысль, что тигр напал на одну из лошадей, которые при табунном хозяйстве бродят всю зиму по полям (как было и у нас), но как только лошадь выскочила в редколесье, меня сковал ужас.

Это несся наш Соколик, с седлом под животом, Платона не было. У меня буквально волосы стали дыбом. Я сразу же понял, чего мы добились своей облавой. Зверь явно заметил наш маневр его окружения и, не желая попасть под пули, устроил Платону засаду, напал на него — и несчастный охотник теперь лежит растерзанным.

Переживания мои были ужасными, если принять во внимание, что всю эту трагедию я переживал с остротой восприятия пятнадцатилетнего мальчика. К этому еще примешивалась жалость к Платону, жившему у нас около 10 лет, и страх ответственности перед отцом за то, что мы, забыв его уроки, вели себя с тигром так

легкомысленно, как будто это был простой козел.

Мгновенно я вскочил на Саиба и помчался искать пострадавшего, чтобы придти к нему на помощь. Поскакав по следам Соколика, я был приятно поражен — Платон был жив! Он стоял бледный, как полотно, отряхивая с себя снег и обчищая винчестер.

Случилось подлинное чудо! Вот что рассказал Платон.

Как только он решил, что настало время, он тронулся по следу, проехав не больше 400 шагов. Внезапно из-за куста, находившегося на расстоянии 20 шагов, на него бросился со страшным ревом залегший там тигр. Платона спасла резвость Соколика, который сделал молниеносный поворот. Однако тигр успел схватить лошадь за один скакательный сустав зубами, а за другой когтями, но в этот же момент получил сильный удар подковой и ошеломленный убежал в лес. Во время резкого поворота седло свернулось со спины на брюхо и Платон упал в снег. Как видно от долгой езды подпруга ослабела и седло свернулось, тем самым спасая жизнь Платону. Как выяснилось позже, удар Соколика оказался сильным, но на счастье тигра не смертельным. Стальной шип подковы скользнул по черепу, и на снегу мы обнаружили клок шерсти с головы зверя.

Вскоре к нам подъехал Александр. Мы многозначительно переглянулись, почесали затылки и решили в дальнейшей погоне быть более осторожными.

Перед нами была дилемма: следить тигра медленно и дать ему время уходить, но тогда его никогда не догонишь и не убьешь, или, если его действительно хочешь убить, продолжать натиск тем же темпом, ежеминутно рискуя своей жизнью, или стать калекой, когда тигр перейдет в контратаку.

День уже клонился к вечеру. Платон, несмотря на пережитое, вел себя молодцом, хотя на время его пыл и остыл; у Соколика из ран сочилась кровь. Несмотря на это, мы все же пустились преследовать тигра. По следам было видно, что он после нападения сделал несколько прыжков, а затем пошел рысью, вскоре перейдя в шаг, забираясь в чащу и поднимаясь на ближайшие скалы, где готовил новое нападение. Однако начали спускаться сумерки, и нам пришлось вернуться домой, отложив преследование до следующего утра.

Весь вечер мы, а с нами и все обитатели именья, особенно мама, были возбуждены нашими приключениями и строили планы, как мы должны действовать

на следующий день, так как нам во что бы то ни стало хотелось взять тигра. Особенно много ценных советов дала мама, которая в моих глазах была большим авторитетом.

Встали мы на заре, стремясь выехать как можно раньше, так как были уверены, что тигр за ночь постарается удрать подальше. Утро было ясное и морозное, и казалось, что все нам предвещает успех.

У Соколика опухли от ран ноги, и его пришлось заменить Звездочем — крупным, как и Скакунчик, ленивым мерином томской породы. На него взгромоздился Платон который был первоклассным ездоком. На всякий случай мы прихватили с собой рабочего Турунтаева, бывшего солдата, с тем, если нам придется спешиться, то оставить лошадей под его наблюдением. Ему дали бердану и посадили на рысистого жеребца Золотого, мы же с братом поехали на тех же лошадях, на которых были вчера.

Через час мы уже были на оставленном накануне следу. Поднявшись не более 50 саженей, мы обнаружили на выступе скалы лежку, где, видимо, тигр нас ждал, чтобы повторить нападение, а затем уже ночью поднялся и отправился дальше.

Направляясь по следу, мы решили строго держаться совета отца: один из охотников все время едет по следу, а двое других по бокам, друг от друга на расстоянии 5 — 10 саженей, чтобы с разных направлений легче заметить залегшего зверя, а в случае внезапного нападения быстро подать нужную помощь. Теоретически все это выходило прекрасно.

Тигр сделал большой круг по дубнякам Табунной пади, заглянул в Озерную, перевалил в Нашу падь, пройдя в версте от усадьбы, а затем направился на запад, к выходу с полуострова.

Хотя по прямой расстояние было всего верст восемь, принимая во внимание проделанный нами по следу путь, это расстояние по крутым горам и оврагам должно было составить 25 верст.

Тигр кружил, охотился, два раза скрадывал коз, но ни разу не ложился. Видно было его стремление Уйти за ночь как можно дальше. Проехав по следу Семивершинную падь, мы перевалили в Медвежьи распадки и обратили внимание, что в версте от нас, в ольховнике, на деревьях сидела и каркала большая стая ворон. Мы решили, что след свернет туда и мы начнемся на бывшее пиршество тигра, остатки которого

обычно доедают вороны и орлы. Однако мы ошиблись: след миновал место, где пировали птицы, и шел все время по перешейку.

Наша бдительность оставалась все время напряженной. Мы миновали все три Медвежьих распадка, после чего след повел по густым камышам, прямо с выхода с полуострова на перешеек, шириной в 2 версты лежащий между морским заливом и Лебяжьим озером и отдаляющий полуостров Янковский от материка.

Убедившись, что тигр вышел с полуострова, мы решили преследовать его дальше на материке, тем более, что в этой своей части он, на расстоянии 10 верст был солнопечный, не заросший лесом, что давало большое преимущество при погоне на лошадях.

Перешеек был болотист, с непромерзлой землей, что мешало проводить слежку по следу, и мы, оставив его, сделали круг назад, в объезд к берегу озера. Ломая тонкий лед речки Рубикон, мы выбрались на сушу и напали на тигровый след, но убедились, что он ведет вновь на полуостров. Почему тигр повернул назад, мы понять не могли, а узнали об этом только позже.

След вел нас по болоту, заросшему высокими густыми камышами параллельно берегу озера, в направлении леска, в котором мы видели стаю ворон. Болото было полупромерзшим, лошади часто проваливались и порядок нашей слежки был нарушен — каждый из нас, постоянно завязая, выбирался куда попало. Я часто думал впоследствии, что нападни на нас в этот момент тигр, дело бы кончилось трагедией. Помощи мы друг другу оказать не могли бы, а убить тигра в высоких камышах было почти невозможно.

Наконец, след вышел на заросшую густым орешником репу. Было уже два часа дня. Все порядком устали и проголодались, а до леска с воронами оставалось еще версты три.

Обыкновенно считается, что хорошо, когда люди, делая одно и то же дело, думают одинаково, но тут на проверку вышло не так. Мы почему-то все были уверены, что тигр скрывается именно в том леске, в котором мы видели ворон, а потому вели себя беспечно, повесили ружья за плечи и поехали не цепью, а гуськом. След продолжал идти по репке, густо заросшей средней величины орешником, с еще не опавшими листьями. Почему-то Платон ехал первым, я — вторым, Александ третьим, а последним — Турунтаев.

Проехав немного, я снял из-за спины свою люби-

мую со связанным ложем бердану-однозарядку и положилее перед собой на седло, как делал это всегда, когда надо было быть на готове к выстрелу. Лошади наши шли друг за другом на растоянии сажени. Не успели мы проехать и ста шагов, как вдруг справа, на расстоянии четырех саженей, зашумели листья орешника и одновременно раздался рык нападающего тигра, рык, от которго, казалось, могла бы отлететь на стене штукатурка. На нас с Платоном, разинув пасть, прыжком летела ласточкой красавица-тигрица. Лошади, как будто загипнотизированные, встали, как вкопанные. На піх глазах Платон поднял руку с нагайкой, чтобы стегнуть Звездача и отскочить.

Мысль работала молниеносно. Ружье у меня было в правой руке. Нужно соскочить на ноги за лошадь, взвести курок и тигр, долгожданный тигр, будет мой, ибо скрыться он не успеет, а лошадь, скрывающая меня, после первого момента испуга бросится удирать и не помешает.

Все последующее произошло, как во сне. Спрыгивая с лошади, я успел увидеть занесенную руку Платона, затем видел момент, когда тигр, поднявшись на задние лапы передними оперся на круп Звездача и через мгновенье схватил Платона за руку и стащил с лошади.

Я спрыгнул на землю, одновременно взведя курок. Я даже не заметил, как скрылись лошади. В нескольких шагах от меня на снегу катался какой-то клубок человека с тигром. Действие происходило на кромке площадки над небольшим оврагом.

В первый момент я не мог выстрелить, чтобы не убить человека, но в последующее мгновение тигр стал пятиться, т. к. тянул свою жертву к оврагу. Я так быстро соскочил и был готов к выстрелу, что тигр, схватив Платона зубами за руку, не успел хватить за другое место. Я вскинулся и на расстоянии трех шагов выстрелил тигру в бок.

Получив тяжело ранившую его пулю, тигр отпустил свою жертву, взглянул на меня и, круто повернувшись, бросился в овраг. Достав из патронташа патрон и зарядив вновь бердану, я вновь выстрелил по раненому тигру шагов на 30, в угон через овражек. Одновременно со мной выстрелил и мой брат Александр. Тигр с переломленным двумя пулями спинным хребтом упал и скатился на дно овражка. Он рычал и пытался подползти к нам, будучи от нас на расстоянии 20 шагов.

В этот момент Платон вскочил на ноги и закричал:

—Стреляйте, стреляйте его, ребятушки!..

Мы его успокоили, сказав, что тигр уже не сможет подняться к нам на бугорок, полюбовались немного на обезоруженного врага и добили его. В этот момент мы увидели в расстоянии 200 шагов наших лошадей, удиравших с поднятыми хвостами. Турунтаев также удирал от нас, но в другую сторону, и мы с трудодом криками заставили его вернуться.

Грустную картину являл собой незадачливый Платон От новой суконной поддевки остались только одни клочья. Вата лезла из всех дыр, а часть ее висела на орешнике. С головы до ног он был в снегу и крови. Его громадная борода была всклокочена, и клок ее, вместе с куском оторванной кожи, висел на подбородке. Над левой бровью зияла большая рваная рана. Такая же была и на затылке. Из правой руки и из других ран текла кровь. Рукавицы, шапка и винчестер были затоптаны в снегу. Платон уверял, что, лежа под тигром, он кричал «Спасите!», но за ревом тигра я ничего не слышал, ибо думал только об одном — о спасении своего спутника.

Посадив Платона на лошадь Турунтаева, мы отправили его домой, а сами осмотрели место засады тигра, который проделал свой излюбленный прием: пройдя несколько шагов дальше своей лежки, он сделал круг и. вернувшись, залег в четырех саженях от своего собственного следа и бросился на нас в тот момент, когда мы не ожидали, видя, что след пошел дальше.

Убитой оказалась тигрица, а по наблюдениям старых охотников установлено, что они чаше самцов на падают при преследовании.

Промедление со стрельбой по тигру у моего брата произошло, по его словам, потому, что он, как и я охотился всегда с берданой, а на этот раз, из-за отсутствия отца, вооружился винчестером, рассчитывая для более быстрой стрельбы на магазин в 6 патронов, но в волнении забыл об этом и запутался с затвором. На это молодым охотникам следует обратить внимание, насколько опасно иногда бывает в рискованной охоте делать подобную замену.

Возвращаясь домой, мы зашли в лесок, в котором видали пировавших ворон. Там мы нашли действительно остатки задавленного, дня за два до нашей удачной пропавшего у нас годовалого жеребенка.

Когда мы вернулись домой, мать рассказала, что

ла за швейной машиной, когда вернулся Платон и радостно сообщил — «А мы тигра убили...» При осмотре его ранений оказалось, что раздроблена одна из костей правой руки, за которую тигр тянул Платона с лошади, а также повреждены сухожилия мизинца и безымянного пальца. Все это сделало Платона полукалекой на всю жизнь, но все же он продолжал с нами ходить на тигров.

Самые тяжелые переживания у нас были в течение двух дней, в ожидании возвращения отца, перед которым мы должны были держать ответ за покалеченного по нашей оплошности Платона. Отец, конечно, сделал нам строгое замечание за легкомысленную погоню за тигром, но вместе с тем он был очень рад, что так храбро вели себя на охоте.

Через несколько дней мы случайно узнали, почему тигр в то утро вернулся на полуостров. За озером в полуверсте проходит почтовая дорога Славянка — Барабаш, по которой проходили знакомые нам охотники, увидившие тигра и обстрелявшие его. С перепугу тигр повернул обратно, но обстрел этот еще более озлобил его.

Так закончилась моя первая удачная охота на тигра.

Риск таежного охотника

Время шло, тигры стали появляться все реже, а если и появлялись, то были осторожнее и подолгу не задерживались. Обычно они, даже задавив лошадь и пробыв одну или две ночи, спешили уйти в тайгу, а желание еще добыть тигра у меня возрастало.

Вместе с тем уходить надолго в тайгу на охоту я не мог, т. к. был очень занят работой по именью, а помощника у меня не было. Кроме того, мне вообще не везло с охотой на тигра. Я убивал много разного зверя, охотился удачно, не пропускал ни одного случая походить по тигровым следам, а счастья не было. Бывали случаи, что при преследовании в тайге мельком удавалось увидеть зверя, но стрелять по нему не приходилось.

Утешали меня два положения: 1) я знал десятки отличных охотников-промышленников, которые годами жили в тайге и все же в течение своей жизни не убили ни одного тигра; 2) постепенно я понял, что охота по крупному зверю сопряжена с большой настойчивостью, при неослабеваемой энергии, огромной выдерж-

ке и продуманности каждой, на первый взгляд, кажущейся мелочи. На самом деле м е л о ч е й не бывает. Оружие должно быть в с е г д а в идеальном порядке, патроны первосортными, не допускающими осечки, ружье, к которому ваши руки привыкли так, что оно составляет одно целое с вами. Бдительность ваша должна быть всегда особенно обостренной. Иначе говоря, вы обязаны всю силу воли в нужный момент сосредоточивать в полной мере.

Конечно, как и вообще в жизни, громадное значение играет счастье, но мы знаем, что «сегодня счастье завтра счастье, но нужно когда-то и уменье». Особенно ценно иметь настойчивость, терпение и сознание, что чем дольше ходишь безрезультатно по тайге за крупным зверем, тем все больше, с каждым шагом, приближаешься к успеху.

Я как-то формулировал — «Счастье копится...», и это выражение привилось ко всем охотникам, имевшим соприкосновение со мной, настолько оно верно и жизненно. Многие из них мне не раз говорили, что, памятуя его, им легче ждать и переносить лишения таежной охоты.

Мне часто приходилось слышать от дилетантов; «Как вы не боитесь ходить за тигром? Ведь он может вас съесть и т. д.» Правда, он может и съесть и искалечить, но это только частица тех лишений, которым охотник подвергается. Но эта опасность почетная и даже приятная. Имея шрамы от тигровых когтей и разбитое плечо (оно мне служит барометром при перемене погоды), я всегда с благодарной улыбкой вспоминаю милость богини Дианы, отметившей так удачно мои охотничьи старанья.

Как и во всем, самая тяжелая и опасная — это проза охоты, и она заключается в непрерывных опасностях-лишениях. Вот они вкратце:

1). Ходя по горам и скалам, вы легко можете сломать ногу в расщелине под снегом, повредить спину и вообще разбиться. Настоящий охотник ходит один, а получив серьезные повреждения и оказавшись одиноким, в мороз среди снежных сугробов, вы погибнете, будучи не в состоянии развести огонь, а тем более его долго поддерживать.

2). Если вы серьезно ранены зверем или попали в зверовую яму, которая глубока и имеет иногда в центре кол, грозящий стать для вас оружием турецкой казни.

3) Вы можете провалиться при 30-градусном морозе в занесенную снегом полынью реки, или в скрытую наледь.

4) Находясь на охоте на расстоянии сотни верст от жилых мест, вы можете заблудиться и пробродить неделю не имея продовольствия.

5) Летом вас иногда отрезают от жилья разлившиеся реки, наводнения и пр. и вы принуждены неделями питаться случайно добытой дичью, а иногда только грибами и ягодами, находиться под проливным дождем или стать жертвой оводов, комаров, мошки.

Все приведенное выше только частица лишений, испытываемых таежником: уже потеря спичек (или если они подмочены) несет вам громадную опасность.

Однако страсть у всех «смолоду испорченных» бродяг охотников сильнее всех опасностей. Не успеешь вернуться домой из самой опасной и трудной экспедиции отмоешься, подкормишься, отогреешься, и снова в голову лезут мысли о красоте и величии тайги, вновь работает мысль — скоро ли снова удастся отправиться на охоту.

Надо сказать, любителя тайги и охотника манит не только добыча, а также в равной мере и те дикие красоты тайги и ежедневных переживаний, о которых рядовой обыватель не имеет никакого представления.

В юности все молодые охотники, отправляясь на охоту, стремятся как можно больше добыть и, при неудаче, возвращаются разочарованными, но со временем мы, любители природы и величия тайги, на неудачи смотрим спокойно, ибо само пребывание в обстановке одиночества и тишины, которую еще не успел опошлить «культурный человек», есть ни с чем несравнимое удовольствие.

Привожу эту маленькую главу для тех, кто очень мало знаком с жизнью и переживаниями настоящего охотника, чтобы они могли легче разбираться в прочитанном.

На волосок от смерти

Это случилось 2 февраля 1900 года, когда мы жили в именьи Сидеми на полуострове Янковского.

Надо сказать, что хотя барс и намного меньше тигра, все же охота на него считается не менее опасной, чем на тигра. Барса считают более свирепым и, кроме того, он лазает на деревья и часто берет свою жертву,

прыгая с дерева или со скалы. Я знаю много случаев нападения барса на охотника, но почти все они произошли или при слишком интенсивном его преследовании по глубокому снегу, когда барс не в состоянии уходить от охотника, или же, когда голодный барс нападает в поисках питания. Мой отец, старый и опытный охотник также всегда был в этом уверен и, будучи для меня авторитетом, однажды чуть не помог мне попасть в ... когти барса. Как видите, во всем бывают исключение.

Я уже был приличным охотником, много раз гонялся по следам за барсом, но не только убить, но даже увидеть его в лесу мне не удавалось. Надо сказать, что этот зверь не только страшно осторожен и хитер, но и обладает поразительным слухом и зрением и не плохим чутьем. Днем он бродить избегает и проводит время в малодоступных скалах или в густой чаще, откуда и выходит на охоту по ночам. Ходит он, как все кошки, совершенно не слышно ступая своими бархатными лапками, и поэтому охота за ним делается особенно трудной и рискованной. Бросается он на свою жертву, как и тигр, со страшным ревом, одновременно гипнотизируя ее. Мне удалось проверить это на практике, но, конечно, гипноз этот действует только на животных.

Было чудесное февральское утро. Ночью выпал снежок вершка в два глубиной — обстоятельство, при котором охотника можно удержать дома только «на веревке», если есть какая-нибудь возможность пойти по свежей пороше в лес.

Поседлав Ляльку, моего неразлучного спутника, полукровного араба, выезженного и прирученного мною для охоты, я вооружился маузером (в то время я охотился с ним, изменив своей старой связанной берданке), взял бинокль и поехал верст за шесть от дома на лесорубку, где у меня в то время шла заготовка дров.

Осмотрев заготовку, я отправился поохотиться и, не успев отъехать полверсты, наткнулся на утренний след крупного барса. След уходил в сильную чащу, так что мало было надежд его увидеть, но, придерживаясь принципа не пропускать ни одного случая испытать счастье следить тигра или барса, я отправился по следу.

Как я сказал, след был совсем свежий, и поэтому была надежда, что барс не смог далеко уйти. Я ехал с возможной предосторожностью и, проехав немного, обнаружил, что барс скрадывал пасущихся коз. Он шел по их следу, прячась за деревьями, и подолгу лежал, наблюдая, как они пасутся. Хотя снег был мягкий, но

обилие сухих веток мешало зверю быстро пробраться к своим жертвам. Местами снег был протаян до земли и, судя по тому, что на следу была заметна свежая грязь, можно было предполагать, что зверь оставался здесь, когда уже солнце растопило ночную мерзлоту. Так по свежему снегу для опытного охотника открыта книга тайги, и он может прочесть все детали, происшедшие в его отсутствие. Поэтому-то для меня самая любимая охота по свежей пороше.

Было уже около двух часов. Судя по тому, что барс охотился днем, он был очень голоден. Приходилось это учитывать, но чаща была настолько густой, что, если зверь устроит засаду, увидеть его своевременно было бы невозможно. Наконец следы показали, что козы, почуяв врага, удрали. Обескураженный барс влез на кривую липу, полежал там, подсушил пятки и побрел дальше. Проехав с полверсты, я увидел, что след вывел меня из старого леса к опушке высокой, почти голой горы под названием Шестисотенная и по оврагу «Барсовый распадок» повел в гору. Маузер все время лежал у меня на коленях, курок был взведен, и я был начеку, так как, будучи одиноким, я не мог, в случае нападения, рассчитывать на чью-либо помощь.

Лялька у меня был выезжен для охоты, и я часто стрелял с него, особенно по фазанам, а иногда и по козам. Солнопек, по которому барс шел в гору, был заросший травой и засыпан снегом, и, хотя я знал, что барс был здесь недавно — может быть, около часа назад, все же не ждал его увидеть по эту сторону горы. Я достиг уже половины подъема, как неожиданно впереди меня в горе оказалась небольшая впадина, диаметром саженей 20, густо заросшая полынью. След уходил именно в нее. Со слов отца я знал старое правило, что в таких случаях густую заросль нужно объехать вокруг и убедиться, прошел ли хищник дальше или же пребывает в столь уютном месте.

Держа ружье наготове, я двинулся влево по кромке зарослей, проехал половину круга и почему-то решил не ехать дальше, а пересечь заросль. Не успел я сделать и пяти шагов, как внезапно увидел барса, сделавшего на меня засаду.

Дальнейшее все произошло молниеносно. Барс, ожидая меня, лежал в кустах полыни, в семи шагах от лошади. Я его увидел в тот момент, когда он приподнялся и сделал стойку, прижав назад уши. Глаза его горели взгляд встретился с моим. Его положение было

выигрышным Он был готов к прыжку, но почему-то медлил. Думаю, что это произошло от того, что цель — человек, соединенный с лошадью, — была ему необычна, и он, гипнотизируя нас с Лялькой, как видно, обдумывал прыжок. На мое несчастье, он находился от меня всего лишь на расстоянии короткого прыжка и справа от лошади. Благодаря этому мне пришлось бы, не поворачивая лошадь, стрелять с левой руки, а я не очень владею этим приемом. Кроме того, в момент выстрела Лялька мог рвануть в сторону, а неверный выстрел только бы ранил зверя и сделал бы его более опасным.

Держа ружье в руках и не спуская глаз с зверя, я решил соскочить на левую сторону, за передние лопатки лошади, с тем, чтобы при прыжке меня частично бы закрывал Лялька, но так, чтобы при броске я он не смог бы меня сбить с ног. В момент, когда я коснулся ногами земли, барс сделал шаг вперед и вновь замер на стойке, находясь от меня шагах в шести. Он был необычайно красив в этот момент: глаза продолжали гореть, уши были плотно прижаты к затылку. Прошло сорок три года, но и сейчас, закрыв глаза, я ясно могу представить себе эту редкую картину.

Вскинувшись, я взял голову барса на мушку и в этот момент я уже вздохнул спокойно, подумав: «Ну, теперь ты уже проиграл!». Я спустил курок — и пуля попала в правый глаз зверя, и он рухнул, не дрогнув. В момент выстрела я отпустил повод лошади, чтобы она неожиданно не дернула меня и не испортила выстрела.

Лялька продолжал стоять, как вкопанный, как видно, настолько был силен гипноз хищника. На всякий случай я пустил еще одну пулю в шею барса и подошел к нему. Это был великолепный самец предельных размеров.

Вернувшись домой, я запряг сани, и к вечеру мой трофей уже лежал на веранде усадьбы.

Случай с моим отцом

Как это ни странно, но в жизни бывают странные совпадения. Описывая вышеуказанный эпизод, я указал, что барс направился в Барсовый распадок, и теперь считаю необходимым пояснить, откуда произошло это название.

За шестнадцать лет до моей первой удачной охоты на барса в этом распадке на охоте произошел почти аналогичный случай с моим отцом М. И. Янковским. Случился он в 1884 году, также в феврале месяце.

Охотясь по свежему снегу, отец перевалил в этот же самый распадок, в то время безыменный. Ехал он на прекрасно выезженном для охоты Казачке. Отец, как и я любил охотиться на лошади, что было так удобно по пологим холмам Приморья, в большей своей части заросшим высокими полевыми травами и таволожником, в противовес Корее, где очень крутые каменистые горы и густая поросль всевозможных деревьев (особенно сосна и дуб), что исключают возможность этого вида охоты. Но я несколько отвлекся в сторону.

Итак, отец, перевалив в распадок, увидел в бинокль стадо оленей, которых в то время в Приморье было значительно больше, чем ныне в благодатных Корее и Маньчжурии. От охотника к оленям спускался не очень крутой холм, под прикрытием которого отец и спускался на лошади. До стада было больше полуверсты, но, проехав некоторое расстояние, отец наткнулся на свежий след барса, идущий в сторону оленей. Сообразив, что барс также скрадывает оленей, отец решил использовать счастливо подвернувшийся случай, чтобы, в свою очередь, скрасть барса. Нужно заметить, что самый удачный случай скрасть и убить хищника это тогда, когда он сам голоден и скрадывает жертву, заранее предвкушая, с каким аппетитом он будет ее есть, а еще легче — когда он с веселым мурлыканьем поедает свой своеобразный «бифштекс».

Отец, предполагая, что барс уже недалеко от своих жертв, слез с лошади и, ведя ее за собой, пошел пешком, не рискуя ее оставить, так как барс мог переменить свой маршрут и задрать оставленного Казачка. Сохраняя возможную осторожность и держа ружье наготове с взведенным курком, отец медленно продвигался по следу, который неожиданно повернул в сторону и скрылся за холмом, где паслись олени. Подойдя к перевалу холма, он стал осторожно заглядывать за него и увидел в тридцати шагах от себя барса, который, в свою очередь, заслышав шаги охотника, начал его скрадывать.

Моментально выщелясь в голову, отец выстрелил и Мертельно пораженный барс свалился на месте, а испуганные выстрелом олени бросились бежать. Видимо, барс, перейдя за хребет, продолжал скрадывать оленей.

но услышав сзади шорох и не предполагая приближение врага, решил, что это какая-нибудь дичь, и решил на нее поохотиться.

Преимущество у отца было в том, что он шел пешком и имел наготове свой винчестер, но поразительно то, что оба эти случая произошли на одном и том же месте и были так похожи один на другой. Но самое главное это то, что эти случаи совершенно опроверги теорию моего отца, что барс, не будучи ранен, не нападает на человека. Видно разница только в том, насколько сыт этот зверь, а голод даже людей делает людоедами. В память охоты отца на барса этот распадок и был назван Барсовым.

Впоследствии я знал еще несколько случаев, когда барс нападал на охотника или случайного прохожего безо всякого к тому повода, но все они проиеходили тогда, когда зверь неожиданно сталкивался с человеком на близком расстоянии, или был очень голоден, или же это была самка, у которой в этот момент были дети. Из этого следует, что при преследовании барса, особенно раненого, охотник всегда рискует попасть зверю в лапы, в результате чего, в лучшем случае, он останется калекой на всю жизнь.

Мой второй барс

После первой встречи моей с барсом мое «накопившееся счастье» на них не закончилось. На другой день после описанной мною охоты я решил поехать на коз, так как мясо в кладовой именья было закончено, а у меня, помимо обязанностей управляющего именьем, главного наездника, оленевода и охраняющего от браконьеров, была еще одна — снабжение мясом всех обитателей именья. Накануне же охота на барса отвлекла меня от исполнения прямых моих обязанностей.

Кто не жил в Сибири, тот совершенно не знаком с царившей там обстановкой, особенно в те далекие времена, когда ближайшие соседи по именью жили за двадцать-тридцать верст, а окрестная тайга питала в изобилии людей мясом, рыбой, фруктами, орехами и пр. Нужно было только не лениться, и всего было вдоволь. Как теперь ходят на базар, так мы в то время шли в тайгу. Разница только в том, что на базар ходят с кошельком, а мы ходили с ружьями; на базаре остерегаются карманников, а нам приходилось остерегаться тигров, хунхузов и браконьеров.

Рано поутру я выехал верхом в южные пади полуострова — добыть пару коз. Утро было чудесное — солнечное и тихое. Горы были покрыты выпавшим свежим снегом, что всегда меня, как охотника, приводило в радостное настроение. Я не знаю, почему это ощущение осталось у меня на всю жизнь. Снег в горах, лесах и полях — это что-то неотразимое, и эту картину я не променяю ни на что другое.

Полутропа, полудорога, по которой я ехал, пролегала по холмам, переваливая с одного на другой, и шла недалеко от берега, открытого уже ото льда, синего Японского моря. В феврале обычно начинаются оттепели и зимний лед относит от берегов. В море плавали отдельные льдины, на которых мирно лежали кое-где старые нерпы (род тюленей). Нерпы в это время щенятся, и в бинокль около некоторых из них можно было рассмотреть детенышей. Охота на нерп очень увлекательна, но часто сопряжена со страшным риском для охотника, ввиду неожиданных весенних шквалов. Об этой охоте я расскажу в дальнейшем в отдельной главе.

Перевалив последовательно пади Табунную, Смежную, Замочную и Опасную, я доехал до Горелой, отстоявшей от нашей усадьбы на верст шесть. Отсюда и повернул направо, чтобы вершинами падей начать охоту в направлении к дому, так как ветер с севера дул мне прямо в лицо, а это является непременным условием каждой зверовой охоты. Ведь большинство зверей при самом легком ветре чуют запах человека на расстоянии версты и, конечно, успевают скрыться раньше, чем охотник может их обнаружить. Необходимо добавить, что, несмотря на прекрасное зрение, часто зверь в чаше не может решить — идет ли к нему охотник, или какой-нибудь зверь, что иногда дает охотнику шансы на успех. Если же зверь почует запах охотника, тут уже сомнений не бывает, и быстрые ноги служат ему спасеньем.

Мой Лялька, на котором я ехал в это утро, был особенно чуток и беспокойно прислушивался к каждому шороху, видимо, вспоминая вчерашнюю стойку барса. Вначале мне не везло. Козы дважды мне попадались, но находясь в чаше, обнаруживали меня прежде, чем я мог их заметить, и убегали. К огорчению для этих грациозных животных их верной защитой являются только ноги, которыми руководят поразительный слух и приличное зрение.

Все же, проездив по горам до часу дня, я выполнил задание, добыв трех коз. Порядком проголодавшись, но с сознанием выполненного «урока», я решил вернуться домой обедать. После стрельбы по козам у меня в маузере осталось всего два патрона, и я, не пополняя магазина, надел ружье за спину и по утренней тропе направился домой, не ожидая встретить по дороге ничего интересного. В этом я позже сильно раскаялся и после нижеприведенного случая никогда в жизни не носил на охоте или при возвращении с нее ружья с непополненным патронами магазином. Зверовый охотник должен, учитывая всякую оплошность, стараться не быть рассеянным и никогда ее больше не повторит. В девяти из десяти несчастных случаев мы бываем виновны сами.

Проехав версты две, напевая что-то себе под нос, я мечтал о предстоящем обеде и быстрой рысью спускался в крутой ключ Смежной пади. Не доезжая до дома версты три, я неожиданно увидел впереди себя, в тридцати шагах, барса, выскочившего из чащи под обрывом дороги и бросившегося от меня наутек, вправо от дороги, взяв направление вперед. Я так был поражен появлением барса, что мысль в первый момент прорезала сознание: «Не ожил ли мой вчерашний барс и не удрал ли снова в лес?». Не раздумывая, я поскакал вперед по дороге и, перескочив ключ, взял вправо по чаще, напересек зверю. Проскакав в этом направлени лес, я увидел барса, удиравшего уже по густому кустарнику, следовавшему за лесом. Кустарник был невысокий, и поэтому зверь был хорошо виден с лошади. Дальше простиралось на протяжении шагов четырехсот чистое поле, служившее для сенокоса, а от меня до барса было всего лишь шагов семьдесят.

Я моментально остановил лошадь, соскочил на землю, снял ружье, прицелился и выстрелил. Все это было сделано мгновенно, но барс был уже от меня шагах в 150 и продолжал нестись по кустам с большой скоростью. Я выстрелил вторично, барс круто повернул влево и неожиданно выскочил на чистое поле, шагах в 200 от меня. Я подумал: «Ну, теперь-то ты мой», снова прицелился и спустил курок, но выстрела не последовало. В горячке я подумал, что это осечка, выщелил еще раз и снова спустил курок. Барс мчался по чистому полю и служил хорошей целью, но выстрела не последовало вновь, и тут только я вспомнил, что после стрельбы по козам у меня в ружье оставалось всего

лишь два патрона. Я выхватил новую обойму, быстро зарядил маузер, но было уже поздно: барс успел перебежать поле и скрылся в лесу.

Не буду говорить о своих переживаниях в первый момент. Случившегося не вернуть и, может быть, добрый десяток лет придется бродить по горам и долам, пока вновь представится подобный случай. Ведь барс ушел из рук по моей собственной небрежности! Вот тут-то я и дал себе слово, что никогда больше не буду носить недозаряженного ружья, и не нарушил его ни разу, хотя с того дня и прошло сорок три года

Мой верный друг, Лялька, стоял позади меня. Не знаю, о чем он думал, но надо полагать был рад, что страшный зверь постыдно бежал с поля битвы. Пройдя по следу на место, где был барс при втором моем выстреле, я обнаружил на снегу довольно много крови. Это меня несколько успокоило, но ярко алый цвет крови показывал, что барс получил не смертельную, а, может быть, только и совсем незначительную рану. Все же, даже легко раненый барс не склонен уходить далеко, а старается залезть в ближайшую трущобу и оттуда постараться отомстить обидчику. Пройдя по следу еще некоторое расстояние, я установил, что прострелена передняя правая нога около колена, без перелома кости, т. е. рана относится к разряду легких. Идти дальше одному и без собак было рисковано и бесцельно. Вскочив на лошадь, я помчался домой.

Пообедав на скорую руку и взяв двух своих сеттеров, Буяна и Барсика, которые в сущности служили для охоты по птице, но которых я часто брал на охоты по козам. Иногда я ими затравливал барсуков, не раз они останавливали и раненого оленя, хотя взять его сами и не могли. Главная польза от таких собак, если они и не рискнут пойти на легко раненого барса, то но всяком случае предупредят об его присутствии — и напасть ему неожиданно будет труднее.

Когда я уже готов был идти на охоту, меня остановили двое рабочих, оба старые сибирские пропойцы, прошедшие на своем веку «и огонь, и воду, и медные трубы», прослужившие в свое время по семь лет в сибирских стрелковых батальонах и умевшие прилично стрелять в цель из ружей. Я иногда брал их на охоту за козами или по пернатой дичи, но тут они, не желая отпускать меня одного на опасное преследование барса, упросили меня взять их с собой. Увы, охотниками на барса они оказались слабыми и даже оставаться вдво-

ем при преследовании зверя отказывались. Вооружив плотника Шонгина берданой, мне пришлось дать кузнецу Быкову двустволку, заряженную крупной картечью, что было более действительно при данном случае, если бы пришлось стрелять в нападающего барса, т. е. с расстояния в несколько саженей.

Как всегда бывает в подобных случаях, идя по дороге до оставленного мною следа, мы обсуждали вопрос, как поступить при том или ином положении вещей. Должен признаться, что тактически за раненым тигром или барсом безопаснее идти одному, чем в компании новичков, да еще не охотников В компании идешь беспечно и менее осторожно, а в случае нападения зверя на главного охотника, помощники, если не перетрусят, то растеряются, не зная, как стрелять, чтобы не подстрелить катающегося с разъяренным зверем охотника. В худшем же случае они могут бросить на произвол судьбы своего товарища по охоте и удрать домой Мой отец всегда говорил, что он лучше пойдет на охоту один, если нет спутника, в котором он уверен, предоставляя дилетантам право сидеть дома. В этом я вполне с ним согласен.

Дойдя до следа, мы принялись за слежку, которая облегчалась лежавшим прекрасным снегом. Барс пересекал овраг за оврагом, держа направление в сторону скал к обрывам над морем, иногда ложился на выступах камней, наблюдая за своим следом и, видимо, ожидая преследования. Полежав некоторое время, он шел дальше.

Собаки шли все время немного впереди, не проявляя особенного беспокойства, так как след все еще не был очень свежим. Вновь испеченные «барсятники» поэтому также вели себя самоуверенно. Но вот след, выйдя на крутую гору над морем, стал спускаться в обрыв под Красный утес. Собаки заволновались, стали рычать и отказывались идти вперед. Пройдя немного, мы наткнулись на свежую лежку, где барс, по-видимому, долго лежал, зализывая рану. На лежке обнаружили много крови, что говорило за то, что рана была более серьезной, чем я предполагал. Барс продолжал не торопясь уходить от нас, прячась в густых зарослях и залегая за скалами. Спуск был очень крутой, заросший виноградом и кустами, и увидеть зверя было невозможно. Между прочим, след был очень крупный и попасть такому «дяде» в зубы не хотелось.

Судя по поведению собак, зверь старался уйти по-

дальше, как будто заманивая нас в более удобное дли нападения место. Прокружив около часа и сделав два круга на расстоянии не более двухсот саженей в диаметре след взял направление к единственному выходу из-под Красного утеса в Озерную падь, до которой осталось не более версты. Все же барс не отходил от нас далеко, так как собаки то и дело бросались с лаем на ближайшие заросли. Мне стало ясно, что, гоняя так барса, мы не сможем его увидеть, так как он стал уходитЬ в строну перевала и желания схватиться с нами в смертельной схватке у него не было.

Правильный выход был таков: одному из нас надо было зайти вперед за перевал и сделать засаду, а двоим с собаками преследовать барса по следу. Я предложил такой план моим спутникам, предоставив на выбор или я пойду в засаду, или же кто-нибудь из них, но мои соратники отказались от того и другого, и нам ничего не оставалось, как продолжать гнать зверя той же компанией. Солнце было низко, зимний день догорал, и вечерние тени спускались все ниже и ниже.

Обстановка делалась все менее приветливой и, видно, страх с каждой минутой все больше залезал под рубашки моим компаньонам. При этом собаки все яростнее продолжали атаки на ближайшие кусты и камни — видно, зверь не хотел идти за перевал, где местность была значительно чище.

В сумерки, как я и предполагал, зверь перевалил в Озерную падь по тому месту, где я думал сделать засаду. и ушел в дубовый сивер горы, а мы, порядком уставшие, побрели домой, с тем, чтобы на другой день с раннего утра возобновить преследование. Темнота наступила быстро. Сивер, по которому ушел барс, а за ним в том же направлении пришлось спускаться и нам, был крайне мрачным и подозрительным. Я, по лесной привычке, закинув ружье за спину, шагал и обдумывал план охоты на следующий день, заранее зная, что если бы барс захотел напасть на нас в густой темноте, предотвратить это нападение было невозможно, а поэтому об этом и не думал. Мои же спутники реагировали по иному — ружья держали наготове и беспрерывно оглядывались, переживая все очень остро. Собаки вели себя совершенно спокойно, что говорило о том, что барс свернул куда-то в сторону от нашего пути.

До дому было не более четырех верст и, когда и туда пришел, то встретил там своего приятеля — Алексея Алексеевича Трусова, приехавшего погостить

к нам из Владивостока, что делал он довольно часто. Это был маленький очень спортивный человек, горожэнин в полном смысле этого слова (родившийся в Москве), но сильный духом. Несмотря на свою мирную профессию (он всю жизнь работал в книжном магазине), он, не задумываясь, не прочь был пойти со мной на любую таежную авантюру. Узнав о раненом барсе, он сразу же безапелляционно заявил:

— Возьми меня завтра с собой за барсом. Наверное, это будет так интересно!..

Вслед за этим он попросил меня вооружиться свечой и показать ему убитого мною накануне барса.

Как в противоречье общему правилу «В здоровом теле — здоровый дух», у Трусова все было наоборот. Как я уже упоминал, это был маленький ростом, тщедушный рыжий ярославец, со слабой растительностью острым носиком и самоуверенным взглядом. Он чем-то напоминал бурундука.

Сейчас же после ужина начались сборы. Надо добавить, что хотя и прежде Трусов ходил со мной на охоту за утками и фазанами, но никогда ничего не убивал так как стрелял он очень плохо. Сейчас же он буквально горел страстью пережить охоту на барса, и я чувствовал, что он смотрел на это дело серьезно, и подтрунивать над ним было неудобно, хотя мы и были старыми друзьями. Кроме того, я был уверен, что в минуту опасности он не струсит, а полезет напролом, но это не значит, что в критический момент он мог бы оказать серьезную помощь. Сборы продолжались до полуночи и сопровождались большими переживаниями. Подгонялась соответствующая зимняя обувь, костюмы, дошла очередь и до ружья. Пришлось дать дробовик (винтовки не было), заряженный крупной картечью. Сборы и разговоры затянулись, и мы легли спать только далеко за полночь.

Рассказанные мною выше сборы мне напоминают о том, как часто ко мне приезжали в Сидеми, а позднее в течение 20 лет в Корею «знатные иностранцы» буквально со всех концов света и всех национальностей. Настоящих охотников среди них было не больше 10 процентов, а все остальные это буквально Зонтекхс Иегери, начитавшиеся Майн Рида и Фенимора Купера и наслышавшиеся историй об охоте по крупному зверю, в результате чего и воспылали страстью пожать лавры охотничьих побед. Обыкновенно такой «будущий герой», запасшись обязательно крупнокалиберным ка-

рабином, надевши по картинке сшитый охотничий костюм, иногда даже полуафриканский, приезжает в январе в Северную Корею поохотиться на крупного зверя. Из разговора быстро выясняется, что его, видите ли, больше всего интересуют тигры. Он не прочь увезти с собой пару тигровых шкур, заодно леопарда и пары две ветвистых олених рогов, чтобы было потом чем похвастаться перед друзьями. Выслушиваешь, делая при этом серьезное лицо, и незаметно наводишь разговор на то, каких зверей уже добывал ваш гость. В большинстве случаев выясняется, что его дядя убивал волков, сам он был на охоте за лисицами, а убил на своем веку всего лишь пару зайцев. В лучшем случае финал охоты с таким героем таков: пробродив несколько дней по тайге и наткнувшись на след тигра, покажешь ему эту симпатичную «лапку», величиной иногда с хорошую тарелку. Тут сразу же настроение меняется, особенно, если след направляется в густую чашу. Ваш герой выяснив в какую сторону ушел тигр, начинает искать причину для того, чтобы взять обратное ему направление, а вечером на бивуаке заводит разговор, что его беспокоят домашние дела, что ему необходимо завтра возвращаться, но он теперь искушен этой охотой, и на следующий год приедет не один, а с кучей друзей и т. д.

Но вернусь к своему рассказу. Утро выдалось вновь ясное и не очень холодное. Дул сильный северный ветер, и как будто бы все способствовало успеху. Мои вчерашние спутники, Быков и Шонгин, вновь изъявили желание сопутствовать мне на охоту, и таким образом нас собралось четверо. Так как мы не знали, далеко ли за ночь ушел барс, решено было поседлать коней и ехать верхом, чтобы постараться во что бы то ни стало догнать зверя по следу, а потом уже начать на него охоту, в зависимости от обстановки. Собак, конечно, взяли с собой. Ввиду того, что накануне барс был оставлен фактически на большом мысу, окруженном с трех сторон морем, мы решили пересечь перешеек этого мыса и найти выходной след, и дальше следовать по нему. Однако, проехав, мы выходного следа не обнаружили, из чего явствовало, что барс остался где-то в районе, покинутом нами накануне, и не старался уйти. Это говорило о том, что рана оказалась более серьезной, чем я думал, а скалы Красного утеса казалось служили своей недоступностью прекрасным прикрытием для зверя. Повернув в сторону мыса, мы разделились,

чтобы быстрее найти след. Я и Трусов поехали по хребту над Красным утесом и отделяющим этот утес от дубового сивера, а других охотников отправили по середине сивера попытаться, если им удастся, пересечь след. Кроме того, если бы барс все еще оставался на сивере, он, будучи вспугнут Быковым и Шотиным, попытается перебежать обратно под Красный утес и набежит на нас.

Собаки шли с нами. Я ехал впереди, держа в руках наготове маузер, Трусов ехал вторым, а сзади него бежали собаки. Так мы проехали версты две, миновав Красный утес и вчерашний след барса, по которому мы вчера вышли, и приближались уже к скале на хребте Великаньи уступы (это отдельные скалы), но обратного следа не пересекли. Было ясно, что барс оставался где-то между нами и охотниками, ехавшими по сиверу слева от нас. С ними мы должны были встретиться за Великаньими уступами.

Поднимаясь на очередной холмик, я совершенно неожиданно для себя увидел в сорока шагах от себя бегущего через холмик барса, который был потревожен нашими охотниками в сиверу и по оврагу поднялся на наш хребет, чтобы вновь скрыться в скалы Красною утеса. Он не видел меня и поэтому, не торопясь, поднимался на ближайший по нашему пути холм. Ветер дул от него. Я оттянул назад лошадь, спрыгнул с седла и выскочил вперед на горку. Барс был всего лишь в 60 шагах от меня. Место было гладким, и зверь весь был на виду. Выцелив ему в спину между лопаток, я выстрелил, и раненый зверь стремглав метнулся вправо под Великаньи утесы и скрылся под обрыв. В этот момент Трусов пустил ему вслед заряд картечи. Взбудораженные собаки в азарте буквально кубарем покатились под скалу догонять тяжело раненого барса, но из-за крутизны мы не могли спуститься за ними. Привязав лошадей к деревьям, мы выскочили вновь на хребет и через несколько минут услыхали впереди за скалами ожесточенный лай. Мы бросились по гребню горы, пробежали шагов 300 и, выйдя на край Великаньего уступа, увидели под нами, шагах в сорока, сидящего на снегу раненого барса. Собаки стояли по обе стороны его и лаяли. Увидя нас, они усилили свой лай.

Перед нами была редкая картина. Барс сидел на белой снежной полянке, Барсик и Буян старались его укусить, и тогда он по очереди поворачивался то в ту, то в другую сторону. Сидя на скале, мы были в полной

безопасности и могли даже разглядеть глаза зверя. Через несколько минут на собачий лай прибежали наши спутники и тоже стали любоваться редкой картиной. Охотники в азарте все время порывались выстрелить в барса, но я их останавливал, чтобы лучше запечатлеть эту картину. Мне было ясно, что зверь не уйдет, так как при малейшей попытке к бегству я мог его пристрелить. Однако постепенно собаки стали наглее, а барс старался схватить то одну, то другую. Хотя собаки были и опытные и удачно нападали, и отскакивали от зверя, все же злоупотреблять этим стало рискованно. Как я сожалел, что со мною не было в этот момент фотоаппарата. Чтобы не потерять собак, я скараулил момент и добил барса в шею, чтобы не испортить ему черепа.

После выстрела собаки наскочили на свою жертву и стали ее трепать немилосердно, как видно считая, что они являются главными виновниками торжества. Шкуры хищника, кабана и медведя так крепки, что не поддаются легко собачьим зубам, почему, в поощрение на будущее, всегда следует псам разрешать потрепать зверя. Другое дело, если в зубы собак попадется затравленная лисица, заяц или коза. Здесь необходимо остановить собак моментально, ибо при самом незначительном промедлении от трофея останутся только «рожки да ножки».

Подошли к барсу и мы. Он оказался крупной самкой. Поделившись впечатлениями и переживаниями, как полагается в таких случаях, я спросил загонщиков, где они пересекли след зверя. Оказалось, он перевалил с вечера в сивер, спустился не дальше 300 шагов и пролежал в лежке, пока его не спугнули, случайно наехав на него, наши спутники. Осмотрев рану, которую я нанес ему накануне, я обнаружил, что ранение было серьезным: пуля попала в переднюю ногу ниже колена, разорвала сухожилия и вырвала мясо до кости. Зализывая рану, барс обнажил наполовину кость и конечно не мог безболезненно ступать на ногу.

Вытащив вчетвером нашу добычу на крутой хребет, мы стали совещаться, как доставить ее домой, так как одному человеку донести было не под силу. Я решил попробовать навьючить барса на спину Ляльки, который был приучен у меня возить коз, а иногда и волков, но здесь запах зверя оказался для него настолько непереносимым, что он долго не хотел подходить близко, страшно храпел и упирался. Пришлось приме-

нить старый испытанный способ успокоения — намазать ноздри коня кровью барса, отчего он лишается ощущения обоняния и завязать глаза. Затем тушу барса водворили на спину Ляльки и закрепили. После того, как он прошел некоторое расстояние, повязку сняли, но вскоре же Лялька вновь стал проявлять беспокойство и храпеть — как видно, запах крови из носа стал постепенно испаряться. Пришлось вновь достать из раны кровь и повторить смазывание. До дома было версты четыре, причем каждую версту операция смазывания повторялась. Должен заметить, что, несмотря на частые транспортировки за седлом у Ляльки коз, при вьючении неизбежно приходилось прибегать к смазыванию кровью ноздрей, но, подчиняясь мне при этой процедуре, он стоял смирно и выражал свое волнение всегда лишь сильным храпом, продолжавшимся лишь до того момента, когда я садился на него верхом. Как только он чувствовал, что я на нем, Ляльку оставляли всякие страхи, и он шел спокойно.

На другой день я поехал выяснить, откуда взялся так неожиданно второй барс, и по следам установил, что оба барса, будучи парой, пришли на полуостров вместе и здесь разошлись на охоте. Когда я убил самца, самка, как видно, долго бродила в поисках супруга и забрела на южные склоны гор, более чистые от растительности, чего обычно в нормальных условиях хищники избегают.

Насколько трудно убить барса вообще, это можно судить по тому, что, продолжая постоянно охотится, я следующего барса убил лишь по прошествии десяти лет после вышеописанных событий. Кроме того, я знаю многих охотников, которым за всю их долгую карьеру ни разу не улыбнулось счастье убить барса, несмотря на то, что в течение каждого сезона они натыкались на его следы.

Приключение с медведем

Это произошло давно — в 1920 году, в Приморье, на полуострове Янковского. У меня в именьи под оленей был выгорожен огромный парк, площадью в 5.000 акров земли Наполовину эта площадь была покрыта густым лесом. Внутри возвышались горы высотой в 760 футов со многими скалами и пересекались глубокими падями с горными ручьями, обычно не за-

мерзавшими в зимнюю стужу. С юго-восточной стороны парк выходил к незамерзающему Японскому морю, а с трех сторон был обнесен оцинкованной проволочной сеткой в 10 футов высотой и длиной в двенадцать верст. Проволочная сеть с обоих концов у моря заканчивалась на неприступных скалах. Вдоль всей ограды, по обе стороны сетки, пересекая хребты, была прорублена просека шириной в 50 саженей, трава на которой скашивалась в лето несколько раз, чтобы охраняющие парк сторожа могли следить за приближающимися к сетке барсами, медведями и главными врагами оленей — браконьерами, война с которыми не прерывалась ни днем, ни ночью. В парке паслись на свободе до трех тысяч оленей, причем стоимость срезанной оленьей головы с пантами оценивалась от 500 до 1000 рублей — суммой по мирному времени крупной. На одну такую голову можно было безбедно существовать целый год. Конечно, для сторожей и для меня, их ближайшего руководителя и вдохновителя, браконьеры, вооруженные прекрасными ружьями, опытные таежники и стрелки, были самыми настойчивыми и опасными противниками, но борьбе с ними я посвящу отдельную главу.

Вдоль сетки, на всех холмах и перевалах, было построено шесть сторожевых блокгаузов. Вдоль всей линии был проведен телефон, непосредственно соединенный с моей квартирой в именьи. Кроме того, четыре сторожевых домика высились на главных высотах среди парка и, таким образом, каждый выстрел, произведенный в любой долине, всегда мог быть кем-то услышан. Скрываться же тому хищнику, который уже под покровом ночи или тумана (а туманы в Приморье длятся иногда неделями) проскользнул внутрь парка незамеченным, было легко, благодаря густой чащи летом, особенно в высоких полутропических папоротниках и травах. На помощь приходили и расселины скал.

Все же барсы и медведи забирались в заповедник редко и каждый такой случай был подлинным событием, ибо сейчас же устраивались охоты, а если позволяли условия, то и облавы с неизменным успехом. Облавы делались обыкновенно в тех случаях, когда в парке обнаружилось присутствие браконьера.

Лето 1920 года было неблагоприятным в отношении урожая лесных фруктов и орехов, как для Приморья, так и для соседней Маньчжурии, и все обитатели тайги в таких случаях, руководимые инстинктом, шли в

поисках корма в соседние леса, часто собираясь крупными стадами. Так как я думаю, что не все читатели с этим знакомы, я позволю себе несколько отклониться от темы моего рассказа.

У старожилов Сибири и Приморья, а также и у охотников, есть специальное выражение — ходовой зверь. Так как это выражение в моих рассказах будет часто повторяться, то я его несколько разъясню.

Периодами, в различное время года, известные породы диких зверей и животных собираются огромными стадами и начинают передвигаться из района своего постоянного местопребывания в соседние. Иногда это передвижение бывает стихийным и животные передвигаются на многие сотни верст. Часто они идут в одном направлении малыми табунами, причем общее число переселяющихся зверей и животных достигает многих тысяч голов. Причины такого переселения бывают разные, иногда малообъяснимые, но по большей части они вызваны поисками более обильных кормов. За травоядными тянутся и хищники, и вот, если охотник учтет это обстоятельство, то успех ему всегда обеспечен.

В описываемую осень 1920 гола ходовой медведь шел из Маньчжурии в огромном количестве и, начиная с конца лета, в наш парк забралось несколько «мишек» (обыкновенно барс или медведь не могут перепрыгнуть десятифутовую туго натянутую сетку и по столбам взбираются до ее верха, а затем тем же способом спускаются внутрь ограды). Однако, так как медведю трудно поймать шустрого оленя, а на желуди урожай был плохой, они, пробродив день-другой по парку, уходили восвояси.

В начале октября, когда листья опали и есть в лесу было нечего, один из таких «гостей» под вечер перелез в парк и отправился на разведку. Его заметил один из моих сторожей — Митюков, но выстрелить не успел, так как медведь быстро скрылся в чаще парка. Митюков сообщил о «визитере» мне по телефону. Надо сказать, что Митюков занимал у меня место старшего сторожа не потому, что отличался особой храбростью или лихостью (что непременно требовалось от сторожа при таком деле), но был нам очень предан и служил у нас 33 года, пользуясь полным моим доверием. Он попал к нам с острова Сахалина, где отбывал воинскую повинность, предпочитая жить в лесу и в именье приходил только для того, чтобы запастись продовольствием или помыться в бане. Часто я брал его с собой на

охоту. Я подробно остановился на нем потому, что он не раз будет фигурировать в моих повествованиях.

Медведь перешел ограду в Семивершинной пади, через Барсовый распадок, что по прямому пути через горы от усадьбы было верстах в четырех. Время было под вечер, когда мы поседлали лошадей и тронулись через горы. Со мной поехали две мои дочери, мои постоянные спутницы, когда охота продолжалась всего день-два. Старшей, Ивушке, было 13 лет, а Виктория была на год ее моложе. У обоих были прекрасные лошади: у Ивушки Мальчик с пальчик, полукровный араб, у Виктории — пони, Сорока. Обе лошади были резвы и прекрасно выезжены, и дочери на них неоднократно выигрывали призы на детских скачках, устраиваемых на владивостокском ипподроме. На охоте храбрые «амазонки» не раз мне оказывали большие услуги, когда я бывало, завидев зверя, быстро соскакивал с лошади, бросив ее на их попечение, и уходил, успев только шепнуть, чтобы они меня ждали, а если в срок не вернусь, то искали там-то. Часто, прозябшие и промокшие, или искусанные москитами, но всегда восторженные и с чувством выполненного долга, они находили меня лишь к вечеру. Они бывали ободранными, исцарапанными, голодными, но никогда ни на что не жаловались.

Перевалив горы по крутой тропинке, мы доехали до караульного домика, где и встретили дожидавшегося нас Митюкова. Пройдя к ограде, на влажной земле мы действительно обнаружили свежий след медведя и царапины на столбе, по которому он спустился, перемахнув через ограду. Солнце уже закатывалось, и, хотя для охоты времени оставалось мало, все же мы, оставив лошадей, побродили до темноты, так и не добившись никаких успехов — видимо, медведь забрался в самую чащу леса. Уже совсем ночью мы вернулись домой, поручив Митюкову рано утром наблюдать за оградой и просмотреть вдоль ее следы, чтобы убедиться, не ушел ли «мишка» ночью восвояси.

Утром мы встали на заре. Погода за ночь испортилась, моросил осенний дождь, и было очень холодно, Охота наша казалась сорванной. Справившись по телефону, я получил ответ, что ничего нового нет, но только мы успели напиться чаю, как раздался телефонный звонок. Запыхавшийся Митюков сообщал, что медведь вновь подходил к сетке и пробовал ее перелезть, но, почуяв приближение сторожа, убежал в парк. Выстре-

лить в зверя за дальностью расстояния Митюков не успел. Дождь усиливался, сопровождаясь сильным ветром. Становилось заметно холоднее, но я все же решиил поехать, оставив огорченных дочерей дома, так как не мог подвергать их риску промокнуть и простудиться. Ко мне присоединилось трое любителей из числа служащих именья.

Ехать пришлось в плаще, что страшно связывало особенно при быстрых движениях. Не успели мы подняться до середины горы, как дождь перешел в густой снег, валивший крупными хлопьями. Впереди почти ничего не было видно, но, несмотря на погоду, я решил все же продолжать охоту.

Проездив часа два, мы добрались, наконец, до домика Митюкова, где просидели с час, убедившись, что снег зарядил надолго и переждать нам его не удастся. Поэтому мы решили прибегнуть к последнему средству — рассыпаться цепью по лесу и так горами ехать к дому, в надежде, что кто-нибудь случайно наткнется на «мишку». Снегу к тому времени уже выпало с полфута.

Мне выпал жребий ехать в центре, по самой густой чаще. Охотники раскинулись на расстоянии версты. Метель была страшная. Порывы ветра жутко выли в ветвях старых дубов. Одним словом, погода была настоящей «медвежьей». На 30 — 40 шагов ничего не было видно и ориентироваться приходилось только по ветру, который дул с правой стороны. Постепенно подымаясь в гору, я неожиданно наткнулся на сильно занесенный снегом медвежий след, подошедший справа. Медведь в общем держался намеченного мною направления, переходя от дуба к дубу, как видно, в поисках дупла, чтобы укрыться от непогоды.

Я ехал на чистокровной скаковой английской кобыле Планете, которая воспитывалась всю жизнь в конюшне и никак не реагировала на запах зверя, каковое обстоятельство в данном случае было удобно. В противном случае храп лошади раньше времени мог бы вспугнуть медведя. Я слез с седла и вел лошадь на поводу, пробираясь очень медленно, шаг за шагом всматриваясь между деревьями, в надежде увидеть черную тушу на белом снегу, как образно рисовало это мое воображение. Глядя на сильно занесенный след, создавалось впечатление, что зверь прошел давно, но инстинкт говорил за то, что медведь прошел здесь не более получаса. Снегопад продолжался с тою же интен-

сивностью. С начала его прошло не более трех часов, а толщина снегового покрова достигла уже четверть аршина. Наконец, провиляв довольно долго от дуба к дубу, «мишка» вышел на пологий холмик и стал осторожно пробираться по нему. Я продолжал зорко всматриваться в горизонт, кстати, также очень ограниченный. Только старый или бывалый охотник может понять мои переживания, которые я испытывал в тот момент. Ружье, как всегда, я держал наготове в правой руке, поминутно стряхивая с мушки и прицела мокроватый и сильно налипавший снег. Длинный плащ стеснял мои движения, как и Планета, которую я вел на поводу. Однако оставить лошадь я не мог, так как подвергал ее риску был растерзанной медведем, если бы тот случайно сделал круг и наткнулся на нее. Здесьто я вспомнил и пожалел, что со мной нет храбрых «поводырей» — моих дочерей.

Время шло, а след по-прежнему все еще был занесен хлопьями снега и продолжал подниматься по отлогому, довольно плоскому, хребтику. Лес постепенно начинал редеть, показывая этим близкое свое окончание, как я и предполагал, хорошо зная этот район, а медведя так и не было. Справа и слева, куда удалились остальные охотники, также не было никаких признаков шевеления. «Неужели, — думал я, — медведь, поднявшись на гору и перевалив через нее, ушел в закрытое от ветра место».

И вдруг, неожиданно, как взрыв бомбы, в двух шагах передо мной, появилось и подскочило что-то огромное. Снег вихрем взвился кверху, раздался страшный рев. Лошадь рванула назад, вырвав из моей левой руки повод, а впереди черная огромная туша покатилась от меня, продолжая, от испуга, дико реветь. Но через момент все было кончено. Мои руки действовали с обычной привычно-инстинктивной быстротой. Первая пуля, пущенная с расстояния 10 шагов, свалила зверя, но затем он, будучи смертельно ранен, сделал прыжок, пытаясь спастись. Вторая пуля в затылок успокоила его на месте.

Трофей оказался крупной самкой, редкого бурого гималайского медведя, с прекрасной густой шерстью серебряного отлива.

Вскоре на выстрелы съехались остальные охотники, а через полчаса прекратился и снегопад. Осень сразу обернулась в зиму — мое самое любимое время года, Из сторожки по телефону вызвали сани, а через два

часа мы уже дома вкусно обедали, а еще через двадцать дней выпивали добрую чарку под свежие медвежьи окорока.

К сожалению, радость удачи вначале была сильно омрачена — мои «коновожатые» долго не могли простить погоде, испортившейся утром и заставившее, их остаться дома.

Триплет

Описываемый ниже случай произошел в Корее во второй половине января 1932 года. Группа охотников выехала на север, в любимые нами кабаньи горы, в местность Унгидон и Янчендон. Снег лежал уже давно выпавшим, солнопеки сильно затаили, и поэтому охота была трудной и малодобычливой. Все же компанией взяли несколько кабанов и с десяток коз.

Не дождавшись нового снега, мы решили было вернуться домой, в город Сейсин, где мы тогда обычно проводили зиму. Большинство так и сделало. Накануне разъезда, вечером, один старый кореец из местности Янчендон сообщил, что в верстах двадцати от нас, за двумя перевалами есть когда-то обильная зверем падь Пями Гори (что в переводе значит Змеиная падь), в которой он часто встречал медведей. Меня особенно заинтересовало интригующее название пади, и на следующее утро я, распрощавшись с отъезжающей домой компанией, отправился на дальнюю разведку, чтобы потом выйти к другой железнодорожной линии на Мусан и оттуда уже добраться домой. Со мной упросился пойти мой младший сын Юрий. Ему тогда было всего 12 лет, но я уже часто брал его с собой, и он прилично стрелял из «мураты» — одноствольного дробового ружья двадцатого калибра, которое прилично бьет круглой свинцовой пулей и которое очень распространено в Корее между охотниками-промышленниками.

В эту экскурсию с нами отправился также старый охотник-кореец А. П. Шин, бывший еще охотником в Приморье, мой сподвижник по искоренению там хунхузничества. Он пробыл там, в моей противохунхузнической организации, 22 года и в 1930 году возвратился в Корею. С ним мы еще встретимся в последуй рассказах.

Пошли мы, как обычно, напрямик горами, а наш несложный охотничий скарб отправили с корейцем, кото-

рого сопровождал Юрий, по горной тропе в корейскую фанзу, находящуюся в горах Янчендона.

Счастье мне улыбнулось сразу же. Перевалив в Дикую падь мы с Шином разошлись. Он шел низами, а я вершинами гор. Пройдя версты три, я услышал внизу выстрел и на всякий случай остановился — не побежит ли в мою сторону какой-нибудь зверь. Вскоре я действительно заметил стадо кабанов, поднимающихся по склону оврага в мою сторону. Снег на северном склоне был глубокий, кабаны шли тихо. Падь, по которой шло стадо пересекалась крутым поперечным оврагом, по которому кабаны отвернули. Стрелять пришлось с расстояния 600 шагов, но все же мне удалось убить пару хороших чушек.

А. П. Шин, как выяснилось впоследствии, наткнулся на стадо кабанов, но без успеха. Стадо было в чаше, первый его выстрел был неудачным, кабаны скрылись в лесу и напоролись на меня.

К вечеру собрались на ночлег в фанзу, куда уже были доставлены наши вещи и провизия. Наш постоянный охотничий повар Чигони уже приготовил ужин, который обычно состоит из вкусного супа с хорошим наваром (благо на зимней охоте недостатка в мясе не бывает), вареного риса и отварного картофеля, который всегда имеется в изобилии в любой корейской фанзе. После ужина выпивается несколько чашек чаю. Не приходится говорить, что в аппетите недостатка не бывает, так как пропутешествовав по горам за день верст тридцать и основательно промерзнув, при возвращении на бивуак заранее мечтаешь о сытном ужине и горячем кане.

Когда ужин был закончен, мы разлеглись на теплом кане, где наши усталые тела обрели покой, и готовились к очередному утреннему походу на знаменитую Пями Гори. Мы первым долгом пригласили к себе хозяина фанзы, чтобы опросить его обо всех окрестных новостях, связанных с охотой и пребыванием диких зверей. К этому времени Чигони принес очередной чайник с горячим чаем.

Кстати, следует познакомить читателя с тем, что представляет для охотника по вечерам горячий чай. Всю прелесть этого ощущения может оценить только тот человек, который сам это испытал. Как основное правило, все таежные охотники приучают себя не пить воды и не есть снега во время ходьбы по горам, в течение всего утомительного дня охоты, за исключением обеда, когда иногда удается согреть чай. Принимая же

во внимание сильное напряжение во время лазания в течение всего дня по горам и вызываемую им испарину, при которой человек теряет максимум содержащейся в организме влаги, вечером появляется исключительно сильная жажда. Вот тут-то, лежа на боку, начинаешь бесконечно утолять жажду, что поистине является вполне заслуженным удовольствием для охотника.

Предложив старику-хозяину чашку чая, который корейцы очень любят, мы принялись за расспросы. Хозяин оказался человеком словоохотливым и рассказал нам все, что сам он знал про окрестности. Обыкновенно, если хозяин фанзы уклоняется от расспросов, значит он или его близкие имеют в окрестностях ловушки для зверей. Особенно скрывают они зверовые ямы (охота при помощи которых запрещена законом), но есть и много других способов ловли зверя. Нужно отдать должное лесным корейцам — они очень талантливые следопыты и такие же выдержанные наблюдательные звероловы. Несмотря на мой большой многолетний таежный опыт, я до сих пор часто учусь у корейцев многому тому, что связано с охотой и промыслом. Когда это нужно, они умеют хорошо хранить таежные тайны или направить вас, как говорится, по ложному следу.

Наш хозяин, в конце концов, поведал, что Пями Гори действительно когда-то славилась обилием крупного зверя, что и сейчас еще иногда заходят в нее изюбри, пятнистые олени, постоянно пребывает много кабанов, а осенью жили медведи, но где они залегли по берлогам — неизвестно. Все услышанное нас очень ободрило, и засыпали мы с радужными надеждами. Огорчило лишь отсутствие хорошего снега.

Утро настало ясное, морозное, но тихое, что не сулило охотничьих успехов в густо заросшей местности, т. к. в чаще видимость ограничена, а лесной шорох не способствует подходу к зверю на близкое расстояние.

Со мной упросился идти Юра, вооружившись своей «муратой», заряженной пулей. Мы быстро углублялись в густо заросшую падь, прошли по лесной тропинке версты две, и она закончилась, что говорило за полную необитаемость пади и редкое посещение ее охотниками. Такие вещи всегда как маслом смазывают душу охотника. Постепенно мы стали забирать вправо по косогору, опушками крупного леса, чтобы видимость (горизонт) была шире. Начали попадаться следы кабанов

и вскоре мы пересекли следы стада в 10 голов, прошедшие накануне. Следить было трудно, но все же мы придерживались направления движения кабанов, иногда делая круги, когда след терялся. Наконец, след вывел нас на солнопеки, где он почти совершенно потерялся и следить стало еще труднее, хотя он был и ночным.

Стадо продолжало подниматься все выше по мелким дубнякам и постепенно поднялось на высоту около 2.000 футов. Было уже около часа дня. Солнце на солнопеке грело довольно сильно и даже мои руки в рукавицах немного вспотели. До перевала через хребет, влево от нас, оставалось не больше пятидесяти шагов, Люля (Юра) шел в трех шагах позади меня. Двигались мы тихо, как тени, всматриваясь и прислушиваясь, так как копанина от прошедших кабанов была совершенно свежей. Я уже подумывал об обеде, как только мы поднимемся на хребет и выясним, куда могли уйти кабаны после своего позднего завтрака, но как всегда это бывает на охоте, все интересное случается молниеносно и неожиданно. Так получилось и на этот раз.

Совершенно неожиданно я увидел молодого кабана, стоящего в 20 шагах от меня, между желтыми дубками, отчасти скрывавшими нас. Он стоял головой обращенной к подошве горы и хотя уже слышал мое приближение, но еще не уяснил, кто к нему приближался, так как ветер, хотя и легкий, тянул от него. Ввиду того, что остальное стадо рылось поблизости, он не мог понять причину шороха. Приходилось стрелять без выбора (обыкновенно в таких случаях выбираешь крупнейшее животное), так как его бегство могло бы спугнуть и все остальное стадо. Ружье у меня по обыкновению было на перевеси правой руки, но нужно было его снять очень осторожно и, быстро вскинувшись, выстрелить. Для этого необходимо было стряхнуть рукавицу с правой руки, которая, как я уже говорил, вспотела. Немало пришлось повозиться, пока рукавица была сброшена. Я вскинул ружье и выцелил, но в момент выстрела кабан бросился вниз, т. е. в ту сторону, в которую смотрел, — это они делают по привычке или инстинкту. Я не был уверен, попал ли в него. Одновременно раздался выстрел Люли, стоявшего позади меня. В последующий момент я услышал сильный шум и хрюканье стада кабанов, бросившихся влево от меня к перевалу. Крикнув Люле, чтобы он смотрел след и

место стрелянного нами кабана, я бросился на перевал, в надежде увидеть с него убегавших животных. Поднявшись на гору, я только услышал шум убегавшего вправо под обрыв стада, а для того, чтобы увидеть его, мне пришлось сбежать на тридцать шагов по крутому поперечному хребтику и смаху взобраться на груду каменной россыпи, откуда и надеялся опять его увидеть. Передо мной были навалены довольно крупные камни, возвышавшиеся над горкой саженей на восемь. Не добравшись до верха сажени на две, я действительно увидел шагах в двухстах убегавших по лощине кабанов. Выбрав крупного секача, я выстрелил. Раненый кабан круто повернулся и бросился назад в мою сторону, скрывшись от меня в чаще. Не теряя времени, я выстрелил по другому. Заросли сильно мешали прицелу и я, переведя очередной патрон, стал прицеливаться еще раз.

В это время, где-то за россыпью, на которой стоял, я услышал страшный рев и ломающиеся кусты У меня создалось впечатление, что раненый мною кабан, не добежав до меня несколько шагов, упал и с ревом катился обратно в овраг, но так как с одной' стороны камни мешали мне хорошо видеть и слышать, а с другой — я был занят наблюдениями за бегущими кабанами, не теряя надежды послать удачно пулю, я не мог сообразить, что происходит за скалой. Выстрелив в третий раз по кабанам, я все же был смущен, когда рев, исходивший откуда-то поблизости от меня, стал усиливаться. Казалось, что подо мной гудят все камни и беспрерывно ломается сухой хворост. К этому времени убегавшее стадо скрылось за оврагом и я, внимательно осмотревшись, убедился, что рев исходит из расщелины подо мной.

Рев продолжался. Я моментально вскочил на самый верхний камень и тотчас же увидел, в сорока шагах от меня, черного косматого зверя, пытающеюся скрыться за ближайшей скалой. Я быстро вскинул ружье и выстрелил. Зверь скрылся, но рев около меня продолжался. От близкой скалы гудело эхо и разносилось по горам. Я все еще не мог сообразить в чем дело, но вдруг из находившейся подо мной расселины вывалился черный мохнатый «мишка», сделал прыжок, упал, заревел и, вновь вскочив, с ревом бросился по лесу под гору. С первой же пущенной в него пули он перевернулся, но сразу же вскочил. Вторая пуля уложила его на месте.

Рев подо мной все еще продолжался с прежней силой. Будучи занят стрельбой по зверям, я все еще не мог понять, что в сущности происходит и откуда, как из рога изобилия, сыпятся медведи.

Не успел «мишка» как следует перевернуться, как из-под меня вывалился следующий и с таким же оглушительным ревом, как и первый, сделав прыжок, свалился затем вскочил, но моя очередная пуля заставила его перекувырнуться. Он вновь вскочил, но вторая пуля положила его на месте. Когда все утихло, только два медвежьих трупа на белом снегу говорили о только что происшедшем.

В этот момент сзади меня раздался тревожный голос подбегающего на выручку Люли:

— В кого ты стреляешь? Я услышал много твоих выстрелов, находясь за горой, и бросил следить кабана, на следу которого крови не оказалось. Подбежав к тебе и поднявшись на вершину горы, я увидел, что откуда-то из-под тебя выскакивают черные звери и убегают, но после твоих выстрелов падают и остаются на снегу... А я даже не успел зарядить ружье!..

Осмотрев убитых медведей, мы пошли познакомиться с местом, из которого они появлялись. Все оказалось очень просто. В россыпи, на которой я очутился, стреляя по кабанам, была берлога, в которой спали три медведя. Оказалось, я стоял на краю россыпи рядом с ними — всего в двух саженях. Из пещеры, в которой лежали медведи, выводили в разные стороны шесть небольших отверстий и только на противоположной от меня стороне было одно большое, но все же с большим трудом позволяющее медведю выбраться. Услышав мои выстрелы, они с испугу стали метаться по берлоге, старались скорее из нее выбраться, друг другу мешали и дико ревели.

Следует отметить, что случай с тремя медведями занял не более двух минут, причем первое время, занятый всецело охотой на кабанов, я не мог понять, что происходит. Когда же первому медведю удалось выскочить, он упал на сухой хворост, как и все остальные, так как от долгого лежания у «мишек» отекли ноги. Этим и объясняется причина их странных прыжков и падений, сопровождаемых диким ревом.

На этот раз мое счастье также сопутствовало мне. Случись, что отверстие, из которого выскакивали медведи было расположено прямо на меня!? Что бы тогда произошло — предоставляю судить читателю.

Осмотрев следы около скалы, куда убежал первый медведь, мы крови не нашли. Видно пуля запоздала. Уж очень был короткий срок видимости зверя, а продолжать слежку из-за отсутствия снега было невозможно.

Поделившись впечатлениями, мы на радостях начали варить чай и подогревать свой незамысловатый обед — «бэнтсо». Ели мы с большим аппетитом,настроение после удачной охоты было приподнятым да мы и изрядно проголодались — время подходило к трем часам.

Следует отметить, что мне повезло с охотой еще и потому, что вместо моего пятизарядного «Спрингфильда» со мной была моя английская одиннадцатизарядная винтовка, так как пришлось сделать подряд девять выстрелов, не имея времени на перезарядку: четыре по кабанам и пять по медведям.

Покончив с обедом, мы уложили медведей на хворост и засыпали их сверху, чтобы до них не моги добраться и испортить вороны и орлы. После этого мы отправились на след раненого секача. Крови оказалось много и она была черной, что предсказывало тяжелое ранение, но следить при отсутствии снега было трудно. Кабан пошел по солнопекам, чаша была густая, солнце уже закатывалось, а до фанзы было верст десять. Волей-неволей, мы побрели домой. Вернулись поздно. Шин уже ждал нас и волновался, так как слышал мои выстрелы, но не знал в чем дело. Решили на утро взять двое саней и пойти всем вместе. Люля с корейцами должен был вывезти к фанзе медведей, а я и Шин уговорились следить раненых медведя и кабана.

Рано утром наша компания, подкрепленная парой возчиков и парой быков с волокушами, отправилась в путь. Дорога была трудная. Пришлось местами топорами прорубать очень густой кустарник и валежник и лишь к полудню мы добрались до медведей. Люля остался с корейцами, чтобы вывозить добычу, Шин пошел по следам убежавшего медведя, который ночью, как выяснилось, возвращался назад к берлоге, разыскивая своих товарищей. Медведь, по-видимому, обнюхав туши и убедившись, что приятели с ним не пойдут, ушел к вершине на пади.

Я двинулся по следу за раненым секачем. Вначале следить было легко. Кабан терял много крови, но постепенно ее на следу становилось меньше. Снег по солнопекам лежал кое-где, да и при том лишь пятнами.

Кабан сразу же отделился от стада, что говорило за то, что он ранен серьезно. Кабан вообще на ранение самый крепкий зверь и даже серьезно раненый идет от места выстрела до первой лежки от 5 до 10 верст, причем старается держаться наиболее крутых и заросших чем через которые трудно бывает пробираться. Кроме того, это увеличивает опасность при преследовании для охотника, ибо в таком месте трудно заметить притаившегося зверя, если он готовит засаду, чтобы подстеречь охотника и напасть на него со своими страшными клыками. Правда, это бывает не так часто и по большей части тогда, когда зверь тяжело ранен и не в состоянии уходить легко от преследования, но, конечно, бывают и исключения.

Пройдя еще с полверсты, я наткнулся на ночную лежку. Она была сильно укатана и на ней было много крови, — видимо, зверь оставался на ней долгое время. Дальше следить стало труднее. Пройдя еще версты полторы, я убедился, что кабан сделал два круга. Я обнаружил еще две лежки, но обе они были мало прикатаны — зверь на них оставался недолго. Не было и следов крови. Так как местами были старые следы других кабанов, то следить стало еще труднее. На одном очень крутом косогоре-солнопеке я окончательно потерял след. Было очень неприятно потерять такой ценный приз, принимая во внимание, что этим срывался мой такой редкий триплет. Кроме того, кабан несомненно был тяжело ранен и, возможно, уже лежал где-нибудь мертвым. Часто в таких случаях в поисках помогают вороны, но для этого нужна менее заросшая местность, да и ворон нигде не было видно.

Солнце уже склонялось к горизонту, до фанзы было верст десять, но я все же решил искать до наступления темноты. Оставалось одно — делать круг по местам, где легче обнаружить выходной след, т. к. местами, особенно по низам, лежал снег. Остановившись на этом решении, я двинулся в обход по крутому косогору и, сделав всего полкруга, неожиданно наткнулся на волокушу, приблизительно на 100 сажен ниже того места, где я окончательно потерял след. Сомнений не было — это мог катиться только мой секач. Я устремился по волокуше вниз и, пройдя саженей пятьдесят, на уступе косогора обнаружил свою потерю — зацегаившегося за дерево мертвого застывшего кабана.

Секач был крупным, с великолепными клыками, весом около 10 пудов. Пуля, оказалось, попала ему

сзади и прошла вдоль всего тела, остановившись на груди под кожей. С таким сильным ранением только кабан мог выдержать и пройти так далеко. Выпотрошив и завалив свою находку хворостом, я пошел к фанзе. Была уже ночь, мне пришлось очень долго пробираться по чаще, прежде чем я выбрался на тропинку. Настроение было прекрасное, особенно потому, что мой редкий триплет по крупному разнородному зверю был завершен так удачно.

В фанзе я застал уже всех участников нашей экскурсии лежащими на канах, предававшихся отдыху и ждавших меня к ужину. По рассказу Шина выяснилось, что он проследил с большим трудом медведя верст пять, вспугнул его с лежки в густой чаше, куда он забрался, но день был очень тихий и преследовать дальше не имело смысла, так как медведь обладает очень тонким слухом.

Итак, слова охотника-корейца подтвердились. Дикая падь Пями Гори оказалась заслуживающей внимания и обильной зверем, ибо не раз впоследствии мы имели в ней крупную и интересную добычу.

Пробродив еще ряд дней и взяв несколько кабанов и коз, я с Люлей решили вернуться домой, оставив Шина одного продолжать охоту, так как меня призывали дела, Шин же как охотник-промышленник не был ограничен временем. Обратной дорогой, уже знакомой, нам возвращаться не хотелось и мы, оставив на попечение А. П. Шина наши вещи и убитую дичь, решили пойти через горы на запад, чтобы верст за сорок выйти к городу Мусан, откуда идет железнодорожная ветка на соединение с той, по которой мы приехали. Вообще же район Мусана считается в Корее самым обильным по количеству крупного зверя, ибо с одной стороны он граничит с Пактусаном, а с другой — с самым малообитаемым районом Маньчжурии.

Отправились мы налегке, взяв лишь одного носильщика. Горная тропа пересекала один хребет за другим. Все горы были заросшие дремучим лесом, вырубать который и вывозить, ввиду неприступности района, невозможно. Это всегда особенно радует таежника, так как дает возможность сохранить хорошую охоту. Часто нам попадались следы кабанов. В одном месте мы наткнулись на след тигра, но следить не было возможности, так как снега мы так и не дождались.

Заночевав в попавшейся нам под вечер корейской фанзе и расспросив по обыкновению хозяина обо всем

интересовавшем нас по части охоты, мы рано утром отправились дальше. Здесь с нами произошел комичный инцидент, лучше всего рисующий, насколько то время провинциальная Корея была непосредственной и дикой. Мы прошли большое расстояние, перевалив несколько гор, и подумывали уже об обеде. Поднявшись на одну из гор, заметили впереди вдоль тропы в полугоре несколько корейских фанз. Гора была очень высокой, а за ней по рассказам, было еще две, за которыми стоял город Мусан — цель нашего похода.

День выдался теплый. Поднимаясь на гору, мы сняли шапки, вытирая вспотевшие волосы. Из ближайшей фанзы вышел кореец, который, увидав совсем светлые волосы Люли, подошел к нам с лицом, на котором было написано полное недоумение. Остановившись, он стал ощупывать Люлины волосы, не переставая высказывать свое недоумение. Затем, оставив нас, он бросился сзывать всех жителей поселка. Вскоре собрались почти все обитатели этого небольшого выселка, удивлению которых, казалось, не было конца. Так как часть жителей оказалась где-то в отсутствии и должна была вернуться к вечеру, наши новые знакомые стали уговаривать нас остаться на ночевку для того, чтобы и другие их сородичи могли бы полюбоваться на своеобразное «чудо». Из расспросов выяснилось, что большинство обитателей поселка никогда нигде не бывали дальше Мусана, а некоторые даже ни разу не видели линии дороги, которая была доведена до этого пункта лишь год тому назад.

Стоит только подумать, что вышеописанный случай произошел всего лишь двенадцать лет тому назад. С тех пор Корею не узнать, — так сильно продвинулась вперед цивилизация под умелым руководством Ниппон. Все такие медвежьи уголки давно уже исчезли.

Пообедав, мы покинули выселок и двинулись дальше, поздно вечером были уже в Мусане, а к обеду следующего дня дома, после трехнедельного лазания по горам и лесам.

И знаете ли, что было для нас самым заветным желанием? Кто угадает? Пойти в баню и смыть то, что мы так усердно копили в течение двадцати суток, ночуя против нашей воли, в грязных фанзах. Ничто так не утомляет в тайге зимой, как невозможность тщательно вымыться.

Барс на фоне восходящего солнца

Мне хочется Рассказать незабываемый по красоте и переживаниям случаи охоты на барса, происшедший с нами 28 декабря 1940 года в Маньчжурии. Такие случаи как раз и составляют главную прелесть охоты.

Пробыв в тайге около двух месяцев, имея уже много интересных трофеев и не менее интересных переживаний, я и трое моих сыновей — Валерий, Арсений и Юрии — решили в это холодное декабрьское утро закончить нашу охоту и отправиться домой в Корею, чтобы к кануну Нового года быть уже дома. Нам предстояло пройти пешком до границы около семидесяти верст, что, как мы думали, займет двое суток.

Возвращались не без разочарования: ноябрь и первая половина декабря выдались бесснежными Мы же, выезжая на охоту, мечтали о тиграх, которых, как известно, при бесснежьи добыть почти невозможно. К тому же и все наши поиски в течение двух недель после выпадения снега оказались тщетными и ни к чему не привели.

Не будь так близко Новый год, мы бы еще не поехали домой, тем более, что довольно сложная часть охоты — это приезды и отъезды со всякими формальностями при переходе границы, как-то: визирование паспортов, таможенные обрядности, оформление оружия и т. д. Надо отдать должное властям, они всегда шли нам навстречу. Однако делать было нечего: к Новому году следовало вернуться домой.

Поэтому, когда мы утром сидели за «последним» завтраком в Пукоу, настроение было уже не охотничье.

Старший из моих сыновей, Валерий, вышел немного раньше, чтобы в следующем селении Хваньгоу заявить властям о нашем уходе, после чего должен был подождать нас, чтобы идти вместе. Мы втроем, нагрузив телегу нашим охотничьим скарбом и забрав свору в собак, распрощались с хозяевами и отправились следом за ним.

Дойдя до Хваньгоу, мы зашли в один из домов на окраине поселка, чтобы проститься с знакомыми русскими стражниками, у которых порядочно засиделись, а выйдя оттуда, уже не застали Валерия в селеньи; он не дождался нас и ушел. Мы увидали его фигуру на полверсты впереди нас, как только вышли из деревни, Скоро он уже скрылся из глаз за ближайшим поворотом узкой скалистой долины.

Собаки бежали тут же, а близость только что покинутого селения, казалось бы, не сулила никаких охотничьих сюрпризов. Влево от нас возвышалась крутая гора, с изредка разбросанными старыми деревьями, с густо заросшими кое-где по косогору небольшими скалами, россыпями камня и перерезающими ее маленькими оврагами.

Едва мы зашли за небольшой уступ над дорогой, скрывающий от нас этот косогор, как услышали за ним лай одной из собак, но вначале не придали этому значения, так как не ожидали встретить здесь ничего существенного. Однако, когда лай повторился, я и Арсений выскочили на бугорок, чтобы посмотреть, что происходит. Лай доносился из леса, саженях в ста от нас: не хватало же налицо двух молодых собак: Осори и Вори.

Мы стали прислушиваться, все еще не придавая значения лаю; младший же мой сын, Юрий, оставался на дороге, не веря, что мы набрели на крупную дичь.

Собаки сворой тоже крутились около нас, видимо, не доверяя лаю молодых.

Но вот прошло две-три минуты, и лай собак сделался серьезным и басистым: мы поняли, что они лают не на козу или зайца, а на крупного зверя вроде кабана. В это время на пригорок поднялся и Юрий, все еще не веривший, чтобы здесь было что-то серьезное, но я уже стал думать, что не кабан ли это, заблудший так близко к селению, обнаружен собаками.

И вот, решив поддержать собак, травя остальную спору, мы полезли по кустам кверху, рассыпавшись в порядке, как стояли.

Я оказался правым, левее стоял Арсений, а еще дальше Юрий.

Сыновья мои наступали прямо по овражку на лай, а я наметил себе путь на лежащий впереди холмик. В это время рванулись вперед собаки Ральф и Ларго. Лай усилился, но из-за холма я не мог ничего видеть, так же, как не видел и охотников, скрывшихся в чашу. Скоро ушли оставшиеся при мне Север и Кома, и после этого эхо их лая загудело вовсю.

Не слышавший этого звука — песни собак, никогда не поймет тех переживаний, которые испытывает охотник, когда не существует ничего на свете и ничто не может остановить его, особенно, когда он чувствует впереди себя интересную добычу. При этом воображение почти всегда рисует нечто большее, чем бывает в

действительности, однако бывают и исключения, как и случилось у нас.

Стремясь как можно скорее увидеть, в чем дело, я изо всех сил старался вскарабкаться на холм; а лай шести собак все усиливался и вот уже стал разноситься по лесу так громко, что все время ему вторило эхо.

Я поднимался на восток, в сторону восходящего солнца.

Было 11 часов утра, и навстречу мне из-за высокой горы брызнуло золотое солнечное сияние, нестерпимое зимой. Уже перед самым восходом на сопку, я ясно определил, что лай совсем недалеко, за перевалом.

Еще несколько шагов и передо мною открылась картина, какую я редко видел за все долгие годы своей охотничьей жизни.

На расстоянии ста шагов впереди, на вершине старой высокой, дугой изогнутой, березы, боком ко мне, стоял во всю свою красоту старый красавец барс. Шерсть на всем его изогнутом теле стояла дыбом, а восходящее солнце, в ореоле которого он предстал предо мною, окружало его золотым сиянием.

Барс, конечно, всецело был занят собаками: устремив на них горящий взгляд, он рычал, чувствуя себя пока в относительной безопасности. Он не замечал еще приближения охотника. Как я в это время пожалел, что со мною не было фотографического аппарата!

Конечно, при первом же взгляде на такой редкий трофей мне захотелось его получить, но тут пришлось взять себя в руки и напрячь всю выдержку «старого тигра», чтобы не сделать промаха и выстрелить уже наверняка. Солнце, светящее прямо в глаза, мешало выстрелу; к тому же я знал, что в случае моего промаха, если я лишь раню барса, он может в борьбе задрать несколько собак, что уже случалось у нас в прошлом и после чего мы дали слово стрелять барса на дереве лишь наверняка.

Но нельзя же было позволить зверю уйти?! Мысли проносились быстро и причин этому было много.

Я понимал, что надо, прежде всего, подойти так, чтобы избежать светившее в глаза солнце, но при этом, спустившись за холм, я попал бы в чащу, правда, не теряя из вида зверя, но сквозь ветки выстрел не мог быть верным: надо было обойти до относительного редколесья, но при этом пройти почти на виду у такого зоркого и смелого зверя, как барс.

Окончательно же усложнило дело то, что в лесу

я был не один, другие охотники в любой момент могли иметь лучшие условия для стрельбы; могли бы снять зверя у меня под носом.

Если зверь, услышав меня, успеет спрыгнуть с дерева раньше, чем я пройду через густую чащу, он может уйти от меня безвозвратно.

Все это волной пронеслось в уме, но выдержка взяла верх и, откинув мысль о поспешном выстреле, я, держа на виду зверя, стал красться к чаще, забирая вправо, чтобы выйти в сторону от солнца.

Собаки, почуяв приближение охотников, лаяли, выли и наполняли лес несмолкаемым гомоном; барс же продолжал прогуливаться по нависшей дуге березы и в бессильной злобе рычал на загнавших его на дерево собак. Все тело его было напряжено и вся шерсть дыбилась.

Когда мне осталось до дерева не больше семидесяти шагов, барс почуял охотника, волнение его усилилось и он, видимо, решил попробовать прорвать блокаду, чтобы удрать. Изгиб березы от земли был не ниже 6 саженей. Конечно, такого прыжка сделать он не рискнул и стал спускаться по стволу вниз, видимо, намечая место дальше от круга, занимаемого собаками. Когда до земли барсу оставалось около трех саженей, он остановился, готовясь к прыжку.

Я видел все это, но из-за густой чащи все еще не мог стрелять и только ускорял шаг, чтобы миновать последние ветви, мешающие сделать смертельный выстрел.

Оставалось не больше сорока шагов, когда барс напряг все мускулы своего стального тела и, отделившись от дерева, тугой пружиной сделал пятисаженный прыжок через собачий круг. Еще миг и он убежит.

Я вскинул ружье, собаки бросились преследовать барса. Секунда прицела и затем — выстрел. Пуля пронзила зверя насквозь, он перевернулся и вся свора собак вмиг сидела на нем.

Когда я подбежал, у ног моих кружился сплошной собачий клубок. Зверь в агонии царапал землю, собаки в азарте рвали его и иногда он наносил им своими лапами сильные царапины. Все мои попытки оттащить собак, чтобы предохранить их от случайных ранений, бьіли тщетны. В такой момент невозможно пристрелить Раненого зверя, так как живой клубок сплетающихся на нем собак мешает выстрелу.

Через три-четыре минуты подбежали Арсений и

Юрии. Они тоже были совсем близко, но из-за чащи не могли стрелять по барсу, а только слышали его рычание. Хорошо еще, что шкура барса очень крепка и не поддается собачьим зубам! Но досталось и собакам: в азарте Вори все же всунул ногу в открытую пасть зверя, который и прокусил ее. Эгот прокус залечивал потом целый месяц.

Все было кончено. Барс лежал неподвижно. Привязав веревки, мы по снегу потянули убитого зверя к дороге, где ждала наша телега с грузом. Положив на нее барса, мы отправились дальше: вся наша охота заняла не более сорока минут.

Перед уходом мы решили выяснить, откуда появился барс и по следам увидели всю картину. Оказывается, что ночью недалеко от дороги барс задавил дикую козу, всего в полуверсте от селения Хваньгоу, с аппетитом полакомился ею и залег отдохнуть на ближай-шей скале. Оттуда-то он и увидел свору наших собак, идущих мимо него. Аппетит у зверя опять проснулся, и он захотел полакомиться собачинкой, для чего спустился со скалы и залег неподалеку от дороги за камень. Іолько на этот раз собачина оказалась «не по зубам» для зверя.

Только мы успели тронуться дальше, как нас догнал вышедший из Хваньгоу грузовик со стражниками, у которых мы час назад пили чай. Они были очень пора -жены такому быстрому успеху нашей охоты, но еще больше был поражен старший мой сын Валерий которого мы встретили идущим к нам навстречу за первым поворотом: он не слыхал выстрела и ничего не знал.

Валерий повернул обратно по совершенно другой причине, — отойдя всего одну версту, он пересек идущий через дорогу след крупного тигра. Ясно, он не мог пропустить такого случая и повернул к нам, чтобы поторопить нас следить хищника.

Но обо всем, связанном с этим тигровым следом, я расскажу в другой раз.

Сибата и барс

Случай о котором я хочу рассказать, произошел в феврале 1928 года Был у нас один приятель, охотник-ниппонец по фамилии Сибата Эго был старый про-' мышленник-любитель, но настоящий старый корейский

«таежный бродяга», считающий себя лучшим охотником в нашей губернии. Человек он был в сущности обеспеченный — имел в городе Ранане большой магазин, где у него торговали дети, а сам он любил бродить месяцами по горам. Как и у всех местных промышленников, успех его зависел главным образом от хороших зверовых собак, когда стрелять зверя приходится наверняка и по большей части на очень близком расстоянии. Правда, здесь требуется большая выдержка, но отнюдь не та меткость, когда вам приходится стрелять на несколько сот шагов, да еще на бегу или в густой чаше.

Все эти «собачьи охотники», как я их называю, зависят всегда своим успехом от своры. Достаточно кабану или медведю прикончить вожака своры, да еще вдобавок одного или другого из его помощников, как такой «собачник» на год-два, пока не восстановит своей своры, переходит на второстепенное положение. Я лично никогда не строил своего охотничьего благополучия на одних собаках, а главным образом на хорошей винтовке и меткой стрельбе, будь то стоячая, лежачая, бегущая или летящая цель, чего я придерживаюсь и сейчас, но, конечно, неплохо иметь хорошую зверовую свору. Это необходимо еще и потому, если принять во внимание густые заросли корейской и маньчжурской тайги, особенно в бесснежные периоды охоты.

Особенность Сибата заключалась еще в том, что он любил хорошо выпить, а дома это ему не разрешалось родными. На охоте же, по вечерам, он часто бывал навеселе и тогда любил часами увлекательно рассказывать, вспоминая свои приключения за 25 лет бродяжничества по корейской тайге. Так как охота по зверю особенно сложна и в сущности представляет собой целую науку, то всегда со вниманием выслушиваешь такие рассказы, каждый особенный случай, который может пригодиться на практике.

Познакомился я с Сибата совершенно случайно. Бродя как-то осенью 1923 года до выпадения снега за кабанами, я встретил его в одном глухом горном ключе, идущем мне навстречу. Позади него плелись четыре серых собаки — маньчжурские лайки. День выдался жаркий и было уже за полдень. Все вместе взятое располагало к отдыху. Сибата был высокого роста, с большой черной бородой-лопатой, что придавало ему стиль таежника. Он отлично говорил по-корейски, и это дало

нам возможность разговориться. Кроме того, я решил использовать подвернувшийся случай, чтобы распросить о корейской охоте, так как это был всего лишь второй год моей жизни в Корее.

Расположились у ручья. Я стал варить чай, а мой новый знакомый — рис, и поджаривать вяленую рыбу, которую так удобно носить и сохранять, особенно летом, когда от жары мясо быстро портится.

Встретясь в тайге и не зная друг друга, каждый из нас осторожно «обнюхивал» другого. Разговор не клеился. Мой собеседник явно уклонялся от ответов, когда я задавал вопросы о кабанах, тиграх и т. п. Наконец, обед закончился. До вечерней охоты оставалось еще часа два, мы разлеглись на сухой мягкой тратве, но наше знакомство ни на шаг не подвинулось вперед. Наконец, я уяснил, что мой новый знакомый попросту не считает меня за серьезного охотника.

Это побудило меня прибегнуть к моему излюбленному трюку, который даже в юные годы ставил меня на почетное место как стрелка. Сибата, полежав, стал с видом знатока рассматривать мою трехлинейную винтовку и интересовался, как она бьет. Я ни слова не говоря взял ружье, перевел патрон, поднял с земли левой рукой круглый камень величиною в куриное яйцо. Держа в правой руке винтовку, левой я подбросил камень в воздух, быстро вскинулся и выстрелил. Момент, и от камня в воздухе осталась только пыль. Сибата, как видно, в момент выстрела хотел спросить, что я делаю, но так и остался с открытым ртом.

Не каждый сможет понять то впечатление, какое этот выстрел произвел на человека тайги, считавшего себя первым стрелком и охотником, во всяком случае в Северной Корее, где он жил, и вдруг явился кто-то совсем неизвестный и сделал выстрел, о котором он даже не мечтал. Когда прошло первое впечатление, он подошел ко мне и молча пожал мою руку, а затем попросил снова повторить такой выстрел, желая, как видно, проверить, не является ли он простым фокусом. Я молча поднял второй камень и проделал тот же номер. Свидетелем всего происшедшего был мой постоянный кореец-носильщик, который не только слышал о моей стрельбе от корейцев, но и сам неоднократно видел ее.

Когда Сибата несколько успокоился, он отозвал в сторону моего корейца и долго о чем-то расспрашивал. Затем он подошел ко мне и сказал:

— Раньше я думал, что я здесь первый стрелок и охотник, но теперь я вижу, что нас двое, а потому будем друзьями, — и после этого он рассказал мне многое о корейской тайге.

Когда мы расставались, он дал мне свои адрес и обещал приехать к нам в гости в Сейсин, добавив, что как только он узнает о появлении где-либо тигра, то сообщит мне, и мы вместе отправимся на охоту.

Время шло. Мы встречались иногда с ним в тайге, иногда он заезжал к нам, а я бывал у него. Во время игровой экспедиции г-на Рида, которую я организовал в 1927 году, мы вновь встретились в тайге с Сибата, ненадолго соединили наши своры по кабанам, но вскоре же разошлись, уйдя дальше в горы. Об этой охотничьей экспедиции, продолжавшейся тридцать дней, я как-нибудь расскажу впоследствии.

Однажды вечером, в конце февраля 1928 года, Сибата сообщил мне по телефону из Ранана, что по точным сведениям, исходящим от корейцев, в вершине Ранэнской пади, верстах в 20, в тайге появился тигр. Сибата приглашал меня утром, с первым же поездом, захватив собак, приехать к нему, чтобы совместно тронуться за тигром.

У нас, конечно, все заволновались, и все имеющиеся в наличии охотники просили их взять с собой. Готовились весь вечер. Рано утром отправили на вокзал собак, а позднее на автомобиле поехали охотники в составе: меня, моего племянника Виктора Г. и сыновей — Валерия, которому тогда было 16 лет, и тринадцатилетнего Арсения. Начало было несчастливым: автомобиль опоздал с подачей, а мы, в свою очередь, опоздали к отходу поезда. Следующий поезд был только в полдень, а Сибата обещал нас ждать с утренним, предупредив, что, если мы опоздаем, он уйдет вперед один. Пришлось нажать на автомобилиста и заставить его везти нас прямо в Ранан.

Погрузившись в авто с собаками, мы пустились в перегонки с поездом, у которого в пути были две остановки, в результате чего мы и прибыли в Ранан одновременно с ним. Нас встретил Сибата, уже готовый к походу со своими собаками, что составило общую свору в шесть штук. С нами были вожак своры Сангори и Кома с Орликом. Кроме того, к Сибата присоединился охотник — кореец Ким.

Сразу же, уложив вещи на подводу, мы тронулись в путь. Сибата еще раз подтвердил, что его вызвал из

гор знакомый кореец, уверявший, что там действительно есть тигр. Не скажу, чтобы я был в этом безусловна уверен, так как знаю насколько большие фантазеры в этом отношении корейцы, всегда склонные все преувеличивать. Я, не раз попавшись на удочку, не доверял им часто, из-за чего не раз и терял ценный трофей. Во всяком случае, если в данный момент это бы не тигр, а барс, то и тогда охота обещала быть интересной.

К полудню мы добрались до верхней фанзы Рананской долины на краю тайги, откуда был вызов. Хозяин фанзы продолжал нас уверять, что в ближайших горах, действительно обитает тигр. Снега было очень немного и только в глухих сиверах. Все остальное пространство было вытаявшим.

Наскоро пообедав, мы решили разойтись по горам в разные стороны в поисках следов тигра. Дело оказывалось трудным, но раз приехали, приходилось доводить его до конца.

Вышли все группой и, отойдя с полверсты от деревни, спугнули козла, который отскочил на горку и остановился на бугре. Расстояние было шагов в триста. Я вскинулся было, чтобы выстрелить, но Сибата сказал, что на такое далекое расстояние мне не попасть. Однако выстрел раздался, и замертво подстреленный козел покатился к нам по косогору. Вся свора набросилась на него — и нам стоило большого труда отогнать шесть собак.

Пройдя немного, мы разделились, чтобы идти поодиночке в поисках следов тигра. Наша свора пошла со мной. Пройдя верст десять, я забрался в старые дубняки. Скоро стали попадаться следы кабанов, причем довольно свежие. Собаки скрылись с горизонта, но через четверть часа я услыхал лай, приближавшийся в мою сторону. Выбрав для стрельбы удобное редколесье, я остановился на бугре. Лай медленно приближался. Вскоре послышалось и характерное фуканье идущих от собак кабанов. Обыкновенно, каждый такой момент переживается охотником особенно ярко. Пожалуй, даже убитый и лежащий уже у ног охотника трофей не дает такой яркости переживаний, как ожидание.

Между деревьями замелькали приближающиеся спины кабанов. Это были три старые чушки, но поросята отсутствовали. Щетина на спинах кабанов стояла торчком. Они ежесекундно оборачивались на преследующих и идущих по бокам их собак, которые лаяли, но напа-

дать боялись, чтобы не получить ранения. Кабаны двигались с достоинством, временами останавливаясь.

Выбрав крупную чушку, я выстрелил, и она бросилась в сторону, в чащу, две других бросились мимо меня. Со второй пули бежавшая впереди замертво перевернулась на месте и лежала не шевелясь. По третьей я выстрелить не успел, и она скрылась в чаще. Собаки с яростью стали рвать поверженного врага, и я дал им некоторое время этим насладиться, тем более, что шкура кабана так крепка, что они не в состоянии ее продрать.

Выпотрошив кабана и вынув желчь, которая в корейской медицине играет не последнюю роль и часто оценивается в четверть стоимости всего кабана, я завалил тушу хворостом и пошел посмотреть следы раненой первым выстрелом чушки. Она теряла много черной крови, что доказывало серьезность ранения, но день уже кончался и в лесу темнело. Следить стало невозможно, и мне пришлось повернуть на ночлег к бивуаку, до которого через горы было не меньше двух часов ходьбы.

Проведенным днем я был вполне доволен и спешил увидеть всех участников разведки, чтобы узнать новости о тигровых следах. Вернувшись, я застал всех уже лежащими на теплых канах в фанзе. Никто из них, как и я, никаких признаков пребывания тигра не обнаружил, что, конечно, понизило общее настроение. Смущали только две вещи — кореец категорически уверял, что тигр есть, а отсутствие при взрослых чушках поросят как будто бы говорило за то, что они стали жертвами хищника.

Сибата ругал корейца, будучи смущен тем, что вызвал нас напрасно. Но у меня настроение было прекрасное, и мы решили следующий день вновь посвятить поискам тигра. Необходимо было также вывезти убитого кабана и постараться отыскать раненого.

С раннего утра все охотники вновь разошлись поодиночке в различных направлениях, а я пошел с возчиками показать убитого кабана. Не дойдя версты до места, где лежал убитый накануне зверь, я обнаружил в полуверсте от себя на старой липе несколько каркающих ворон. Они временами слетали на землю и вновь поднимались на дерево. У меня тотчас же появилась уверенность, что следить кабана мне не придется, ибо за меня это уже сделали вороны, которые уже предвкушают пиршество, но ждут только когда прилетит к ним на помощь орел и своим сильным клю-

вом прорвет толстую подмерзшую кожу, или же, чтобы на их карканье подошел голодный волк. Предположение оказалось точным. Под липой лежала вчерашняя чушка, которую я передал возчикам так же, как и выпотрошенную накануне, после чего пошел дальше на разведку.

За этот день я отошел дальше, чем за предыдущий, тщательно все обследовал, но никаких признаков тигра не нашел. Вернувшись на бивуак, я узнал, что таких же плачевных результатов добились и остальные охотники. Приходилось предполагать, что если тигр и был, то по своей бродяжнической привычке перешел куда-нибудь уже далеко. За весь день никто ничего не добыл и настроение у охотников было нерадостное. Между тем меня призывали домой текущие дела, а молодежь должна была мне сопутствовать, так как сыновей ждали уроки, а старших работа.

Сибата со своим компаньоном также решили вернуться восвояси.

Позавтракав утром, мы стали укладывать вещи. Уже подъехали нанятые нами сани, и мы решили ехать напрямик в Сейсин, не заезжая в Ранан. Когда уже половина вещей была сложена, прибежал кореец из соседней фанзы и взволнованно сообщил, что ночью у него из фанзы тигр унес собаку.

Известие казалось настолько фантастичным, что я не сразу ему поверил, но затем все же решил проверить, хотя и оставил молодежь продолжать укладываться.

Дойдя до фанзы, я действительно установил по следам, оставленным на пашне и на песке около фанзы, что ночью приходил барс, который и залег в засаду в непосредственной близости от входа в нее (шагах в трех). Обыкновенно в Корее, внизу входной двери прорезывается отверстие и на шарнире привешивается маленькая болтающаяся дверка для свободного прохода собаки, так что хозяину не нужно впускать и выпускать ее, открывая дверь.

Ночью, когда собака выскочила, во двор, барс схватил ее, загрыз и унес в соседние скалы, расположенные на горе позади фанзы, что было видно по следам, волоку и оставленным кое-где каплям крови.

Как видно, во всем играет большую роль «Его Величество Случай» и, уйди мы на полчаса раньше, я, конечно, так бы и не знал о приходе барса.

Гора, в которую ушел барс со своей ношей, воз-

вышалась на версту. Это был южный склон (так называемый солнопек), густо заросший кустарником, крутой, перемежающийся скалами. Кое-где росли отдельные старые сосны. Самое любимое место для пребывания хищников днем является солнопек, и барс, плотно позавтракав собачиной, наверняка лежал в это время в одном из уступов скалы и дремал, время от времени лениво наблюдая жизнь внизу и высматривая собачонку, которая подошла бы ему на поздний ужин. В этот момент он, конечно, не предполагал о грозе, могущей разразиться над его головой, а правильнее шкурой.

Решили так: Сибата и Виктор, соединив обе своры, пойдут по следу гнать барса, который, будучи вспугнут, неизбежно начнет подниматься в гору от преследующих его собак. Мы же, остальные охотники, предварительно (до выступления «собачников») обойдем гору и займем позиции по ее вершине, где и будем ждать гона. На это нам была дана фора в два часа. Охотник Ким оставался с Сибата.

На одной из средних вершин остался ждать Валерий на промежутке, несмотря на свои 13 лег, остался Арсений, я же поднялся на главную вершину и занял центр предполагаемого «лаза», как говорят охотники. Лезли мы около двух часов, включая в это время и обход.

Прошло томительных полчаса ожидания. Все было тихо. Хотя с моей вершины в бинокль была видна фанза, из которой барс похитил собаку, но загонщиков там видно не было. Ожидание становилось все более напряженным. В голову лезла мысль, а что если барс уже вышел из оцепленного района и давно уже вне нашей досягаемости. Ведь снега было так мало, что, обходя гору, мы пропустили выходной след и, может быть, теперь окарауливаем пустое место.

Барс же был особенно желанным трофеем, так как за пять лет нашего пребывания в Корее мы много раз безуспешно гонялись за барсом. Валерию даже удалось раз подранить его, но взять хищника нам не приходилось.

Параллельно с этим рисовалась, как в таких случаях бывает, следующая картина.

Вот там, на опушке, вдруг покажется барс, крадущийся и прислушивающийся к отдаленному лаю собак и не подозревающий нашей засады. Я, налюбовавшись, пускаю ему пулю — в зависимости от расстояния и положения — в голову или сердце...

Нет, тому, кто не испытал этих переживаний, никогда не понять их!

Как часто это бывает, финал разыгрался совершенно неожиданно. Внезапно мои мысли были нарушены отдаленным лаем собак, доносившимся снизу, откуда пошла охота. Лай был глухой, едва слышный, с перерывами, но все же сердце встрепенулось. Появилась надежда, что он идет не по случайному зайцу или козе.

Через небольшой перерыв лай повторился и слышались отдельные голоса. Гон шел по направлению номера Валерия. Через некоторое время внизу раздался выстрел. Вначале я не мог понять, в кого стреляют, но усилившимся лай собак показывал, что это вы стрелил Сибата, чтобы поднять дух своры. Действительно, по скалам гудело эхо от шести собачьих глоток — и лай все приближался по направлению к Валерию.

Вперемежку с собачьим лаем раздавалось грозное рычание барса, которому с полным животом было, видимо, трудно уходить от преследования собак. Естественно, что зверь злился еще потому, что собаки не дали ему спокойно насладиться отдыхом на теплом солнышке после столь обильного завтрака. Можно было быть уверенным в том, что у него слюнки текли от предвкушения нового любимого кушанья, когда он увидел собак около фанзы, а теперь приходилось удирать от них.

Гон тем временем продолжался и, судя по лаю и ворчанию барса, был уже недалеко от Валерия. Зная выдержку сына, я не сомневался, что, подпустив зверя, он уложит его на месте. Неожиданно барс свернул влево и пошел параллельно горы под меня и вскоре остановился саженях в ста в скалах подо мною. Из-за густых зарослей ничего не было видно.

Так прошло еще минут десять. По-видимому хищник остановился в удобном для него месте и не хотел оттуда выходить, а собаки не могли его стронуть. Это мог быть высокий камень или трещина в скале и собаки не могли подойти сзади.

Определив положение, я рискнул оставить свой номер и постараться подойти к зверю. Приспустившись, я подозвал Арсения на свой номер, чтобы он караулил за меня, а сам стал спускаться на лай.

Предприятие оказалось очень сложным, так как чаща и овраги со скалами, куда завел барс собак, были почти непроходимыми. Эхо лая разносилось во все

стороны и трудно было определить точно местонахождение своры, хотя от нее я и находился шагах в 150. Пробираться приходилось очень осторожно, чтобы не спугнуть раньше времени зверя. Весь косогор был завален сухими шуршащими дубовыми листьями и упавшими сучьями, перемеживающимися с рассыпавшимися камнями. Но, конечно, несмолкаемый лай собак и рычание барса значительно облегчали дело.

Шаг за шагом пробираясь вперед, я старался увидеть барса или собак, но все мои попытки были тщетны. Особенно мешали в этом отношении густые заросли корявых горных сосен, зелень которых окончательно закрывала горизонт. Я был на одном уровне с лаем и мне казалось, что шагах в 75 от цели. Пришлось подвигаться еще более осторожно, курок ружья был взведен на случай моментального выстрела, так как барс, не будучи в состоянии удрать от собак, мог спрыгнуть на меня откуда-нибудь сверху. Судя по его рычанию, он был достаточно сильно раздражен, да и самолюбие его было несомненно ущемлено. Чувствовалось, что без борьбы он свою шкуру не собирался отдавать.

В этот момент я совсем забыл, что кроме меня и собак снизу зверя преследуют еще трое охотников и по времени они уже должны быть недалеко. Совершенно неожиданно я услышал, уже неподалеку от себя, хруст сломанного сухого сучка и сразу же сообразил, что сук этот треснул под ногой одного из нижних охотников, подбиравшимся на лай собак, подобно мне. Это дало мне толчок поспешить, чтобы не упустить случая взять такой интересный трофей.

Я ускорил шаги, но продолжал красться. Лай уже был где-то совсем вплотную. Передо мной находился неглубокий заросший овражек. Видимо, собаки были в нем, и поэтому я не мог их видеть, но где же в таком случае находился барс?

Впереди меня в овраге росла толстая сосна, ствол которой, голый от сучьев сажени на три, высился кверху, а выше, на вершине дерева, была густая шапка хвои. Не зная куда лают собаки, я не догадался взглянуть кверху, но, может быть, из-за гущи ветвей я бы ничего и не увидел бы.

Так, пробираясь шаг за шагом, я подошел к дереву, до ствола которого оставалось всего не больше пятнадцати шагов, но концы ветвей кроны его были уже надо мной. Лай шел из оврага где-то буквально из-под меня, но ни собак, ни барса не было видно. Я, конеч-

но, был готов в любой момент к выстрелу в случае неожиданного нападения барса. Еще шаг и я был поражен, увидевши... падающую с чистого неба «бомбу».

Впереди меня шагах в 12 свалился с дерева клубком барс. Первый момент у меня создалось впечатление падающего сетчатого мешка, наполненного яблоками, но «мешок», коснувшись земли, мигом развернулся. Барс не бросился на меня, а перескочил овраг, в котором сидели собаки, и пустился наутек на соседнюю горку. До перевала ее было от меня не больше сорока шагов. Собаки ринулись за ним, я моментально вскинулся и выстрелил в угон, но барас скрылся за горой. Перевалили ее и собаки.

Я перескочил овраг и быстро стал подниматься за собаками. Взбежав на половину подъема, я услышал впереди себя страшную возню, лай собак и рев зверя. Тут мне стало ясно, что пуля сделала свое дело: барс тяжело ранен, и собаки настигли его!

Не успел я подняться, как мне навстречу появился самый молодой пес Дружок с окровавленной мордой. На перевале появился Кома — морда его тоже была вся в крови, а левый глаз разодран когтем зверя.

Свалка слышалась шагах в 50, впереди в зарослях, куда я мчался полным ходом. Раненые собаки бежали за мной. Подбежав, я увидел замечательную картину.

Четыре оставшиеся собаки вцепились в горло зверя и все катались общим клубком, постепенно скатываясь все ниже. Было видно, что барс получил смертельную пулю и терял силы, но, несмотря на это, выворачивал голову, стараясь схватить зубами одну из собак, одновременно нанося им когтями царапины. Вернувшийся Кома присоединился к остальным собакам, а молодой Дружок больше нападать не решался.

Было необходимо добить зверя, чтобы избавить собак от риска получить еще большие ранения, так как почти все они имели уже царапины. Все поле битвы было закровавлено. К сожалению, азарт собак был настолько силен, что ни отозвать, ни оттащить их одному было невозможно, а стрелять в клубок, во избежание ранения или случайного убийства собак, я не мог.

Барс с каждой минутой ослабевал. На счастье в этот момент ко мне подбежал охотник Ким. Он был близко от меня и, как я и предполагал, подбирался к барсу на лай собак. Ким схватил за хвосты двух собак и оттащил их, а я, воспользовавшись моментом, добил барса в шею. При добивании хищника, избегаешь стре-

лять в голову, чтобы не попортить черепа, который идет для коллекции.

Вскоре собрались все охотники и, конечно, стали рассказывать свои переживания. Особенно много пережил Валерий, на которого барс шел вначале. Зверь, преследуемый собаками, вплотную подошел к нему, ворчал и бросался на собак, но был в густой заросли, что не давало возможности стрелять. Было время, когда казалось, что зверь вот-вот покажется, но в последний момент он свернул в сторону, так и не показавшись на глаза Валерию.

По рассказам Виктора и Сибата, они, поднявшись на первый выступ скалы, нашли остатки костей собаки, мясо которой вместе с кожей и мелкими косточками было уничтожено зверем. Барса собаки подняли на следующей террасе, не дальше трехсот шагов от фанзы, где насытившийся зверь решил провести день, наблюдая за фанзой и обдумывая, как видно, план — в которой из фанз деревушки стащить другую собачку. Подняв барса, собаки вначале шли нерешительно и, чтобы подбодрить их, Сибата сделал выстрел, после которого они дружно погнали и уже не отставали от зверя.

Притащив зверя к фанзе, мы уложили его на сани с нашими вещами, распрощались с Сибата и Кимом и отправились напрямик в Сейсин.

Это был первый барс, добытый нами в Корее, и дома нам устроили торжественную встречу...

Три барса

Приехав в январе 1940 года в Маньчжурию, мы начали с охоты на коз и кабанов, так как снега почти не было и о тиграх и барсах нам приходилось только мечтать. Правда, изредка следы попадались, но следить не представлялось возможным: ждали то новолуния, то полнолуния, когда есть больше шансов выпасть очередному снегу, но время шло, луна сменялась, а ожидаемый снег кончался «пустоцветом». Тяжелое это испытание для таежника, принимая во внимание все тяжести таежной жизни для охотника-любителя, которому судьба приготовила, как эмигранту, долю охотника-промышленника. Как не верти, с месяца нет тебе никакой скидки, — хочешь не хочешь, жди тридцать дней до рождения очередной луны. Так было и на

этот раз —пришлось довольствоваться только козами и кабанами.

В одно морозное утро, выйдя из местечка Чунгоу, в котором мы задержались на несколько дней я направился на солнопеки, специально за козами, которых в тех местах было действительно очень много: иногда в день можно было встретить до сорока и даже при бесснежьи брать от трех до семи штук.

День выдался очень тихий. Козы выскакивали далеко — и я к полудню взял только двух козлов. Район был почти безлесным, и я не рассчитывал встретить ничего крупного.

Поднявшись на одну из вершин, я почувствовал приближение времени обеда. Посмотрел на часы — было четверть второго. Надо сказать, что даже при 30 градусах мороза, охотясь по горам, приходится одеваться очень легко. Поверх свитера обыкновенно надета замшевая куртка и такие же брюки. Все согревание рассчитано на движение и поэтому во время обедаі приходится разводить костер, чтобы около него греться и конечно, пользуясь случаем, подогреть бэнтоо (коробка с крышкой, в которой лежит отваренный рис с приправой) и сварить чай, по большей части из собранного снега. На все это при умении уходит не больше 30 —40 минут.

Для обеда охотник старается занять такой пункт, с которого виден далекий горизонт или же на звероной тропе и, пользуясь свободным временем, пока кипит чай, осматривает в призматический бинокль все складки местности, находя часто таким образом зверя.

Итак, перевалив за хребет и осмотрев горизонт, я не заметил ничего подозрительного. Ниже меня, шагов на двести, спускался довольно отлогий косогор, сильно заросший желтым горным ковылем. Местами ковыль был довольно высоким и густым, так что за десять шагов ничего нельзя было видеть. По косогору росли кое-где отдельные дубы. Ниже, шагах в двухстах, косогор пересекался неглубоким крупным оврагом, противоположная сторона которого была хорошо видна, хотя на ней тоже кое-где были разбросаны старые дубы.

По обыкновению, находясь в тайге ежесекундно наготове, я держал винтовку на перевязи на правом плече и стал собирать с земли тонкие сухие сучья, стараясь не производить шума. Набрав приличную охапку, я подошел к намеченной площадке, чтобы раз-

вести костер, поднял голову и еще раз взглянул на горизонт.

В этот момент я увидел ниже себя, шагах в 150, вскочившего на ноги барса, стоявшего ко мне боком на небольшом холмике и просвечивающего ясным силуэтом сквозь редкий в этом месте ковыль. У меня получилось впечатление, что барс спал на солнце, но, услышав мой шорох, вскочил и прислушивается.

Конечно, мой хворост вмиг разлетелся по сторонам, а винтовка очутилась у плеча. Я выцелил и выстрелил, но был поражен случившимся: вслед за раздавшимся выстрелом вместо одного стояло в ряд три барса — все с поднятыми головами и круто поднятыми хвостами. Но это длилось только мгновение. Второго выстрела я произвести не успел — барсы вмиг спрыгнули под бугорок и скрылись.

Переведя патрон и держа ружье наготове, я бросился к тому месту, где стояли барсы, в надежде увидеть их удирающими через овраг, но пока я бежал, не сводя глаз с горизонта, я ничего увидеть не мог. Вскочив на возвышенность, на которой находились в момент выстрела барсы, я увидел одного из них, стоявшего шагах в тридцати от меня в траве и смотрящего в мою сторону. В момент моего появления он лег и трава совершенно скрыла его. Ничего не оставалось делать, как выцелить в траву, где по предположению мог быть барс.

Я выстрелил еще раз. Барс, видимо, тяжело раненный, перевернулся через голову и стал волчком крутиться на месте. Я наблюдал, предполагая, что он сейчас же упадет мертвым, но зверь, проделав несколько раз «колесо», вскочил и бросился в сторону, скрывшись в густой траве. Не теряя времени, я добавил патронов, осмотрел горизонт и, не видя других барсов, бросился влево на ближайший холмик.

Как только я вскочил на него, то увидел другого барса, переваливающего следующий холмик, шагах в 40 от меня. Выстрелить я не успел и бросился к тому месту, которое только что перевалил зверь. Он бежал не торопясь, и я увидел его переваливающим следующий холмик. Я гнался за барсом шагов 200, мельком видел его несколько раз, но ни разу не мог выстрелить.

Третьего барса мне больше не удалось увидеть. Вернувшись, осмотрел следы и стал разбираться в них, что При полном бесснежьи оказалось очень трудной зада-

чей. Все же, провозившись с полчаса, я восстановил полную картину происшедшего.

Осмотрев место, на котором были барсы, я заметил несколько капель крови. Следы вели к тому месту, где я увидел зверя, когда он прилег вторично. Насколько была серьезной первая рана установить не представлялось возможным. Все же была какая-то причина, которая заставила зверя задержаться, пробежав всего десять саженей. Лежи он спокойно, я, направляясь по следам, несомненно, попал бы ему в зубы, так как лежащим его увидеть не мог. На мое счастье я еще увидел его стоящим, а прилег он уже у меня на глазах.

Думаю, что стреляя барса в траве наугад, я не попал в него, а только спугнул. Следующая же пуля, пущенная на бегу, ранила серьезно, так как на месте «колеса» была масса крови. Дальше след завел меня в сплошные тростники выше человеческого роста и местами настолько густые, что дальше двух-трех шагов ничего не было видно.

Я продвигался крайне медленно и осторожно. Пробежавший зверь буквально оставил канаву в зарослях, причем трава с обоих сторон была обильно измазана кровью. Кровь была густой и темной.

Идти дальше одному, да при том еще без собаки, было безумием, так как при таком ранении хищник не мог быть далеко и, услышав мое приближение, мог бы сделать засаду. При всей бдительности и виртуозной стрельбе он может захватить охотника врасплох.

От бивуака я находился на расстоянии верст 15. Идти туда для того, чтобы затем вернуться с кем-нибудь из охотников в тот же день, было невозможно, а оставлять след без снега и потерять на следующий день было жаль. Такой трофей не каждый день ветретишь — ведь барс был очень крупным.

Взвесив все, я осторожно стал продолжать слежку. Дело происходило на солнопеке, земля была сухой, как и трава, и следить было трудно. Кровь терялась, приходилось делать круги, что отнимало много времени и, естественно, утомляло и уменьшало бдительность, а обед мой все еще находился в пейтузе *.

Было уже три часа. Найдя снова след, пройдя не много почти по чистому месту, я вновь влез в сплошной тростник. След шел не по ровному месту, а по косогору, и снова голос здравого смысла говорил, что

* Охотничий мешок.

нужно бросить слежку и прекратить рисковать. Самолюбие же «тигра» — старого охотника, говорило, что если ты действительно «тигр», то обязан идти дальше и не бросать следа. Кроме того, и фаталист. Я подумал о том, что за полвека моей охоты я, не задумываясь, подвергался еще большим опасностям и ни разу перед ними не отступал. Неужели мой дух стал слабым? Нет, я не могу не идти дальше! — и отправился по следу, выкинув из головы все сомнения.

Так как видимость горизонта стала более чем ограниченной, а след представлял собой продавленную в сухом тростнике борозду с каплями крови на траве, всякий случай я ощупал за поясом нож, осмотрел еще раз взведенный курок винтовки и стал медленно и осторожно пробираться, прислушиваясь поминутно к малейшему шороху и стараясь уловить тяжелое дыхание раненого зверя, лежащего где-нибудь поблизости в чаше. Должен сказать, что тяжелое дыхание раненого зверя не раз давало мне возможность разыскивать его в чаще. Однако ничто не выдавало близкого присутствия барса, между тем как тяжелое ранение, несомненно, заставило его забрести в ближайшие заросли. Он не мог быть далеко, тем более, что я не встретил ни одной лежки.

Неожиданно я потерял след. Видимо, зверь не пошел дальше, так как я оказался в тупике следа. Я прислушался. Ничего слышно не было. Предполагая, что барс сделал высокий прыжок, не задевая камышей, я остановился и стал разглядывать. Ничего не увидев впереди, я повернулся вправо и... мороз пробежал по моей коже...

Всего в двух шагах от себя я увидел лежащего барса!

Первое, что я сделал — это выцелил, но не успел выстрелить, так как в момент вскидки рассмотрел, что зверь лежит на спине, все четыре ноги его были задраны кверху и он был мертв.

Сюрприз был, конечно, приятный. Со времени, когда я стрелял в барса, прошло около часа. Ясно было, что будучи тяжело раненным, пришел сюда и по своей привычке свернул кверху в сторону и лег над своим следом на косогоре, чтобы в случае преследования напасть на охотника сверху. Дождаться ему моего появления не пришлось — смерть наступила раньше, и он, уже будучи мертвым, перевернулся и скатился почти на свой след.

Хищник оказался крупным самцом.

Завалив тушу нарезанным камышом, я пошел осмотреть еще раз место, откуда я стрелял по барсам, и выяснил следующее:

Три барса лежали на маленькой возвышенности в камышах, играли и катались на солнышке, так как вся полянка была укатана. Случайно один из зверей встал, не подозревая даже моего присутствия поблизости. В эту минуту я взглянул в его сторону. В момент моего первого выстрела вскочили и остальные два. Эффектно показались три головы и три хвоста, но тотчас же звери спрыгнули с горки. Однако они не побежали, а задержались, не разобрав сразу в чем дело, и я увидел их, добежав до места лежки. По-видимому, два спрятались в густой траве, а раненый не лег. Когда я его увидел, обстреляв по первому, я добавил патронов в свой «Спрингфильд» и бросился искать, нет ли поблизости других, то спугнул второго, но выстрелить в него мне, к сожалению, не удалось.

Вывод в конечном результате таков:

При полной удаче, как и на этот раз, все окончилось благополучно, но необходимо все же помнить, что не всегда так заканчивается удачно. Теоретически, при охоте на хищников, особенно, когда дело дошло до стрельбы или преследования (даже в том случае, если вы не вполне уверены — ранен ли зверь или зверей несколько), нужно быть спокойным, осмотрительным и не лезть зря в чащу. Однако надо добавить, что те охотники, которые проявляют слишком большую осторожность при охоте на хищника, никогда и никого не убивают.

Как уже сказано выше, я лично — фаталист. Верю в свою звезду, никогда в жизни ни перед чем не останавливался, ни перед какими опасностями и даже имел счастье чудом выйти из-под тигра, сравнительно мало искалеченным.

А вообще смело могу сказать:

— У меня есть, что вспомнить! Помимо случаев с хищниками я не раз рисковал своей жизнью: в боях с хунхузами, браконьерами, подвергался нападению бандитов, штормовал в бурю в море, управляя шхуной, бывал в бурю за бортом, спасся при взрыве бензина, от которого в море загорелась яхта, тонул в водовороте горной речки, спасая других тонущих, и имел массу подобных случаев в жизни.

Пишу об этом не потому, чтобы похвастаться, а лишь

разъяснить молодежи, что для этого нужно быть быстрым, смелым, уверенным в себе, решительным, сильным физически и ловким, всегда хорошо тренированным, быстро соображать и, раз решив, уже не отступать. Конечно, прежде всего нужно быть сильным духом — это начало и конец всех успехов.

Кроме того, при всех приготовлениях на дело, сопряженное с риском, нельзя быть небрежным, ленивым, рассеянным и беспечным. Нельзя также упускать после окончания рискованного происшествия всех его малейших деталей. Нужно все их взвесить и во всех разобраться. Иначе говоря — быть всегда и ко всему готовому.

Все же еще должен сказать: надо быть фаталистом и верить в счастье. Кто должен утонуть, тот не сгорит, ибо все нам заранее предначертано в Книге судеб...

Я буду, конечно, вполне удовлетворен, если прочтя эти строки, хотя бы один только юноша вникнет в их суть и попробует провести их в жизнь, ибо сам я не мыслю для юношества иного понимания.

Приключение с браконьером

Описываемый мною случай произошел в Приморье в моем имении Сидеми в 1912 году. Чтобы не повторяться, напомню, что в помещенном в этой книге рассказе «Приключение с медведем» частично описана структура охраны оленьего парка.

Был конец июля. Ночи стояли темные, погода была туманной, но теплой. Папоротники и травы достигали полного роста — в Приморье они часто скрывают человека с головой.

Для браконьеров настало давно желанное время забраться к нам в олений парк и, застрелив оленя-пангача, скрыться с его золотой головой, которая обеспечивала человеку с небольшими запросами безбедное существование на целый год, но в большинстве случаев — беспросыпное пьянство в кабачках Владивостока недели на две, если кабатчик не оберет свою жертву раньше.

В одно действительно прекрасное утро из центрального сторожевого домика в Семивершннной пади раздался телефонный звонок. Было часов 8 утра. Говорил главный сторож Митюков.

— Сейчас раздался выстрел внутри парка, не даль-

ше версты от сторожки. Скажите, не ушел ли кто-нибудь из домашних на охоту?

Навожу справки. Выясняется, что на охоту никто не уходил — значит залез браконьер. Немедленно звоню по всей линии и отдаю распоряжение:

— Усилить бдительность по всей линии ограды, чтобы браконьер, если он уже имеет срезанную с пантами голову, не мог бы перелезть ограду и удрать из парка.

Необходимо указать, что в те времена охрана у меня была уже поставлена хорошо и браконьерство стало большой редкостью. Приходили или совсем неопытные или же, как говорят, прошедшие огонь, воду и медные трубы и не задумывающиеся пустить пулю в хозяина или навязчивого сторожа. Надо сознаться, что они достигли блестящих результатов на острове Путятине, где, в конце концов, из 1500 оленей осталось не больше 200.

Лучше обстояло дело с охраной на островах Аскольд и Рикорд, где олени принадлежали Приморскому обществу любителей охоты. Это нужно отнести за счет энергичного председателя общества — председателя Владивостокского окружного суда Н. Н. Бушуева, в конце концов, в 1913 году убитого браконьерами при охране оленей. Его заменил не менее энергичный товарищ председателя — инспектор владивостокской таможни П. Л. Ярышкин, который и оставался на своем посту до окончания существования общества. Между прочим, в конце 1918 года Ярышкин в перестрелке на острове Аскольде застрелил знаменитого на все Приморье броконьера и стрелка Андрея Кочергина, в свое время подозревавшегося в убийстве Бушуева, но не уличенного.

Считаю нужным пояснить, что полуостров Янковского с трех сторон омывался чудным Японским морем, а с четвертой, на протяжении трех верст от моря, каналом, шириной в 100 саженей, соединяющимся с огромным Лебяжьим озером, протяжением в пять верст. Полуостров от материка отделялся болотистым, местами топким, малопроходимым летом перешейком в две версты шириной. Озеро вокруг заросло высокими камышами. Браконьеры иногда пользовались маленькими лодками и ночью переплывали на них озеро. Иногда же они приплывали из Владивостока на лодках и высаживались со стороны моря, с островов.

Протяжение морского берега полуострова превышало 20 верст, что также затрудняло охрану, особенно в темные ночи и туманы. Лодка, высадившая браконье-

ров, уходила в ближайшие мелкие острова и ждала сигнала, когда вернуться за добычей.

Все это, конечно, затрудняло охрану. Вывезти панты с полуострова Янковского считалось у настоящих браконьеров своего рода доблестью. Вывезший их, как бы переходил в высшую категорию хищников.

Поэтому, чтобы быть на высоте с охраной парка, пришлось не только выдавать при успехе крупные премии, но и строить ее на спортивных началах: которая из двух сторон выиграет — мы или браконьеры.

Я, естественно, стоял во главе охраны и, конечно, всегда нес некоторый риск своей головой, на которую почему-то всегда смотрел довольно легкомысленно. Правда, меня часто спасала большая решимость, ловкость и быстрота, а также дурная слава, которую я не отрицал, но подтверждал, когда мне задавали вопрос:

— Сколько вы на своем веку отправили на тот свет браконьеров?

Теперь же сознаюсь честно, ибо мне никого уже не надо запугивать: ни одного браконьера я не убил. Правда, в перестрелке были умышленно легко раненные, но когда мне приходилось брать на мушку браконьера, а это бывало нередко, и он слышал мой «ласковый» голос: «Положи ружье, иначе застрелю» — не было случая, чтобы он не сдался.

Конечно, я знал — преимущество на моей стороне: я охраняю, а браконьеры грабят. Кроме того, все браконьеры считали меня выдающимся стрелком. Наряду с этим, если они обнаруживали меня первыми, то не хотели брать риска стрелять, а прятались, ибо знали, что при промахе они уже будут на мушке. Я верил в свою звезду и поэтому шел на риск всегда спокойно, придерживаясь теории:

— Надо уметь заставить врага всегда чувствовать, что у тебя две шкуры, а у него одна. Тогда он отступит...

Вернусь к прерванному рассказу. Одновременно с телефонным распоряжением сторожам по сухопутной линии я дал инструкцию следить и за береговой, усиленно наблюдая вечером и ночью за лодками и подаваемыми световыми сигналами.

Второй линией ловли браконьеров, если бы с наступлением темноты им удалось незамеченными выбраться из парка, было соединение канала с озером, так называемый исток канала, который можно было легко перейти в брод, и перешеек полуострова, имев-

ший два прохода: или по берегу озера, или по главной дороге, идущей по середине перешейка.

Все три указанных перехода занимались с вечера до полуночи, так как предполагалось, что если до полуночи браконьеры не вышли, то останутся в парке поохотиться на следующее утро. Недалеко от перешейка было расположено именье моего брата Яна, ныне умершего. В его обязанности в таких случаях входило — с вечера, вместе с вооруженными рабочими занять оба прохода по перешейку.

Поседлав лошадь и собрав около десяти человек верховых (обыкновенно это частично были служащие, частично молодежь, гостившая в именьи летом), мы тронулись цепью по парку искать браконьеров. Задача была нелегкая, мешали заросли, россыпи, скалы. Проездили и пробродили до вечера, но ничего обнаружить не удалось. Не обнаружили мы и трупа оленя, из чего можно было заключить, что стрелявший утром браконьер сделал промах и вечером они снова возобновят охоту.

От дома до истока канала было верст пять. Взяв с собой двух человек, я выехал в сумерки сам, чтобы сделать засаду, так как это место считалось самым ответственным.

Спрятав лошадей в стороне, мы засели. Быстро спустилась темная ночь. Прошел час, другой... Кто не бывал в таких засадах, тому трудно понять все ощущения и переживания. В голову лезут всевозможные предположения, и воображение от нечего делать рисует всевозможные картины: как это все должно произойти и кто на этот раз предполагаемые браконьеры. Обыкновенно бывает все наоборот, вопреки всяким предположениям, и поэтому все нужно соображать уже по ходу самого дела. Самым же неприятным фактическим переживанием являются визиты комаров и мошки. Нужно иметь дьявольское терпение, тем более, что сидеть приходится молча, не шевелиться, а главное, что очень тяжело для курильщиков, — не курить.

Вам приходится все время прислушиваться ко всем шорохам, так как приблизившийся незаметно браконьер может удрать назад или же выстрелить в подкарауливающего. Вы нервно сжимаете винтовку, но в то же время знаете, что стрелять будете только в крайнем случае, да и то скорее в воздух, чтобы напугать врага. А комары тем временем беспощадно грызут и грызут вас. Время от времени вы проводите рукой по лицу

и чувствуете липкую кровь. Часы идут, и укусы комаров еще более озлобляют вас против браконьеров.

Неожиданно плеснет выпрыгнувший, играя, из воды пеленгас. Всплеск один, второй, третий, и вам уже кажется, что это через канал идет браконьер, миновавший стороной сторожей. Но снова наступает тишина и вы убеждаетесь, что это был пеленгас.

Кажется, что время идет очень тихо, а сидеть приводится минимум до 11 часов вечера. На часы лишний раз не взглянешь — нельзя зажигать спичку. Комары становятся все более назойливыми, у курильщиков уже лопается терпение и лежащие в засаде шепчутся:

— Попался бы нам сейчас браконьер. Взяли бы его раздели, да подержали полчаса голым, чтобы комары попитались. Надолго бы это отбило у него охоту воровать панты!..

Можно с уверенностью сказать, что не будь всем участникам облавы привито спортивное чувство, никто бы не высидел бы при такой обстановке положенного времени.

Так было и на этот раз. Время уже подходило к тому, чтобы возвращаться домой и поспать, так как в 4 часа нужно было быть всем по своим местам вдоль ограды.

Неожиданно послышались быстрые шаги. Кто-то спешил в нашу сторону. Все насторожились. Наконец-то браконьеры будут наши! Голову продолжает сверлить одна и та же мысль: кто же попался на этот раз? Еще минута и идущий приблизился почти вплотную. Темень страшная — ничего не разберешь. Наконец, окликаю:

— Кто идет?..

Все одновременно вскакиваем и окружаем, чтобы схватить неизвестного и вдруг слышу спокойный голос Митюкова:

— Свой...

Подходит в сопровождении помощника старший сторож. Спешу узнать в чем дело.

Оказывается, уже в потемках, часов около 9 в том же месте, что и утром, вновь раздался выстрел.

Оставляю помощников с Митюковым продолжать засаду и даю инструкцию: пробыть до 12 ночи, а затем Митюкову вернуться в сторожку, а остальным ехать домой. Сам же еду дальше на перешеек к Яну (это еще верст 5), чтобы снять его посты и сговориться о плане

действий на следующее утро. Со мной едет один из моих помощников.

По времени посты должны быть уже сняты. Подъезжаю к усадьбе брата, расположенной в версте от перешейка полуострова. Залаяли собаки. Услышал Ян и вышел на крыльцо. Он уже успел раздеться и встретил меня в ночной длинной рубахе. Я, сидя на коне, говорю, что вечером был новый выстрел. В ответ он мне сообщает, что на дороге дозор уже снят и люди отдыхают, а с озера должны вот-вот вернуться.

Неожиданно в этот момент со стороны дороги, в полуверсте от нас, раздался выстрел, эхо которого гулко разнеслось в ночной тишине. Мигом нам представилась картина: возвращавшийся с дозора патруль столкнулся с браконьерами и кто-то из них сделал выстрел.

Повернув коня, я полным ходом понесся к дороге. Было так темно, что ее почти не было заметно, и я скакал, как говорится, наобум, через канавы, рытвины и камни. Мой помощник где-то отстал, но я не обращал на это внимания, так как нельзя было терять времени. Проскакав около версты, я услышал голоса и, подъехав к сторожам, увидел их... мирно курящими.

Выяснилось, что, возвращаясь домой, они стали вынимать патроны из стволов, причем у одного из них произошел нечаянный выстрел.

Тревога вновь оказалась напрасной.

Обескураженные, не успев обменяться впечатлениями, мы тронулись к усадьбе, как услышали шаги бегущего навстречу нам человека. Мы остановились и стали ждать.

На нас неслось белое привидение!..

Вначале мы не поняли в чем дело. Оказывается, навстречу нам бежал в длинной, до пят, ночной рубахе мой долговязый брат Ян с винтовкой в руках. Он спешил к нам на помощь, не думая о том эффекте, какой произведет его появление в столь странном туалете!..

Это было третье приключение в течение нашей злополучной ночи.

Так как браконьеры не вышли из парка с вечера, то мы условились с Яном, что он со своими людьми займет с четырех часов утра, в помощь сторожам, западную часть просеки, а наши — центр и восточную часть. До 8 часов утра все будут караулить и слушать, не повторятся ли выстрелы, после чего мы начнем облаву, собрав к тому времени человек 50, т. е. всех свободных обитателей обоих имений.

Было уже около часа ночи. Мы с племянником направились домой. Немного туманило и стало морозить, но я решил возвращаться горами через лес, в надежде, что сырость заставит браконьеров развести костер, или же они ночью станут подавать световые сигналы лодке, если они прибыли в парк с моря.

Только зная хорошо местность, мы могли рискнуть на этот путь через россыпи и овраги. До именья таким путем было верст 8, но так хотелось перехватить браконьеров. У меня почему-то была уверенность, что на этот раз хозяйничают самые головорезы, так как в течение дня после выстрелов не постарались даже удрать.

Увы, все наши ночные старанья пропали даром, и мы только к трем часам вернулись домой.

Расседлав лошадей и дав им корм, поставили будильник на четыре часа утра. Мы моментально заснули, а спать, вернее даже дремать, нам оставалось меньше часа, так как летом светает рано, а в 4 часа нужно по телефону разбудить сторожей и вновь скакать, чтобы руководить поисками.

Ровно в четыре зазвенел будильник, а за ним и телефон. Было условлено, что до 8 утра все остаются на своих местах, а к девяти собираются, кроме расставленных редко на горах часовых, к центральной сторожке Митюкова, после чего устраивается цепь из 50 человек, конных и пеших, с тем, чтобы обшарить все укромные места парка.

Я двинулся по линии, объехав все посты, и к семи часам утра подъехал к центральной сторожке, где застал помощника Митюкова — одного из сторожей-корейцев. Позвонил по линии. Мне ответили, что новых выстрелов в это утро слышно не было. В ожидании сбора сторожей я остался у сторожки, а сторожу-корейцу дал распоряжение, пока что обследовать ближайший район, в котором накануне был сделан выстрел — нет ли там трупа оленя с отрезанной головой.

Привязав коня, я сел в ожидании. Понемногу стали собираться люди. Подошел Митюков, и не успели мы обменяться с ним парой слов, как вернулся очень взволнованный сторож-кореец, которого я посылал на разведку, и сообщил, что всего лишь в двухстах саженях от сторожки, если идти по указанной им тропинки, прячется вооруженный человек.

Позади указанного места была горка. Чтобы не терять времени, я решил с имеющимися в наличности людьми окружить браконьера и поймать его, так как

стрелять, конечно, не хотелось. Между тем, если бы мы пошли цепочкой с одной стороны, то спугнули бы браконьера, а если бы он стал удирать, то пришлось бы в него стрелять, чего я всячески избегал. Я только упустил из виду, что там мог быть не один браконьер, а несколько.

У меня сразу же созрел план: я отправил 3 сторожей окружить гору с противоположной стороны и ждать, а сам решил пойти по указанной тропинке и, если удастся, задержать браконьера. Если он побежит, то, несомненно, наткнется на засаду, тем более, что люди вот-вот подойдут.

Медлить было нельзя. Я направился по тропинке. Была сильная роса, стоявшие группами папоротники были мокрыми. Держа наготове ружье, я медленно пробирался вперед. Дальше 30 — 40 шагов между деревьями ничего не было видно. Напряжение нервов было сильное, ибо каждую минуту я мог бы получить в лоб пулю.

Пройдя шагов 600, я действительно заметил между папоротниками подозрительный предмет: не то колода, не то еще что-то. Продвигаясь очень осторожно, ползком я приблизился к таинственному предмету шагов на 25, но все же не мог рассмотреть, что это было. Казалось, что это человек или несколько их, спрятавшихся в тени большого дерева, вблизи находившейся в папоротниках колоды.

Я подполз еще ближе и наконец разобрался в чем дело: передо мной лежал человек, держа в руках винчестер, прикладом в мою сторону!..

До него оставалось шагов восемь и отступать было поздно, хотя поблизости и могли быть мои люди. Надо было на что-то решаться и... вдруг.

К своему удовольствию, я услышал громкий храп!...

Этого было достаточно. Я приподнялся, осмотрелся и увидел, что передо мной на боку, ногами в мою сторону, лежит человек с ружьем в руке. Голова его была покрыта суконной бобриковой тужуркой, чтобы не кусали комары. Спящий зверски храпел.

Я надел свою винтовку за спину. Один прыжок «старого тигра». Вырван и отброшен в сторону винчестер, тужурка дальше надвинута на голову и я уже сижу на спине врага, обхватив его руками и ногами, зажав так, чтобы он не мог вырваться, и время от времени луплю его, зная, что скоро моя злость уже выдохнется.

Борьба не была продолжительной. Скоро моя жерт-

ва почувствовала полную свою беспомощность и покорилась.

Делаю одной рукой за спиной три выстрела — условленный сигнал, на нашем языке означающий «Собирайтесь ко мне!.. », и вдруг слышу:

— Отпустите, я задыхаюсь...

По голосу слышу, что это говорит кореец на довольно приличном русском языке. Спрашиваю:

— Кто ты такой?..

— Хозяин, отпустите,— слышу в ответ. — Никогда больше не буду приходить к вам на охоту...

Повторяю вопрос:

— Кто ты такой?..

— Я Пак из Верхней Адеми (что в 10 верстах от маньчжурской границы). Я две недели тому назад взялся с артелью косить сено, взяв при этом аванс в 100 рублей, но артели не привел, а, разузнав порядки в парке, явился пантовать...

Я был искренне удивлен, так как знал, что Пак является старым промышленником и при том зажиточным человеком.

В это время на мои выстрелы прибежал один из сторожей корейцев. Желая напугать Пака так, чтобы действительно он не только больше не приходил для пантовки в парк, но и заказал это и всем другим (так как пантача он не убил и суд максимально приговорил бы его к 3 — 4 неделям высидки), я громко по-корейски сказал сторожу, сделав ему при этом знак рукой, чтобы он никуда не уходил:

— Беги скорее в сторожку, принеси топор, лопату и кайло. Мы отрубим ему голову, выроем яму и закопаем. Никто об этом и не узнает...

Если бы вы знали, какой эффект произвели эти слова на мою жертву! Он стал умолять меня о пощаде и завопил:

— Отпустите! Никогда я этого не забуду! Всю жизнь буду даром работать на вас...

Но я был «неумолим». Не хотел бы я попасть на место браконьера. Так прошло минут десять, он все продолжал молить меня о пощаде, я же продолжал свою игру...

Наконец, стали сбегаться сторожа, рабочие и все те кто в течение суток кормили комаров, и почти не спали. Особенно были озлоблены старослужащие корейцы, когда узнали, кто был виновником происшествия. Каждый из пришедших считал своим долгом дать

Паку по физиономии, и мне с трудом удалось остановить это избиение, поручив охрану пленника двум русским. Больше от предотвращения избиения, чем от побега, пленника повели в усадьбу.

Решили отправить «виновника торжества» во Владивосток, а не в Адеминскую волость, где у него были свои и скоро бы его освободили. Катер уходил на другой день, и до его отхода пленника посадили в подвал под кухней, где была прочная западня.

Совершенно случайно вся эта история кончила курьезно и сильно обогатила легенды о наших расправах с браконьерами.

Вечером, когда прислуга кормила пленника, видимо, плохо забили гвоздь в западне. Помимо того она боялась спать в кухне и, никому ничего не сказав, отправилась ночевать к соседке.

Пак ночью выбрался из подвала в кухню и решил удрать через окно, которое, как и все окна нижнего этажа усадьбы в Сидеми, было забрано толстыми железными решетками, чтобы никто не мог проникнуть во внутрь дома. Стремясь пролезть сквозь решетки, Пак снял куртку и положил ее на окне. Но не помогло и это. Тогда он поднялся по лестнице на второй этаж и удрал, спустившись по столбу, поддерживающему балкон, оставив в нашем распоряжении только забытую куртку.

Утром я отправил в волость нарочного, с просьбой арестовать Пака, но мне сообщили, что он домой не возвращался. Я объявил, что выдам сто рублей премии тому, кто укажет, где он находится, но был уверен в том, что он бежал за границу, которая отстояла от его фанзы в 10 верстах.

Осмотрев отобранный винчестер, я признал в нем бывший мой, проданный корейцу-охотнику из деревни Адеми год тому назад. Как потом выяснилось, охотник дал его Паку при условии выдачи ему половины стоимости добычи.

Я в сущности был доволен таким оборотом дела, ибо бегство за границу было большим наказанием, чем ему мог дать суд, но все же этим дело не кончилось.

Через три дня после случившегося ко мне приехали три брата Пака. Посидев некоторое время молча, по-восточному, они дипломатично начали беседу о своем брате-браконьере. Я вначале был уверен, что им просто неудобно передо мной за поступок брата и они решили выразить свое соболезнование по поводу случив-

шегося, но поговорив с ними, убедился, что мои предположения ошибочны.

Тогда я обратился к ним с просьбой помочь мне разыскать их исчезнувшего брата, пообещав за это сто рублей.

Они ничего не ответили, но задали вопрос, где был в заключении их брат. Я сказал им, что он сидел в подвале и при этом показал оставленную им тужурку. Братья переглянулись между собой и вышли. Казалось, вопрос был исчерпан.

Однако прошло около двух часов, и братья снова явились ко мне. Они стали расспрашивать об исчезновении брата более подробно. Вначале я не мог понять, в чем дело, но затем убедился — они не верили в бегство Пака. Когда они, волнуясь, вначале попросили, а затем потребовали, чтобы я показал подвал, в котором содержался их брат, мне стало ясно, что они убеждены в том, что их брат убит и закопан в подвале.

Думаю, что до них дошел уже искаженный слух о том, что я грозился отрубить Паку голову и закопать. Загадочное же его исчезновение, по мнению братьев, являлось только подтверждением моих намерений.

Учтя эффект этих слухов, я категорически отказался впустить их в подвал, сделав вид, что это мне по какой-то причине нежелательно и тем самым еще более укрепил их подозрения. Братья подняли скандал, но я был неумолим, и кончилось тем, что они высказали мне в глаза свои подозрения и заявили, что сообщат об этом властям.

Цель была достигнута, и слухи о расправе с браконьером быстро разнеслись по окрестностям.

Вскоре я узнал, что через три дня после визита ко мне братьев Пак вернулся домой, взял свои вещи и бежал снова за границу, вернувшись окончательно домой только через год. Я, конечно, сделал вид, что об этом ничего не знаю, ибо и так он был достаточно наказан.

Так родятся легенды... Распускаемые нарочито слухи о привязывании к деревьям раздетых догола браконьеров для кормления комаров и всевозможных других истязаниях служили мне самыми лучшими и дешевыми помощниками при исключительно тяжелой и рискованной охране оленей.

Но, конечно, с самыми смелыми браконьерами, в случае, когда их захватить было невозможно, приходилось применять меры более действующие на нервы — это аккуратное обстреливание их из засады, притом

так, чтобы пули ложились от них на расстоянии, скажем одного-двух аршин. Браконьер, конечно, не предполагает, что вы не хотите в него нарочно попадать, а думает обратное и спешит удрать. Зато в большинстве случаев, вторично он избегает нанести визит, да еще другим не советует.

Когда-нибудь в другой раз я расскажу о более рискованных случаях при ловле браконьеров.

Макар и кабаны

Это произошло в период с 15 по 22 декабря 1933 года. Зимы в то время мы проводили еще не у себя, в корейском имении Новине, а в городе Сейсин.

Нужно сказать, что декабрь самый благоприятный месяц для охоты на кабанов, так как с ним совпадает сезон кабаньих свадеб (иначе говоря, по-охотничьи — «гона»). Кабаны, особенно самцы (секачи), буквально дуреют и, увлекшись ухаживанием, зачастую не обращают внимания на выстрелы, что значительно облегчает охоту.

Правда, в этот период раненый кабан опаснее при преследовании, чем обычно, но тут только от охотника требуется большая бдительность. Кроме того, в желудевые годы в декабре в лесу еще остается много желудей и поэтому кабаны, в поисках их, собираются в дубняках, что опять-таки позволяет легче их отыскивать.

В 8 часов утра мы сели на поезд, отходивший из Сейсина на север, а в 10.30 утра уже высадились на станции Сохио, откуда к вечеру нужно было добраться до местечка Унгидон, в фанзу корейца Макара, расположенную в 20 верстах от линии железной дороги.

Для охотника, побывавшего хотя бы раз в Унгидоне, название этого местечка никогда не изгладится из памяти. Это буквально «Кабанье Эльдорадо». Мы бывали там зимой ежегодно, и эта поездка была уже по счету десятой. В течение десяти лет были изучены все любимейшие места пребывания кабанов, и я как-то в шутку, направляясь туда, говорил охотникам:

— Если хотите иметь полный успех — начинайте думать по-кабаньи...

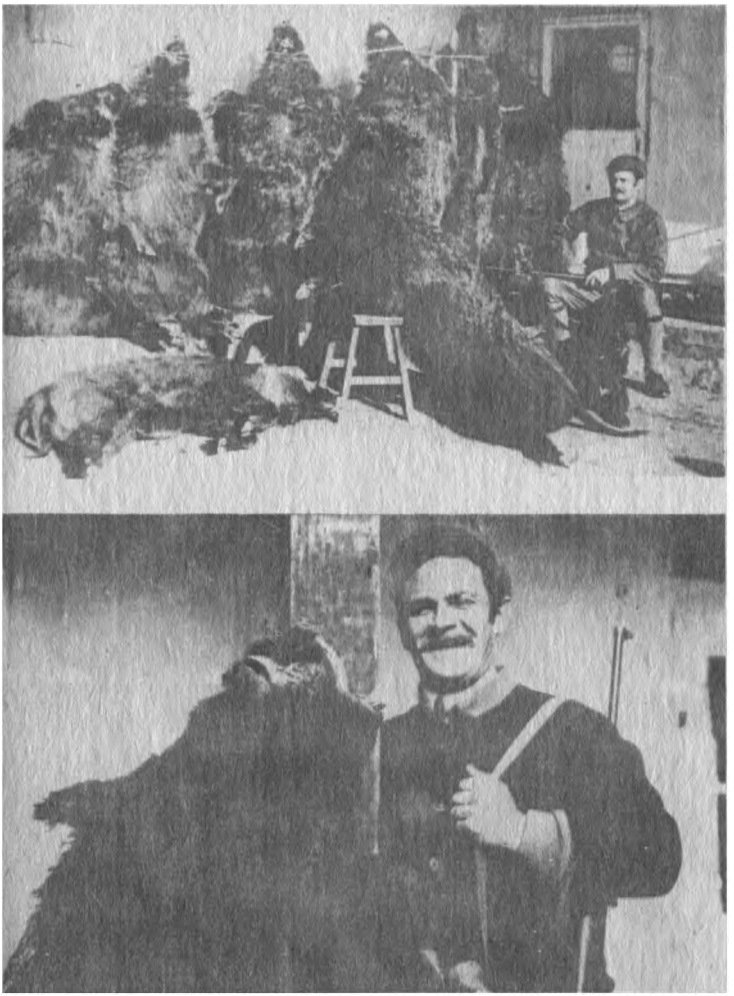
В этом нет никакого преувеличения. Несмотря на свою неуклюжесть, кабан не только быстр и ловок в движениях, но и очень умен. Когда стадо спугнуто, оно так умело может скрываться и прятать следы, что не-

Михаил Иванович Янковский. Начало века.

М. И. Янковский с сыном Павлом и дочерью Анной. 1892 г.

Дом Янковских в Сидеми. Около 1920 г.

Люка (Валерий) и Арсений Янковские в манеже на Сидеми во время обучения верховой езде. 1918 г.



Валерий Янковский. Корея.

Ю. М. Янковский с трофеями во дворе фанзы
в Сейсине, Корея. 1930 — 1931 гг.

Ю. М. Янковский. Сейсин. 1932 г.

Ю. М. Янковский. Корея. 1930-е годы.

Ю. М. Янковский с добытыми барсами. Новина, Корея. 1936 г.

Ю. М. Янковский, только что побывавший
в лапах тигрицы (она на снимке слева).
Чунгоу, Маньчжурия. Январь 1941 г.

опытный охотник по плохому снегу в них не разберется и может потерять след стада даже в 25 голов, спрятавшихся где-нибудь поблизости. Вот тут-то и нужно думать по-кабаньи!..

Тропа, идущая от станции по глубокому оврагу, переваливает через горный массив около 2.000 футов высоты и далее спускается по крутым узким падям и оврагам, заросшим исключительно старым и молодым дубняком, охота в котором является особенно трудной, так как молодой дубняк имеет неприятную для охотника особенность — он всю зиму не роняет засохших листьев, что дает зверю возможность легко скрыться от преследования.

Нас было трое охотников: я и два моих сына — Валерий и Арсений. К 12 часам дня мы, выбрались по тропе на перевал и закусили, а тем временем к нам подошли носильщики с поваром и зверовыми собаками.

Собак мы отправили в табор, а сами, по принятому обычаю, разошлись на разведку в разные стороны, чтобы вечером, собравшись у костра, быть в курсе того, на что можно рассчитывать в ближайшие дни охоты. Если бы разведка оказалась неудовлетворительной, на следующий день пришлось бы идти в противоположную сторону.

Пробродив до трех часов, я не обнаружил ничего интересного. До бивуака осталось не более трех верст, день клонился к вечеру, и без тренинга ноги чувствовали пройденные горы. Все же я продолжал свою разведку, так как вправо от тропы, идущей прямо к табору, поднималась Рысья падь, с горой того же названия — мое любимое место кабаньей охоты.

Соблазн был большой: зайти туда или нет? Может быть, в сумерках кабаны выйдут попастись? И я, не обращая внимания на усталость, полез вверх. Воображение, как всегда в лесу, рисовало картину какой-нибудь неожиданной интересной встречи.

Снег был старый, месячный, и только остатки его лежали по глубоким ключам, да по северным склонам гор. Все пади и косогоры были покрыты сухими, опавшими со старых дубов листьями, издававшими под ногами идущего сильный шум.

Под вечер ветер стих. Охота становилась еще более трудной. Стали попадаться свежие рытвины и следы только что прошедших кабанов. Я очень медленно поднимался по лесной тропинке, идущей по сплошному молодому дубняку, ступая на носки и выбирая для

этого места, где было меньше листьев. Я ежеминутно останавливался и прислушивался к шороху, так как, когда кабаны пасутся на желудях, их можно услышать шагов за 200.

Так я прошел с полверсты, пока наконец не услышал знакомый, столь желанный шорох. Я остановился, прислушиваясь. Сомнений не было: где-то поблизости рылись кабаны, но из-за чащи ничего не было видно. Простояв некоторое время, я, наконец, заметил несколько силуэтов в густой заросли за оврагом.

Стрелять по кабану не наверняка (если имеется хотя бы маленькая возможность избежать этого) нельзя, ибо раненый кабан не скоро ложится, а иногда уходит, не останавливаясь, очень далеко, а если и ложится, то в густой чаще, откуда, заслышав приближение охотника, удирает или, что случается гораздо реже, нападает на него и при том неожиданно и стремительно, сопровождая нападение диким ревом, как и все звери вообще. Кроме того, каждый легкомысленный промах по крупному зверю тяжело переживается охотником, ибо иногда от выстрела до выстрела приходится проходить сотни верст и терять недели времени.

Стадо передвигалось медленно, кормясь параллельно моему курсу. Наконец, в прогалине между кустами я выбрал самого крупного кабана. Расстояние до него было шагов 150. Я выцелил в шею позади уха и спустил курок. Кабан рюхнул и исчез. В тот же момент, мимо того места, где он стоял, по густой заросли пронеслось еще несколько зверей. Я успел сделать еще два выстрела, безо всякой надежды на успех, и затем все стихло.

Я постоял с минуту, прислушиваясь и присматриваясь, не объявится ли где-нибудь хотя бы один из разбежавшихся кабанов, или зашумит стреляный мною, но было все тихо. Я уже начал спускаться в овраг, чтобы выяснить, не лежит ли в нем стреляный мною зверь, так как царившая там тишина была подозрительной, но в этот момент, влево от себя, в чаще, услышал шорох и характерное кабанье «фффууу...». Я прислушался. Ясно было, что из-за горы вышел секач, шедший вверх по моему ключу.

Я тихо стал подниматься по своей тропинке ему навстречу, тщательно всматриваясь в чащу, но ничего не было видно. Слышно было только, что и кабан по временам останавливался и прислушивался к моему шороху, стараясь выяснить, кто к нему приближается.

Мы осторожно шли оба на сближение и, так как крались навстречу друг другу шагов сто, то момент для охотника был исключительно захватывающий.

Наконец, я заметил шагах в пятидесяти от себя в густой заросли силуэт кабана, но сделать верный выстрел в него при таких условиях было нельзя Однако это могла быть последняя возможность увидеть зверя и поэтому я, выцелив по предполагаемой передней лопатке, выстрелил. Зверь рванулся вверх по пади. Его не было видно, и только слышался треск ломаемых в густой чаще сучьев и шум листьев.

Зная хорошо расположение ключей, я бросился по тропинке вверх, надеясь увидеть еще какого-нибудь секача, переваливающего через хребетик, тем более, что выше было редколесье. Пробежав немного, я и увидел зверя. Он поднимался на холм, хромая на переднюю ногу, и остановился от меня шагах в четырехстах. Я выстрелил, но не попал. Зверь перевалил через гору и я стал вновь забегать, надеясь увидеть его еще раз.

Действительно, кабан показался вновь в самой вершине оврага, но расстояние было уже около 600 шагов. Видно, рана и высокий подъем в гору давали себя чувствовать. Шел он тихо, а затем остановился в чистом крутом солнопеке. На верный выстрел рассчитывать было трудно, но это был последний шанс добить зверя.

Тщательно выцелив, я выстрелил и видел что пуля взрыла землю под его животом. Зверь продолжал стоять, как видно, не зная, куда ему бежать. Я выстрелил вторично и — о радость — замертво поверженный кабан покатился вниз.

Несмотря на усталость и наступающую темноту необходимо было взобраться на гору шагов шестьсот, чтобы выпотрошить зверя.

Поднявшись шагов сто, я неожиданно услышал позади себя визг кабанов. Я остановился и стал прислушиваться. Визг повторился и я увидел силуэты вышедших из-за перевала двух крупных кабанов. До них от меня было шагов 300, но так как уже стемнело, верный выстрел на такое расстояние сделать было невозможно. К тому же я вспомнил, что при мне нет запаса патронов, так как, покидая станцию, я не рассчитывал на хорошую охоту. Осмотрев свою «десятизарядку», я с грустью убедился, что осталось только два патрона.

Однако раздумывать было некогда и я почти на виду, стал спускаться к зверям, стараясь подойти возможно ближе. Кабаны были так заняты флиртом, что

не замечали моего присутствия и это дало мне возможность приблизиться к ним на расстояние ста шагов. Я выбрал момент и стал тщательно целить, чтобы не сделать промаха, так как на каждого зверя у меня было только по одному патрону.

С первого выстрела под ухо секач сразу повалился даже не дрогнув. Чушка отскочила шагов на 10 и, видимо, с удивлением смотрела, не понимая в чем дело. В момент моего второго выстрела она шагнула и пуля простремив зад, заставила ее сесть. Патроны были кончены.

Я тронулся к своим трофеям. Хотя и очень медленно, чушка все же привстала и начала лязгать на меня зубами. Не имея патронов, я посматривал на ближайшие деревья, чтобы в случае нападения влезть на одно из них. Положение получалось трагикомичное. Мне необходимо было выпотрошить секача, но подруга его охраняла. Ждать было некогда, ибо быстро темнело Наконец чушка не выдержала и, волоча зад, скрылась за гору. Я быстро подошел и выпотрошил свою добычу,

Теперь предстояла еще более трудная задача: почти в полной темноте взобраться на гору, отыскать убитого секача и выпотрошить его, не имея при этом ни одного патрона. Оставлять невыпотрешенного жирного кабана нельзя, но я даже не был уверен в том, что он мертв. Хотя он и покатился, но все же мог быть только раненым и напасть на меня, а стрелять в него я не мог из-за отсутствия патронов.

Дело, казалось, принимало рискованный оборот, но все же, несмотря на полные сумерки, я двинулся на поиски зверя. Удачная охота заставляла забывать об усталости и ноги буквально несли меня на высокую гору.

Не без труда разыскал я свой трофей. Поверженный вепрь лежал на косогоре, зацепившись за дуб. Первой пулей я прострелил ему ногу, вторая же прошла недалеко от сердца — это был поистине прекрасный выстрел!

С трудом впотьмах я выпотрошил зверя и, не закрывая хворостом, пошел домой. Все равно необходимо было вернуться сюда завтра рано утром, отыскать раненую чушку и осмотреть место, где я сделал первый выстрел по кабану и откуда убежал, преследуя другого.

Выбираться в полной темноте по россыпям, крутекам и чаще, при полном отсутствии снега, было нелег-

ко. Мои компаньоны на таборе на этот раз долго ждали меня к ужину.

Разведка Валерия и Арсения дала слабые результаты. Поэтому Валерий с утра отправился на запад, осматривать новые районы охоты, а Арсений пошел со мной — помочь следить чушку. С собой мы захватили наших носильщиков и повара Чигони — вытаскивать убитого зверя.

Утром, по выходе из охотничьей фанзы, мы обнаружили массу кабаньих следов и изрытых площадей. Видно было, что в последние дни сбором желудей здесь занималось несколько табунов, благо, что урожай был настолько блестящим, что желуди лежали повсюду толстым слоем.

Не доходя немного до того места, где я накануне встретил стадо кабанов, мы заметили новое небольшое стадо этих зверей. Первый выстрел я сделал с расстояния в 200 шагов. Чушка, явно раненая, метнулась через гору и исчезла с горизонта, а остальные звери бросились в разные стороны по чаще. Один из кабанов ринулся в нашу сторону и, когда он несся мимо нас шагах в 30 под гору, со скоростью экспресса, мы с Арсением дали залп. Кабан, перевернувшись через голову, покатился под гору.

Начавшийся день сулил удачу! К сожалению, вторую чушку, тоже раненую, мы не могли выследить, так как вся местность была сильно притоптана свежими следами. Хочу здесь отметить, что для настоящего охотника-любителя и стрелка главным удовольствием является убить зверя метким и красивым выстрелом, на бегу или на очень далекое расстояние и обязательно наповал.

Выпотрошив свою добычу, мы пошли дальше на розыски, указав по пути носильщикам на двух вчерашних секачей. Принялись за слежку тяжело раненой вечером чушки. Снега не было и приходилось следить с чрезвычайным напряжением. Но и здесь улыбнулось мне счастье. Хотя 200 саженей мы прошли в два часа, но обнаружили раненую накануне чушку — она была еще теплой.

Отсюда мы направились осмотреть то место, где я накануне сделал первый выстрел. Каково же было мое приятное удивление, когда мы увидели лежащего замертво колоссального вепря — пуля попала ему в шею сзади уха и он, видимо, так быстро грохнулся, что я не успел заметить.

Этот экземпляр весил 11 пудов и пошел на чучело для Стокгольмского музея. Его купил у нас гостивший в Новине известный охотник, ученый и исследователь Бергман. Он прожил у нас год и часто участвовал с нами в охоте.

Был уже полдень и мы, пройдя немного, стали присматривать место для обеда. Наконец, остановились и стали собирать хворост для костра. В этот момент выскочили и бросились наутек две козочки, но мы удачным залпом уложили их с расстояния 200 шагов.

Из почек козы мы сделали шашлык — традиционное блюдо на охоте. День был теплый и мы, согреваясь на солнце, с удовольствием пили чай и не торопились идти дальше. Наши наличные трофеи уже гарантировали успех охоты, даже если бы мы в этот день больше ничего не взяли бы. Мы предполагали пробыть на охоте неделю и впереди у нас было еще 5 дней.

После обеда мы разошлись. Арсений пошел налево, в сторону бивуака, а я решил сделать более глубокий обход и пошел вправо.

Перевалив два холма, я заметил впереди пасущегося козла и, скрав его очень удачно, взял с первой пули. Это был поистине счастливый день!

Но этим, как оказалось в дальнейшем, счастье не кончилось! Спрятав козла, я стал взбираться на основной хребет, по которому собирался вернуться к бивуаку, так как день заканчивался и солнце было уже близко к закату. Лишь только я поднялся на гору, как заметил в ближайшем овраге новое стадо пасущихся кабанов.

Место было удобным. Я сделал небольшой полукруг и, выйдя на бугор, оказался в ста шагах от стада, которое паслось на соседнем косогоре, правда заросшем, но удобном для обстрела.

Надо указать на одну особенность кабанов. После первого выстрела они обязательно бросаются наутек в ту сторону, в которую каждый из них смотрел, а затем уже на бегу собираются снова в стадо. Если же тревога происходила в густом кустарнике, то через несколько прыжков кабаны останавливаются и прислушиваются, кто из них куда бежит. Этим моментом конечно, охотник и пользуется, чтобы стрелять по стоячему кабану. Кроме того, для первого выстрела нужно пользоваться моментом, когда пасущиеся звери стоят головами к охотнику. Тогда они с перепугу часто набе-

гают на него и дают ему возможность легко заполучить трофей.

Осмотрев местность, я убедился, что кабаны (их было всего штук 15) разбрелись в разные стороны. Я наметил одну чушку и выстрелил в нее. Несомненно, раненая, она бросилась влево, а я тем временем выстрелил в молодую чушку, бежавшую вправо. Она покатилась под гору.

Всюду стоял шум и треск, но стадо успело уже скрыться. Лишь против меня по косогору лез кверху крупный секач. Я выстрелил в него с расстояния в 200 шагов. Зверь был ранен и стал сползать вниз. Вторая пуля в голову успокоила его на месте.

Казалось, все уже было кончено, но в это время, вправо, на косогоре, я заметил в густом кустарнике три крупных силуэта. Расстояние до них было шагов 400. Я сделал три последовательных выстрела. С третьей пули один кабан покатился вниз, а два других скрылись вправо за холмом, в том направлении, где я стоял. Местность, куда скрылись кабаны, была очень пересеченной и заросшей, благодаря чему они должны были задержаться, и поэтому я, не теряя ни минуты, бросился забегать по своему хребту наперерез.

Пробежав шагов 300, я вновь увидел убежавшую от меня пару. Они тихо стояли, пользуясь сумерками, в густой чаще, думая, что опасность уже миновала. В этот момент я услышал выстрел Арсения и понял, что часть кабанов, убежавших от меня, наскочила на него и он, в свою очередь, тоже «не зевает».

Выцелив по секачу, я выстрелил. Он свалился и поехал по косогору, а чушка пустилась удирать по ключу, параллельно моему холму, спускавшемуся в падь. Окончательно одуревший и ободренный диким успехом, я решил попытать счастье увидеть еще раз эту чушку, когда она будет подыматься на противоположную мне гору. Я пустился бежать вниз и, как оказалось, не напрасно. Вскоре я увидел ее подымающейся по совершенно чистому месту горы, шагах в 600 от меня. Хотя здравый смысл говорил за то, что стрелять на такое расстояние не следует, но бывают особенные моменты удачи, когда хочется дерзнуть.

Усевшись, я выцелил с колена и выстрелил. Пуля взрыла землю под зверем. Косогор был крутой. Чушка подскочила и встала почти на то же самое место. После второго выстрела получилась такая же картина. Нако-

нец, послетретьего она упала и медленно поползла вниз

Солнце уже село и мне, буквально, пришлось спускаться в черную пропасть на противоположную от бивуака сторону хребта, чтобы выпотрошить убитую чушку. Причем от нее до первой убитой чушки было не менее версты, а в промежутке были разбросаны остальные убитые кабаны. Необходимо было успеть всех выпотрошить, а я не знал даже, где они лежали. Конечно, среди них могли быть и только раненые.

Спустившись в овраг, я выпотрошил свою последнюю жертву и оставил ее, не закрывая, с тем, чтобы на завтра придти пораньше утром. Стал снова подыматься чтобы отыскать вторую. Было настолько уже темно, что я с трудом нашел ее и, вспоров живот, оставил невыпотрошенной. Из остальных я с трудом нашел еще одного кабана, а двух так и не разыскал, оставив поиски на следующий день. Пробираясь домой приходилось ощупью и в этот вечер мои компаньоны ждали меня еще значительно дольше, чем накануне.

Вечер прошел в приподнятом настроении и мы все делились впечатлениями дня. Оказывается, на Арсения набежали от меня четыре секача, из которых он одного убил, а второго ранил, но взять его не удалось.

Решили, что Арсений будет следить раненого накануне им кабана, а мне пришлось озаботиться подвозом дичи к бивуаку. Рабочим, не успевшим вывезти вчерашнюю дичь, прибавилось много новой работы. Кореец Иван рассказал нам, с каким трудом ему с четырьмя помощниками удалось извлечь гиганта-секача из крутого оврага, глубиною в несколько сажен и при том сохранить несломанными клыки, которые отличаются большой хрупкостью и при перевозе для их сохранения приходиться морду зверя обматывать мешками с соломой.

Взяв рабочих, я с утра отправился на розыски выпотрошенных накануне кабанов. Вскоре к трем выпотрошенным прибавились еще один секач и чушка, так что всего из последнего стада я взял пять штук. Не мог выследить только одну, которую я стрелял первой, хотя позднее и оказалось, что она была смертельно ранена и отбежала в обратную сторону за густо заросшим склон, шагов на 300. Я нашел ее спустя 5 дней сильно объеденную тигром.

Общий результат двухдневной охоты оказался рекордным: мы взяли с Арсением 11 кабанов и 2 козы.

Только одна чушка была молодая, остальные были исключительно крупными — общий вес 11 зверей был около 100 пудов!

Но этим наша охота не закончилась. Поджидая снега мы продолжали бродить по чернотропу. Погода стояла на редкость приятная и в меру холодная, вполне дающая возможность замораживать убитого зверя и предохранять его от порчи.

Фанза Макара стояла под горой в очень глухой, заросшей старым лесом, долине, с получистыми солнопеками. По окрестным горам было много пашен, всегда привлекавших к себе внимание кабанов. По неписаному закону тайги посторонние охотники сюда не заглядывали, уступив этот район нам. Кроме того, он находился всего лишь в 15 верстах от границы Маньчжу-Го, на хороших переходных путях зверя, забирающегося в Корею из Маньчжурии.

Сейчас, когда я пишу эти строки, прошло со времени описываемых событий ровно десять лет. За эти прошедшие годы ни одну чудную неделю мы провели в Унгидоне и теперь, как только выпадет снег и мое бренное тело почему-либо не может вырваться туда, душа моя часто уносится в Унгидонские горы.

На четвертый день охоты, спускаясь поздно вечером к фанзе Макара, я услышал страшный рев зверей. Было темно и вначале я не мог понять, в чем дело,но, подойдя ближе, убедился, что подо мной в овраге происходит страшная драка секачей. Темнота помешала начать охоту и ее пришлось отложить на следующий день.

Вернувшись, я рассказал своим спутникам о слышанном и мы разработали утренний план охоты.

Я должен несколько отвлечься от темы и сказать, что тот, кто не переживал охотничьей горячки в тайге, тот не может понять всех переживании таежного охотника. Даже те, которые, как я, живут в таежном районе и то не испытывают того, что переживаешь в тот момент когда находишься на бивуаке и слушаешь рассказы своих компаньонов о том, что они встретили того или иного зверя, или напали на его след.

Вообще же, вечера на охоте проходят всегда очень оживленно. Особенно, если в ней принимает участие несколько человек. По возвращении с охоты проходит подобие скаутской «беседы у костра»: каждый по очереди обязан рассказать подробно всем остальным участникам охоты свои похождения за день, часто делясь

при этом своими собственными впечатлениями и переживаниями. В итоге — рождаются интересные рассказы и при том поучительные не только для молодых, но и для бывалых охотников. Практически же выясняются охотничьи возможности и составляются планы на следующий день.

Серьезная охота является подлинной наукой. В ней все должно быть учтено, принято во внимание и к сведению на будущее. Кроме того, каждый новый день охоты дает новые познания, а каждый новый, хотя бы и варьированный эпизод — прибавляет опыт и увеличивает охотничьи навыки. Обыкновенно, порядок рассказов бывает таков: начинает рассказывать или младший участник охоты или охотник, пришедший на бивуак последним, а затем в таком же порядке, по старшинству или возвращению, остальные. На этот же раз нам выдался исключительно удачный вечер.

Как я уже упоминал, хозяин фанзы Макар давал нам приют в течение десяти лет. Это был настоящий тип корейского горного хуторянина, прасола, бродяги и контрабандиста в прошлом, а отчасти и в настоящем. Когда мы пришли в описываемое время на охоту, Макара дома не оказалось, а из расспросов его жены и старика-тестя, в прошлом охотника еще времен фитильных ружей, а ныне имеющего за плечами 75 лет, мы толком ничего не могли добиться, почему не выполнены кое-какие наши поручения по перестройке фанзы, как бывало из года в год, и на что были оставлены деньги. Да и вообще все незатейливое хозяйство было запущено.

Макар и прежде часто уходил через границу, до которой от его фанзы было всего 10 верст, да и охранялась она в те времена довольно слабо. Границей являлась река Тюмень-ула, довольно порожистая и бурная, но замерзающая зимой. Иногда, при преследовании раненого зверя, ее приходилось переходить, почти не встречая стражи. Это было очень удобно, в особенности для корейцев, из которых состояло и приграничное население Маньчжурии. К тому же, они не имели и паспортов.

Но вот неожиданно, когда мы сидели и разговаривали, открылась дверь и появился Макар. Вид у него был довольно растерянный. Поздоровавшись, он долго не отвечал на наши расспросы, почему не выполнил данных ему поручений, потом что-то начал мямлить.

Только посидев некоторое время в фанзе, он поведал нам свою трагедию.

Весною он и трое его горных соседей решили подработать, для чего вырубили в вершине глухой пади площадь леса и посеяли мак, мечтая о сборе опиума, который давал большой доход при продаже маньчжурам. Корейские же власти строго следят как за посадкой мака, так и за торговлей опиума и строго наказывают провинившихся. Полиция проследила «плантаторов», трех участников арестовали, а Макару удалось бежать через границу, где он и скитался четыре месяца, изредка приходя домой по ночам, а иногда и днем, с целью помочь семье собрать урожай.

Оказывается, накануне старик-тесть уговорил соседа сходить и передать Макару о нашем приезде, чтобы он вернулся и выпросил у нас сумму, необходимую для уплаты штрафа и, таким образом, освободиться от положения находящегося, в бегах.

Макар долго рассказывал нам о своих мытарствах в прошлом и рисовал картины безотрадного будущего, если только мы не пойдем ему навстречу. Он давал обещание работать по доставке нам из тайги убитого зверя, что он организовывал всегда очень быстро и талантливо и что нас очень устраивало, но я очень боялся, чтобы он не удрал с деньгами за границу, так как заем ему пришлось бы отрабатывать несколько лет. Уговоры продолжались два-три дня, причем, чтобы не попасть в руки полиции, Макар просиживал дни у костра в лесу, а ночи проводил в неотопляемой кладовой. В итоге его просьбам пришлось уступить и деньги дать. Макар сдержал свое слово и выплатил долг частями в течение пяти лет.

Наши разговоры в вечер появления Макара затянулись почти до полуночи, что редко бывает в тайге после утомительного дня лазания по горам. Дважды кипятила нам жена Макара чай, который вечерами, после таежного трудового охотничьего дня, кажется блаженством. Наконец, наметив план охоты по кабанам на следующий день, мы улеглись спать.

Утро оказалось ясное и не особенно морозное. Вообще в Северной Корее декабрь почти весь стоит не очень холодным, но дни становятся такими короткими, что приходится дорожить каждой минутой. Ввиду больших переходов, на зверовой охоте уходить с бивуака приходится на рассвете, а возвращаться неизбежно

поздно. Порой приходится брести в кромешной тьме два-три, а то и пять часов.

Не успели мы подняться с полверсты, как напали на след вчерашнего стада. Весь лист был перекопан в поисках желудей. Кроме того, сильно были вытоптаны и полянки, на которых особенно яростно дрались секачи за свое первенство в стаде.

Снега не было совершенно, так как склон был южный. По нашим предположениям стадо насчитывало голов 15. Побродив около часа по следам, мы выяснили их направление и, пройдя до кромки глубокой и сильно заросшей пади, убедились, что следы спускаются в лежащие внизу заросли. Так как место было теплым и уютным, можно было предположить, что кабаны предаются дневному отдыху. Идти по густым зарослям не было смысла, так как: во-первых, была плохая видимость, во-вторых — это создало бы шум и вспугнуло стадо. Мы решили разделиться: Валерий должен был остаться на следу и ждать пока мы обойдем падь с противоположной стороны и тогда уже начинать слежку.

Я и Арсений поднимались очень медленно, все время прислушиваясь и присматриваясь, чтобы не спугнуть зверей. Мы потратили около двух часов, чтобы пройти расстояние в две версты, причем, огибая падь, не встретили выходных следов. Все говорило за то, что кабаны где-то между нами и Валерием.

Продолжая свой путь и высматривая место, которое могло привлечь к себе вспугнутых Валерием кабанов, мы неожиданно услышали два его выстрела. Раздумывать не приходилось и мы бросились в разные стороны, что давало больше шансов на встречу с кабанами.

Лес был густой и только кое-где виднелись полянки. Я пробежал вправо и, остановившись на небольшой горке, стал ждать кабанов. Видимость была по редколесью шагов на сто. Прошло минут пять томительного ожидания, полных самых острых переживаний для охотника, когда думаешь только об одном: «Выскочит или нет? Увижу ли зверя?» и т. д.

Наконец, я услышал впереди треск сучьев и шум листьев. Кто-то приближался ко мне. Затем я услышал сильное сопение: видно, звери, поднимаясь на гору, сильно запыхались. Однако, из-за зарослей ничего не было видно.

Еще несколько мгновений и я увидел медленно приближавшуюся крупную чушку с годовалым поросенком.

Создавалось впечатление, что после выстрела они потеряли в тайге остальное стадо и теперь его разыскивали.

Подпустив чушку шагов на 50, я тихонько свистнул. Она остановилась, прислушиваясь, и в тот же момент свалилась замертво, пораженная пулей в шею. Годовик бросился в сторону, но со второй пули тоже упал.

Очень интересен был рассказ Валерия о том, как ему удалось взять выдающегося по величине красавца-секача.

Выждав после нашего ухода, как было условлено, около часа, Валерий стал осторожно пробираться по следу. Спустившись наполовину склона крутого оврага, он услышал впереди страшный рев и лязганье клыков и, подкравшись немного дальше, увидел следующую картину:

Два огромных секача бились за первенство и в смертельной схватке бросались друг на друга с ревом и страшной стремительностью. Они наносили друг другу сильные удары клыками, иногда становились на дыбы и старались сбить один другого на спину, чтобы всадить свой клык в живот соперника, так как кожа на животе не такая толстая, как на боках и спине. Секач задолго до гона подготовляет себе эту специальную броню, натирая бока и спину о смоляные стволы хвойных деревьев.

Мне не раз в жизни приходилось видеть поединки оленей, но кабаньи захватывают зрителя во много раз сильнее. По словам Валерия, это зрелище захватило его так сильно, что он любовался им около получаса. Затем он подкрался ближе и метким выстрелом уложил одного из вепрей. Остальное стадо ринулось в чащу и пущенная в догонку вторая пуля никого не задела.

При осмотре кабана мы нашли на нем более десятка глубоких шрамов, некоторые из которых были шириной до шести и глубиной до двух дюймов. Однако, ни одна из ран, нанесенных соперником, не была смертельной.

Эта наша охота продолжалась девять дней и принесла нам добычу: 21 кабана, 16 коз и одного горала.

Необходимо добавить, что в наши дни это редкая удача, принимая во внимание еще и плохой снег. Наш санный обоз на быках, при возвращения на станцию, состоял из восьми саней.

В тайге

Вы не можете себе представить всей прелести охоты по свежей пороше. Для старого охотника каждый день — новая страница охотничьей книги!

Вы тихо-тихо бредете из ключа в ключ, с холма на холм. Вам попадаются следы диких коз и их лежки. В тайге их масса. Бывают дни, когда видишь 30 — 40 голов. Стреляем их редко, чтобы не наделать шума.

Далее идут следы стада кабанов. Видно, что они кормились в орешнике, вспахали носами землю. Даже в листьях борозды от носов поросят. В ближайшем болотце вырыта яма. В ней купался секач, т. е. папаша-кабан. Обливал себя грязью, чтобы казаться страшнее своему сопернику.

Виден след лапы с пальцами... Это шел барс. На снегу у него мерзнут лапы и он взобрался полежать на пологую лесину.

Вот лежит, перевернутая еще летом колода, с которой содрана старая кора — это «мишка» вначале лета собирал жуков и червей, пока не поспели ягоды и желуди. Теперь он спит в берлоге, а хорошо было бы отыскать его и извлечь из нее.

Но глаз ищет самое заманчивое — следы «царя тайги» — тигра. Встретить их нелегко, так как тигры стали теперь очень редки.

Вы идете дальше, поднимаетесь на высокую гору. Перед вами широкий горизонт, склоны холмов покрыты дремучим лесом с редкими полянами. Вы садитесь на камень и, вынув цейсовский бинокль, осматриваете горизонт, силясь заметить где-нибудь владельцев замеченных нами «визитных карточек». Одновременно вы прислушиваетесь ко всяким шорохам, ибо за вами тоже следят и поэтому ваша заряженная винтовка всегда лежит у вас на коленях.

На этот раз мы счастливы. Несмотря на неблагоприятные условия, охота очень удачна и добычлива и изобилует многими интересными трофеями. Мы уже взяли 19 кабанов, по одному барсу и гималайскому медведю, которые являются очень интересными экземплярами, двух енотов, 40 коз и пр.

Особенно интересно прошла охота на гималайского медведя.

Утром в тайге мы ранили крупного медведя и пустили по горячему следу собак. Медведь повел их в

свои любимые непроходимые дебри. Бурелом, камни, кустарник — все это перепутано ужасно.

В течение нескольких часов, напрягая все усилия и преодолевая все препятствия, мы никак не могли его догнать.

Только к трем часам дня, наконец, собаки догнали зверя и подняли его с лежки. Мы услыхали страшный оглушительный лай, прерываемый ворчанием-ревом медведя.

Шесть-семь раз, когда мы уже были близко, зверь уходил от собак, которые шли по медведю впервые, но в завале бурелома мы никак не могли его увидеть.

Медведь был ранен тяжело, поэтому вскоре собаки его вновь «брали», поднимая снова страшный гомон, а мы, то перескакивая через вывороченные деревья, то проползая под ними, пробираясь сквозь сплошной колючий кустарник, проваливаясь между камней, неслись вдогонку и, когда казалось, что вот-вот настигнем его, он вновь уходил от собак, а мы травили их и гонка продолжалась...

Шел снег, с веток сыпался за воротник и на дула ружей. Тут еще приближалась ночь... Но снова лай и мы, напрягая последние силы, гнали вновь, чтобы не упустить зверя.

Кроме того, так как медведь все время делал круги, нужно было быть начеку, чтобы не попасть ему в лапы. Об этом, конечно, вспоминали в тех случаях, когда лай приближался на несколько десятков шагов, но идти вперед все равно было нужно.

Медведь завел нас, видимо, в свою любимую трущобу. Наконец, последние усилия, рев, лай и неожиданно голова зверя показалась над сваленным деревом в нескольких шагах от нас.

Меткий выстрел. Рев затих и собаки с наслаждением впились зубами в шкуру медведя и вымещали на ней свою злобу...

Оказался крупный, с длинной серебристой шерстью, редкий экземпляр гималайского медведя.

Был уже вечер. Мы развели костер и стали закусывать.

С большим трудом мы сумели сориентироваться, чтобы попасть домой, в нашу охотничью палатку, до которой напрямик через горы было верст двенадцать.

Поздно вечером, измотанные, но счастливые, добрались до палатки.

А корейцы три дня прорубали потом дорогу, чтобы вывезти на быке тушу убитого нами медведя…

Первая охота в Маньчжурии

Как я уже не рая упоминал в своих рассказах, больше всего меня влекла охота за тигром, которую я так блестяще начал в юности. Однако время шло. проходили десятилетия, а тигры увертывались от меня под разными предлогами и являлись для меня своего рода «Синей птицей».

Приходилось иногда гоняться по свежим следам, заводящим, в конечном итоге, в непроходимую чащу, где охота, в сущности, становилась игрой в кошки-мышки. Я с остервенением гнался по следам, чтобы хотя бы заставить тигра броситься на меня, создавая при этом риск на 50 процентов, снять шкуру с тигра или отдать ему свою. Но, будучи фаталистом, и при том метким и быстрым стрелком, я почему-то верил, что выигрыш будет на моей стороне.

Последние годы тигры в Корее стали большой редкостью и я очень обрадовался, когда представилась возможность начать охоту в Маньчжурии.

К сожалению, и здесь начало охоты было не совсем удачным. Первый раз я попал в Маньчжурию на десять дней во второй половине декабря 1939 гола, когда лежал отличный снег. Поехал с сыновьями и В. Н. Вальковым. На пятый день нам удалось напасть на свежие следы двух тигров, но к вечеру след завел нас на такую чащу, что гоняться стало не под силу. К тому же и собаки стали настолько трусливыми, что прятались за нас и буквально оттаптывали нам пятки. Через день мы вновь попали на исключительно крупный и свежий след тигра и к двум часам дня подняли его с лежки, но собаки вновь проявили свою несостоятельность, а тигр крутил в густом кедровнике по своим следам. Мы безрезультатно делали все, чтобы вызвать нападение зверя на нас, но он старательно уклонялся. Снег был недостаточно глубок, чтобы утомить тигра и догнать нам его не удалось.

Срок нашего разрешения на охоту в Маньчжурии истек и мы, правда, с солидными трофеями (взяли 6 кабанов и 101 козу), но без тигра возвратились домой в Корею.

Украденный кабан

Настала зима 1939 — 1940 годов. Мы получили разрешение охотиться в Маньчжурии в течение всей зимы. Урожай желудей был исключительно богатым и, казалось, что тигр, наконец, будет нами взят. Увы, зима оказалась бесснежной и я с сыновьями, пробродив по тайге и дебрям около четырех месяцев, так и не взял царя тайги. Несколько раз мы устанавливали пребывание в окрестностях тигра, но снег так и не выпал в течение всей зимы, и это лишало нас возможности хотя бы увидеть тигра.

Вы не можете себе представить, сколько было пережито разочарований. Хотя тигры и бродили около нас, но из-за отсутствия снега были в какой-то шапке-невидимке.

Однажды я убил крупного кабана, приблизительно пудов на 9 весом, верстах в десяти от бивуака. Я завалил его ветками и хворостом, пока дойдет до него очередь к вывозу, что обыкновенно занимало от двух до десяти дней, так как мы ежедневно добывали одного-двух кабанов, по несколько коз, часто и оленей, а иногда даже медведя или барса. Нами были наняты специальные возчики с быком, и работы для них было с головой. Только на третий день после того, как я убил кабана, дошла очередь до его вывоза.

Когда я вечером вернулся с очередной охоты, то встретился с возчиками, возвратившимися с пустыми санями. Старший из них, Погтеги, заявил, что кабана он не нашел и что, по-видимому, его украли. Вначале я в этом усомнился, так как воровство в тайге вообще редкость, да и человеку трудно унести кабана весом в девять пудов, а следов саней Погтеги не обнаружил.

Я предполагал, что Погтеги просто не нашел указанного ему места, но из дальнейших расспросов выяснилось, что куча хвороста оказалась не развороченной, а между тем убитый зверь исчез. Снега не было, и малоопытный в отыскании следов кореец не мог выяснить, как это случилось.

Вскоре же, после детальных расспросов, картина для меня стала ясной: кабан мог быть вытянут из-под хвороста только тигром, который унес его, не оставив никаких следов. Со мной соглашались и мои компаньоны по охоте, но корейцы отвергали такую возможность.

На следующее утро я отправился на место, чтобы самому выяснить причины таинственного исчезновения

кабана. Утро выдалось очень холодным. Дул сильны ветер, а приходилось около пяти верст пересекать открытую долину — «удовольствие», которое может выдержать только бывалый и закаленный охотник, принимая во внимание, что для хождения по горам приходится одеваться легко, так как тяжелая одежда сильно утомляет и мешает быстрому передвижению.

Подойдя к куче хвороста, под которой был спрятан кабан, я был поражен. Туша была вытащена так искусно, что куча оставалась совершенно целой!

Склон оврага был южным, без малейших признаков снега, заросль вокруг не очень густой. Ясно было, что убитый кабан не мог испариться, и я тщательно стал искать следов его похитителя.

Со времени похищения, нужно было думать, прошло дня четыре. Погода стояла ветреная, лист сильно передуло, что значительно усложняло поиски. Пришлось делать круги, осматривать местность шаг за шагом, и через полчаса я, наконец, нашел саженях в 15, выше по крутому косогору, подозрительно сломанный куст таволожника. Пройдя дальше по этому направлению, я обнаружил на остро сломанном кусте сухого дерева, на высоте аршина от земли, клок пуха с кабаньей шкуры. Эти, казалось бы, несложные следы нарисовали мне полную картину всего происшедшего.

Сомнений не было: тигр взял в зубы девятипудового кабана, как охотничья собака берет подстреленную утку, и понес на крутую гору, не задевая за землю, почему и не оставил никаких следов.

Продолжая свои поиски, я поднимался зигзагами кверху, отыскивая кое-где сломанный сухостой. В течение полутора часов я проследил шагов двести и обнаружил место первого пиршества тигра.

Под деревьями в густой чаще была сильно выкатана поляна, на которой и вокруг которой валялись большие пучки щетины. Видно, что тигр провел здесь не меньше суток.

Больше я ничего обнаружить не мог и решил следить дальше, в надежде, что я могу найти его на месте нового пиршества — у остатков полусъеденного кабана. У меня теплилась надежда, что наша встреча состоится и я смогу рассчитаться с зверем за его самоуправство.

Оказалось, что тигр со своей ношей направился вновь кверху и постепенно склонялся вправо к глухой вершине ключа. Следить стало легче, так как в чаще стала попадаться выпавшая щетина, иногда даже пуч-

ками. Переступая с величайшей осторожностью, я крался, как кошка, чтобы не спугнуть раньше времени зверя.

Пройдя шагов полтораста, я услышал впереди в ключе карканье ворон. Это мне показало, что там находятся остатки доеденного тигром кабана. Подкравшись, я спугнул стадо ворон, но тигра уже не было...

Свежие следы говорили за то, что я опоздал на полдня. Тигр доел остатки мяса и ушел ночью в поисках новой пищи. Возле старого сваленного дуба на земле лежал чисто обглоданный скелет кабана. Фактически оставался только хребет, череп и две лопатки — все остальное было съедено без остатка. Вокруг валялись клочья шерсти и щетина, поляна была сильно укатана за время двухдневного пребывания на ней тигра, — на несколько квадратных саженей. От пребывания ворон все колоды были белыми и сейчас птицы, встревоженные моим появлением, сидели на всех ближайших вершинах, как видно опасаясь за то, чтобы я не отнял у них остатки жил, остававшиеся еще на костях кабана.

Немного выше главной полянки, под огромным пнем старого дуба, была отдельная лежба, на которой, видимо, царь тайги отдыхал после обильных обедов и по временам рычал, отгоняя черных крылатых хищников с недоеденного мяса.

Тщательно осмотревшись и убедившись, что опоздал, я развел костер и стал варить чай и разогревать бэнтоо для обеда, переживая свою неудачу не столько от потери кабана, сколько из-за опоздания, лишившего меня встречи с тигром. Попади я сюда на день-два раньше, я поймал бы четвероногого разбойника на месте преступления и, кто знает, может быть, его шкура послужила бы расчетом за его хищничество.

Пообедав, я перевалил на северный склон, на котором кое-где был снег, и отыскал след ушедшего тигра. След был ночной, я прошел по нему сиверами верст пять, но тигр, видимо, направился в новые места, ни разу не останавливаясь. Дальше вновь пошли южные бесснежные склоны и охоту пришлось прекратить.

Возвращаясь домой, я наткнулся на двух чушек с годовалым поросенком и удачно взял пару, как бы в компенсацию за потерянную возможность убить тигра. Как читатель видит — незадачливый охотник часто получает такие жестокие удары.

Зима проходила, а снега все не было. Обыкновенно, как правило, снег выпадает в новолуние или в полно-

луние. Живя в тайге, с трепетом ждешь этого момента, просыпаясь ночью по несколько раз, с тем, чтобы выйти и посмотреть, не сгущаются ли облака, или не идет ли снег. Как часто приходится возвращаться разочарованным и с грустью снова ложиться спать, но тут тебя навещает бессонница. Иногда, о, радость, начинает идти снег, но он быстро же прекращается и небо вновь проясняется...

Вам, жители города, не понять переживаний таежного охотника, так же, как и он не может понять переживаний горожан. Думаю, их могут понять только заядлые игроки, ожидая часа открытия клуба, или горькие пьяницы в ожидании бутылки водки.

Раненый бык

Расскажу еще один интересный случай игры судьбы.

После описанного выше случая с кражей кабана прошло около месяца. Зима подходила к концу, а снега не было. Тигры продолжали бродить вокруг нашего нового бивуака, в котором мы жили уже с неделю. Бывало, вечером возвращаешься с охоты к зимовью, на тропе все чисто, а утром находишь на пыли следы ночного визита тигра, а следить его не представляется возможным.

В это время мы удачно охотились на кабанов и оленей, взяли двух барсов, много коз, но тигры так и оставались для нас заколдованными. Душа охотника изнывала от обиды, но, как видно, чаша терпения еще не была переполнена огорчениями, для которых оставалось еще много места. Правда, параллельно с разочарованиями копится и счастье. Это никогда нельзя забывать охотнику, иначе он не будет достаточно стойко переживать все огорчения.

Однажды вечером к нашему зимовью на ночевку приехали несколько корейцев — возчиков леса с быками. Зимовьев было два: в одном жил я с тремя сыновьями, в другом наши корейцы-рабочие с нашим же быком. Это зимовье было большим и снабжено специальным помещением для ночевки быков. В нем и поместились приехавшие корейцы.

Ночи были лунные, зимовья расположены среди чистой долинки, на берегу замерзшей реки, поля были распаханы, и только за речкой начинался лес.

Так как быки были из разных мест и поставлены в фанзе очень тесно, то скоро затеяли драку и подняли сильный рев. Тогда один из корейцев вывел своего быка для ночевки из фанзы и привязал к свинарнику, шагах в пяти от входа в их зимовье и в шагах 12 от нашего.

Узнав об этом, я сказал своим сыновьям:

— Ну, смотрите, как бы тигр сегодня не полакомился бычком!

Признаться откровенно, я, грешным делом, этого желал, зная, какой лакомой приманкой является для тигра бык и что, задавив его, зверь далеко не уйдет и его можно будет скараулить. Пострадавшего же корейца легко будет компенсировать за гибель быка.

Однако мои сыновья, будучи еще мало знакомы с хваткой тигра, отнеслись к моему заявлению очень скептически, не придавая ему должного внимания.

Погода с вечера ничего не предвещала. Луна светила во всю и во дворе зимовья было светло, как днем. Наши шесть собак, забившись в сено, спокойно спали после трудной дневной работы по преследованию кабанов.

Быки успокоились и мы тоже, сильно устав за день, быстро заснули. Ружья, по таежной привычке, у всех охотников лежали заряженными под боком, ибо помимо хищников в том районе в то время иногда пошаливали хунхузы.

Я спал эту ночь беспокойно. Несколько раз просыпался, прислушивался, выходил на улицу, но все было спокойно. Оставшись один, бык лежал сонно и пережевывал свой ужин. С полночи поднялся сильным ветер, небо занесло черными густыми тучами. При отсутствии снега, на полях стало непроглядно темно, иначе говоря, наступила настоящая «тигровая ночь».

Было около четырех часов утра, и весь лагерь мирно спал под вой бури, когда раздался страшный рев быка. Я слышал его сквозь сон и принял его, как результат возобновившейся драки. То же самое подумал и владелец быка, который все же вскочил и, выйдя наружу, с криком бросился к дерущимся.

Но когда кореец подскочил в темноте к быку, чтобы его ударить, то обомлел:

На быке сидел тигр и грыз несчастное животное. Увидев подбежавшего корейца, тигр с перепугу рявкнул и бросился бежать со всех ног в лес.

Перепуганный насмерть кореец вбежал в наше зи-

мовье и заорал, что «Пеми» (тигр) давит быка. Я, как был в длинной ночной рубахе, босиком, схватил винтовку и бросился к быку. Но было темно, а тигра, как говорится, уже и след простыл.

В это время успели проснуться и мои сыновья — компаньоны по охоте, зажгли свет и авторитетно заявили:

— Не может быть, чтобы это был тигр. Корейцу с перепугу так показалось, а на самом деле это был барс или волк.

У меня, однако, никаких сомнений не было. Одевшись, я взял фонарь и пошел осмотреть быка, у которого оказалась сильно прокушена шея и разорвана задняя нога. Видно в горячке тигр не нашел свое любимое место — лен, и благодаря этому бык остался жив. Рядом, в пыли, были видны громадные следы тигра, который, пользуясь темнотой и сильным ветром подполз против него под прикрытием берега реки к своей жертве, так что его не учуяли даже собаки.

Надеюсь, теперь мой читатель поймет мое очередное огорчение. Ведь тигр был в двадцати шагах от меня и снова улизнул!

Все же я пытался найти его. Оделся тепло и сделал засаду, но тигр больше не появлялся. Так до утра я даром и просидел на морозе.

Утром мы следили его версты две, но, за отсутствием снега, след потеряли. Хотя мы и бродили целый день по горам в поисках тигра, но безрезультатно. С тех пор мы следов этого тигра больше не видели. Видимо, он считал себя опозоренным тем, что безоружный кореец не только посмел кричать на него — царя тайги, но и отнял лакомый кусок прямо изо рта.

Пробыв еще недели две в тайге, мы 15 марта вернулись домой, лелея надежду, что на будущий год охота на тигра будет более удачной.

Казалось бы, что чаша разочарований должна быть уже переполненной, а счастье должно было бы уже накопиться. Ведь сильный дух и сильные нервы всегда вырвут победу у слабого духом. Недаром талантливая певица С. А. Реджи поет в романсе «Мичман Джонс»:

Терпи немного, держи на норд —
Ясна дорога и близок порт.
Ты будешь первым, не сядь на мель!
Чем крепче нервы, тем ближе цель!..

Счастье накопилось ...

Наконец, настала зима 1940 — 1941 годов. С половины ноября мы всей нашей охотничьей семьей были в Маньчжурии, но нам опять не повезло — не было снега.

Пришлось охотиться по чернотропу. На результаты охоты пожаловаться было нельзя, — несколько взятых кабанов чередовались с добытым хорошим гималайским медведем, а несколько оленей — с крупным барсом. Все это пересыпалось обильно козами и повторялось вновь. Что за благословенная страна — Маньчжурия для охотника по крупному зверю, обилие которого здесь, по моему мнению, несравнимо ни с одной другой страной в мире! Ходи только по горам, не ленись, да стреляй, не мажь!

Наконец, к 20 декабря выпал снег и мы усиленно занялись поисками тигровых следов. Прошла неделя и никаких результатов, а тут уже приближается канун Нового года и нужно выбираться к праздникам домой —так уже принято у русских людей, да и домашние ждут.

Сами охотники, пробыв в тайге полтора месяца, честно заслужили отдых. Особенно тяжело в тайге без бани — это, пожалуй, самое больное место для охотника. Ведь, только подумать, что в течение шести недель не удается ни разу выкупаться! Мыться и то приходится не каждый день, ибо, помимо холода, это не удается сделать и вследствие отсутствия воды Часто приходится мыть руки или лицо снегом. Брррр! Посмотреть как бы выглядел после такого умывания, хотя бы в течение недели, горожанин!?

Итак, мы с грустью все же покинули 28 декабря нашу фанзу в Хваньгоу и пошли пешком к границе, до которой было около 80 верст. Прошли мы верст 20 и неожиданно наткнулись на трехдневный тигровый след. За это время зверь успел уйти далеко. Всегда так бывает, когда счастье накопилось в недостаточной мере можно подумать, что здесь путает «нечистый». Все же мы решили побродить до вечера и выяснить, куда ушел тигр.

Проходили долго и вернулись к ближайшему жилью, в селение Чунгоу, лишь к 10 часам вечера, выяснив, что тигр находится где-то здесь поблизости. После ужина долго совещались, что делать и, наконец, пришли к заключению потратить еще один день на раз-

ведку и, если не встретим свежего следа, то тогда уже возвращаться к Новому году домой.

На утро следующего дня вновь раздались голоса за то, чтобы не идти в горы, а возвращаться домой. Уж очень хотелось некоторым из нас не опаздывать к Новому году и получить заслуженный отдых. Лишь только после сильного нажима с моей стороны было принято решение произвести разведку, причем, если не найдем свежего следа, то на следующий день двинемся домой.

Отправляясь на разведку, на всякий случай захватили с собой собак, палатку с печкой и провизии на два дня. Бродили целый день, сделали огромный круг, но, к сожалению, кроме старых следов ничего так и не обнаружили.

Через день мы уже сидели в поезде, который к вечеру 31 декабря нас доставил в Шуотсу, и Новый год мы встретили дома.

Пробыв дома две недели, мы наслаждались заслуженным отдыхом и отъедались, «нагуливая тело» после полуторамесячного трудного скитания по горам, во время которого, часто приходилось делать нечеловеческие усилия и не всегда достаточно и вовремя питаться.

Но прошли недели две и вновь потянуло в тайгу. Все неприятности и трудности охоты забылись и остались только в памяти самые приятные воспоминания; чудились захватывающие моменты, воображение с прежней силой вновь рисовало волнующую встречу с тигром в промежутке с прочими интересными зверями. Дома не сиделось.

А тут еще в полнолунье выпал свежий снежок и, как всегда, казалось, что в тайге он должен быть более глубоким. Одним словом, «охотничья болезнь» вновь обострилась.

Здесь кстати будет сказать несколько слов о зверовых собаках.

Как хорошо известно всякому таежному охотнику, при охоте в тайге по крупному зверю большую роль играют хорошо натасканные собаки, особенно, если свора дружная и хорошо тренирована. К сожалению, это достигается с большим трудом, так как собаки слишком часто гибнут от зубов хищников, а еще чаще от клыков кабанов, с которыми охотнику приходится нередко сталкиваться. Часто охотник, потеряв в один день одну-другую из лучших собак, обескровливает себя на целый сезон; особенно, когда гибнет вожак стаи.

Так было и у нас. С осени мы создали прекрасную стаю из молодых собак, но в течение первых трех недель охоты барсы разорвали двух лучших, в том числе и вожака, и одну сильно подранили. Пришлось срочно подбирать новых. К нашему счастью, попали удачные экземпляры. К Новому году мы подготовили вновь отличную свору, которая удачно тренировалась сначала на кабанах, потом по медведю, позднее по барсам. На праздники свора оставалась в Маньчжурии, так как перевозка собак сопряжена с большой возней и массой хлопот.

Непосвященному человеку покажется странным состав своры, в которую входили шесть собак: вожак Парис — полуборзая, Север — датский понтер, с длинной жесткой шерстью, Ральф — полуполицейка и мохнатые великаны Осори, Кома и Вори — маньчжурские лайки. Такой подбор был сделан не случайно: одни собаки при преследовании дают «голосистую истерику», другие проявляют храбрость и нервный подъем, третьи — резвость и силу, а все вместе — храбрость. Эта свора нас очень радовала, ибо налицо были все данные, что собаки нас не подведут.

Необходимо подчеркнуть, что тигр имеет особый запах, который почти всегда производит магическое действие на собак. За редким исключением собаки, храбро идущие на кабана, медведя и даже барса, осмеливаются идти на тигра. Обычно, услышав запах тигра, они, поджав хвосты, прячутся между ног охотника и лишь очень редкие из них идут в атаку на зверя.

Наша свора, хотя и была молодой, но хорошо натренированной и последовательно брала не одного хищника. Она подавала надежды храбро пойти на тигра. Это вселяло еще больше надежд на будущие успехи, и казалось, что следует только найти свежие следы тигра и, запасшись энергией, преследовать его по пятам, в какие бы дебри он ни заводил.

Снова в тайге

16 января мы собрались в путь. К сожалению, на этот раз нас ехало всего двое: я и мой младший сын Люля. Валерий по срочным делам выехал в Шанхай, а Арсений предпочел охотиться в Корее.

Вновь пришлось проходить через самые неприятные этапы: поезда переполнены, а с нами много багажа и

провизии на два месяца. А на границе формальности с ружьями, патронами, биноклями и проч.

Но вот, наконец, мы в лесу, в корейской фанзе, расположенной неподалеку от границы. Жители говорят, да мы и сами знаем, что в этом районе порядочно кабанов и много коз и, что особенно ценно для нас, — недели две тому назад видели... следы тигра.

После обеда Люля направился в соседнее селение, где должен был выхлопотать для нас у властей разрешение на право переезда в более дальний округ, верст за 200, куда мы стремились попасть, так как там много было тигров. Местность эта называется Ту-мын-цзы.

Я пошел на разведку, чтобы не терять время, и попутно думал убить на мясо козла. Весь ближайший район занимал южный склон горы, поэтому снега почти не было, так как свежий здесь не выпал, а оставался только тот, который мы уже видели во время нашей предновогодней охоты.

Вскоре я наткнулся на пару крупных чушек и очень удачно — взял их обоих. Вообще же признаков пребывания кабанов было очень мало. Коз же, по-видимому, было порядочно.

Люле сообщили малоприятную новость: наше прошение отправят в губернский город и, если мы даже разрешение получим, то и это займет около недели времени, а может быть, и больше. Между тем, мы могли ждать и отказа, так как нужный нам район являлся запретной зоной.

Все это, конечно, нас обескуражило, ибо время уходило, а приходилось вместо тигров довольствоваться прочей мелочью. Опять казалось, что тигры отошли на задний план.

Проохотились мы здесь с неделю и, наконец, получили долгожданное разрешение. Казалось, что все препятствия преодолены и завтра можно двинуться в путь. Пришло завтра, но оно оказалось кануном китайско-корейского Нового года, и возчики категорически отказались нас везти.

Видно счастье все еще продолжало накапливаться, и нам ничего не оставалось делать, как пойти на охоту по соседним горам. Правда, пожаловаться на охотничий успех мы не имели права, так как все же за неделю взяли 9 кабанов и 18 коз. При этом мы успели несколько раз вывести в поле для тренировки после трехнедельного отдыха нашу свору собак. Одним словом, мы могли выступать на тигров во всеоружии.

Разорванная тигром лошадь

Наконец долгожданный момент настал, и 28 января мы смогли двинуться в избранном нами направлении. К этому времени наступили самые сильные морозы, сопровождающиеся постоянно дующим маньчжурским норд-вестом. Температура стояла 25 — 30 градусов по Цельсию, что при ветре равняется добрым 40. Лишь в солнечные дни, на солнопеках, мы отогревались от ночной стужи, но это нас мало устраивало, так как южные склоны стояли сильно обтаявшими и следить зверя было трудно.

Погрузив наш скарб на телегу, которую мы наняли на месяц с условием, что она будет сопровождать нас куда бы мы ни отправились, мы тронулись на северо-восток. Проделав за день более 30 верст, мы в сумерках добрались до деревни Чунгоу, в районе которой мы в конце декабря следили тигра.

С одной стороны, вполне естественно, что этот район нас очень интересовал из-за тигра, с другой — мы здесь охотились и ранее. Здесь у нас был наш старый знакомый старик-кореец Пак, сам в прошлом охотник. Он нередко служил нам в качестве проводника и часто помогал вытаскивать убитого зверя.

Как только мы устроились в фанзе нашего знакомого корейца, к нам явился Пак, как всегда в сопровождении большинства жителей деревни, чтобы приветствовать нас и рассказать все новости, накопившиеся за время нашего отсутствия, а в особенности охотничьи, которых на этот раз имелось очень много и при том интересных.

Рассказчики перебивали один другого. Во всем, что касается охоты, корейцы-крестьяне большие фантазеры и при том путают следы тигра с барсовыми. Своим фантазерством они не раз подводили нас, — так, тигровый след при проверке оказывался волчьим, вчерашний след — недельным и т. д., и т. д. Я очень часто не верил этим рассказам, хотя теперь и каюсь. Когда все немного успокоились, мы попросили Пака рассказать нам все толково и он нам поведал.

Две недели тому назад, т. е. вскоре после нашего отъезда, в окрестностях действительно появились тигры и так терроризировали лесорубов и лесовозов, что те перестали ездить в лес и рубить дрова. Особенно напугал их следующий случай.

Несколько китайцев-подводчиков, верстах в четырех

от поселка, везли на парных подводах бревна и в глухом ключе на них напал тигр. Он схватил пристяжку задней подводы, оборвал постромки и унес лошадь в лес. Напуганный обоз примчался в селение и, конечно, этот случай терроризовал окрестное население. Никто не ездил даже за дровами, а лесорубы, вспомнив, как в прошлом году тигры-людоеды унесли пильщиков дров, перестали на несколько дней даже выходить из бараков.

Но когда Пак стал нас уверять, что тигр не один, а их несколько, мы уже отнесли это на счет его фантазии. Старший полицейский подтвердил, что после случая нападения на лошадь, он с другим полицейским и двумя стражниками ходил осматривать место происшествия. Лошадь была унесена шагов за 200 от дороги и там съедена.

Сомнений, конечно, не было — тигры были и, может быть не один. Но где они сейчас — вопрос. Один тигр не смог бы в течение двух дней съесть лошадь.

Я посоветовался с Люлей, и мы решили обследовать местность более детально. Во всяком случае, все рассказанное корейцами нас очень обрадовало и настроение у нас было приподнятое. Жители деревни также остались довольны принятым нами решением, надеясь, что мы избавим их от тигров и они смогут возобновить свои лесные работы.

Следы четырех тигров

Встав рано утром, мы для более быстрой и детальной разведки решили разделиться: я избрал направление на северо-восток и юг, а Люля пошел на северо-запад. С ним упросился пойти старший полицейский, сказавший, что он уже давно мечтал поучиться охоте на тигров.

Пройдя верст пять по шоссе вверх, где горы сдавливали его с двух сторон и где мы пересекли след тигра месяц тому назад, я обнаружил новые следы, примерно недельной свежести. Так как на этом месте следы уже обнаруживались не раз, я очень обрадовался. Они говорили за то, что тигр часто посещает эти места. Следы были очень крупные и по своим размерам напомнили мне виденные в декабре минувшего года.

Проследив версты две, я выяснил, что тигр взял на-

правление определенно на восток. Оставив след, я повернул вправо, держа курс на юг и делая большой круг. Через несколько верст я наткнулся снова на след тигра, но этот был размером меньше первого. Пройдя еще некоторое расстояние, я обнаружил уже два следа, идущих в одном направлении с первым, но следы были средней величины. Все это говорило за то, что в этом районе обитает т р и тигра.

Огорчало только одно обстоятельство: следы были не первой свежести: четырех- или пятидневные. Вообще же время было установить очень трудно, так как снег был старый и от мороза сильно рассыпался.

Побродив до вечера, я определенно установил присутствие ч е т ы р е х тигров: один был очень крупный и держался отдельно, а три поменьше, но тоже крупного размера. Эти три тигра то сходились, то расходились, охотились на коз и, как видно, неудачно. В конце концов, все четыре следа ушли на восток.

Возвращаясь на бивуак, я был в прекрасном настроении. Только подумать — мы напали на след сразу четырех тигров! Все говорило за то, что звери давно прижились к месту и бродят по окрестностям. Снег же был, хотя и старый, но хороший и облегчавший слежку и охоту.

Моя фантазия рисовала самые умопомрачительные перспективы предстоящей охоты, — ведь не даром же всех охотников считают большими фантазерами и даже, точнее говоря... врунами. У девяти из десяти у нас так и бывает. Я часто задумывался над причиной этого и только теперь я понял.

Я лично унаследовал в этом отношении традиции и принципы своего отца, который всегда только рассказывал охотничью быль. Я строго придерживался этих принципов всю жизнь и внушил это своим сыновьям. Нам, бравшим много хороших и ценных трофеев, сочинения не были нужны. Даже больше того — они бы свели на нет все наши действительные достижения, так как никакая быль не может угнаться даже за самой скромной фантазией.

Охотники-любители, да и при том горожане, несомненно, обладают фантазией, не меньше моей. При возвращении с охоты с пустым ягдташем и при встрече со знакомыми на вопрос об успехах, для сохранения охотничьей репутации, они начинают слегка подвирать. Их приятели не отстают от них и в результате получается соревнование не в охоте, а во вранье. Но этого мало.

Мне приходилось встречать таких «охотников-любителей», которые могли часами рассказывать с мельчайшими подробностями свои приключения — одно фантастичнее другого и было видно, что они сами начинали верить в свои рассказы. Одно лишь беда — при повторении рассказов их трофеи неизменно увеличивались. На таких рассказчиков я всегда смотрю снисходительно, а вот когда ими начинают заниматься охотники, действительно «видевшие виды», это на меня всегда производит удручающее впечатление.

Итак, возвращаясь на бивуак, я страшно фантазировал, представляя себе встречу сразу с тремя тиграми и о б я з а т е л ь н о в таком месте, где я успею выстрелить по всем трем. Хотелось мне и порадовать Люлю будущими блестящими перспективами.

Придя в фанзу, я Люлю не застал, хотя было уже около 7 часов вечера, т. е. прошло два часа после заката солнца — времени, после которого зимой становится настолько темно, что стрелять не представляется возможным. Прошел еще час, а Люли все не было. Наконец, часы показывали 9 часов вечера, а я все еще не садился за ужин. Было ясно, что Люля встретил что-то такое, что его задержало.

Но вот через несколько минут залаяли собаки и появился Люля в сопровождении своего спутника-полицейского. Люля был в большом ажиотаже, хотя и очень утомлен.

В кратких словах он сообщил мне, что чуть не убил огромного тигра и очень сожалел, что я не был его спутником по охоте. Мы сели с ним ужинать и я понял, что моя новость о следах четырех тигров уже несколько потускнела.

Когда мы приступили к чаю, Люля рассказал мне подробно весь свой день охоты, живо напомнивший мне многое пережитое и мной в погоне за своеобразной «Синей птицей».

Люля по свежим следам тигра

Расставшись со мной, Люля и сопровождавший его полицейский пошли, как было между нами условлено, на север. Поднимаясь по одной из солнопечных падей и пройдя верст 5, они взобрались на становой хребет, по которому направились вправо, делая полукруг.

Пройдя по этому направлению с полверсты, они неожиданно наткнулись на свежий след тигра, вошедше-

го в их полукруг и взявшего направление к скалам, находящимся уже в обойденном ими полукруге. Все данные были за то, что тигр скорее всего проводит дни в этих скалах. День был холодный, сопровождавшийся ветром и зверь, естественно, искал уютного уголка.

При наличии двух хороших охотников можно было бы разделиться и подходить к скалам с разных сторон, когда было уже на 90 процентов установлено, что выходного следа нет. Однако, Люлин компаньон на это предложение не согласился и им пришлось идти вместе.

Когда они подошли к скалам, зверь, видимо, их заслышал и, оставя лежку, стал уходить. Пересеченная местность и заросли скрыли уходившего тигра от их взоров и они лишь обнаружили еще не остывшую лежку.

Началось преследование. Тигр по своей привычке стремясь выяснить — идут ли за ним охотники, стал постепенно забирать в сторону и, сделав круг, привел их на свою старую лежку. Однако, обнаружив, что его преследуют, стал уходить, вновь повторяя тот же маневр, но шел по таким местам, чтобы его не могли видеть.

Вскоре он вторично перешел свой след: оба круга были не больше, чем по версте. Было обидно, что место было очень удобное для засады, а еще обиднее, что ее некому было сделать.

После второго круга тигр выяснил, что люди преследуют его и стал уходить в более глухую тайгу, держа курс на север, по временам делая круги, ложась за прикрытием и наблюдая за своим следом — идут ли еще преследователи или нет. Каждый раз, учуяв охотников, он поднимался и шел дальше.

Время клонилось к вечеру и, конечно, самолюбивый «Ван» — «царь тайги», накалялся все больше и больше и положение охотников становилось все более рискованным. Однако Люля, у которого это был первый случай преследования тигра, сознавал эту опасность скорее платонически, чем реально, а добыть такого красавца было лестно.

Опасно было идти на такой риск с неиспытанным компаньоном, тем более, что тот, не будучи тренированным, все время отставал, а в критическую минуту мог вообще бросить товарища в беде! При нападении тигра, да еще не раненного, дорога каждая секунда, от которой зависит жизнь или смерть охотника...

Погоня длилась до темноты и завела охотников так далеко в тайгу, что возвращение назад, по прямой линии, заняло 4 часа. Какое счастье, что это возвращение обошлось без нападения тигра!

Когда я рассказал Люле о виденных мною следах, он пришел в восторг и мы даже на радостях... протанцевали «Индейский танец», а затем принялись за составление плана будущих действий.

Время пришло — счастье накопилось

Преследование моих тигров мы решили временно отложить, а направиться в погоню за тем, на след которого напал Люля. Сговорились выйти на заре, и я очень сожалел, что отсутствовали двое остальных моих сыновей — наш охотничий квартет был расстроен.

Собрав все необходимое и приготовив на четыре дня провизии, мы только к часу ночи смогли лечь спать, но заснули не скоро, так как время от времени вспоминали, что то или иное забыто. Главная сложность нашего рискованного предприятия заключалась в том, что мы имели только двух носильщиков, которые могли нести по пуду поклажи, более тяжелый вес которой затруднял бы их ходьбу и задерживал бы нас, что при погоне за тигром невозможно. Дни стоят короткие и приходилось идти не только быстрым шагом, но временами делать и перебежки.

Взяли мы с собой малую походную палатку и печку (морозы в то время стояли тридцатиградусные), что уже составило 20 фунтов, но дало возможность не брать с собой одеял. К этому прибавили: сухари, рис, немного мяса и прочую мелочь, начиная от свечей и кончая иголками и нитками, чтобы по вечерам починять изодранную одежду и обувь.

К сожалению, мы не смогли взять провизии для наших собак. Пришлось их рано утром накормить доотвала, решив в дальнейшем для питания их и себя стрелять время от времени коз. Были, конечно, взяты топор с пилой, для заготовки дров на ночлегах. Наша личная ноша, включая пейтузы, ружья, бинокли и все необходимое, тоже составляла по пуду.

Рано на заре мы тронулись в путь. Утро было морозное и дул довольно сильный восточный ветер. Особенно это чувствовалось первые три версты, так как наш путь лежал по открытой долине, между высоких

гор. Носы и уши щипало так, что часто приходилось их потирать, чтобы не отморозить. Собаки бежали впереди всей сворой и, чтобы согреться, часто возились на снегу.

Настроение у нас было чудесное, а воображение рисовало одну за другой интересные картины нашей будущей встречи с тигром.

Три четверти пути нам пришлось идти лесной тропой, а последнюю, до оставленного накануне следа, уже по густым зарослям. По дороге, как полагается, исследовали каждый попавшийся след, так как можно было предполагать, что зверь, сделав большой круг, мог ночью пересечь дорогу. За утро мы несколько раз спугивали коз, но в них не стреляли, так как в мясе надобности еще не было.

Осмотрели мы и то место, где тигр задрал лошадь. Горы в этом месте очень сужали долину, а обочины дороги густо заросли кустарником. Зашли по дороге к извозчикам-китайцам, которые с большой ажиотацией рассказали нам об ужасе, пережитом ими в момент нападения тигра. Зверь, по их словам, сопровождал свое нападение страшным ревом, а уцелевшие лошади, с перепугу, несли их версты две до зимовья. После нападения тигра они уже под вечер не работали. Они умоляли нас убить злого «Вана» и тем самым избавить их от опасности.

К одиннадцати часам дня мы, наконец, добрались до оставленного накануне Люлей следа, судя по которому тигр был действительно огромных размеров. Передохнув минут десять, мы быстро двинулись по следу. Тигр сделал большую петлю и вернулся назад, где, судя по протаявшей лежке, долго ждал прихода преследовавших его охотников, чтобы напасть на них в потемках. Однако, не дождавшись, тронулся вверх по пади в самую чащу.

Следить, или правильнее идти по следу, было трудно. Все время приходилось пробираться по густой чаще и перелезать через толстые колоды, а иногда даже и «нырять» под них, имея нагрузкой полный пейтуз. Но дичь была заманчивой и все преграды преодолевались легко, к тому же на помощь приходила прекрасная тренировка.

Мы следили уже два часа. Тигр два раза подолгу лежал, выбрав для отдыха удобные бугорки и скрываясь за прикрытием, видимо, все еще ожидая погони.

Наконец, сделали остановку, развели костер, вски-

пятили чай, разогрели бэнтоо и позавтракали. Это все отняло у нас минут сорок и затем мы тронулись дальше.

Зимний день короток и поэтому приходилось спешить. Скоро след показал, что тигр несколько успокоился и начал охоту на коз. След шел то в одну, то в другую сторону, по козьим следам. Поймать жертву, однако, тигру не удалось, хотя он и бросался на коз, но, видимо, промахнулся.

Затем след свернул резко вправо и направился на крутую гору, т. е. на юг, в сторону Чунгоу. Па след утром выходили какие-то два охотника, потоптались по нему, но преследовать тигра, видимо, не рискнули, так как пересекли его и пошли в противоположную сторону.

Продолжая следить, мы постепенно спускались ;с большой горы в долину к главному шоссе, к тому месту, где неоднократно замечался переход тигров, идущих на юго-восток.

День кончался. Солнце заходило за гору и становилось холоднее. На сегодня тигра поймать не удалось, но и сам зверь за последние дни не захватил ни одной добычи и значит был голоден. Можно было надеяться, что он постарается за ночь кого-нибудь задавить, после чего, наевшись, ляжет спать дня на два и тогда мы уж его догоним. Такими предположениями мы утешал себя.

Ночь надвигалась. Надо было подумать о ночлеге, а с заходом солнца стало особенно холодно. Потянул свежий ветер, который особенно чувствовали, пропотевшие за день под тяжелыми пейтузами, наши спины.

На наше счастье тигр привел нас к вечеру в район, находящийся всего лишь в 5 верстах от Чунгоу. Мы, не споря, решили воспользоваться случаем покормить на бивуаке собак и подпитаться самим, не расходуя запаса провизии. Багаж решили спрятать здесь же, чтобы не носить его взад и вперед, так как сговорились на заре вернуться и продолжать слежку.

Быстро разгрузившись, уложили вещи в кучу, неподалеку от шоссе в уютных кустах, заложили их бурьяном и направились домой. Пройдя шагов двести, обнаружили, что не хватает Севера. Стали свистеть, но он не шел. Начало уже темнеть и я решил вернуться к вещам, надеясь его отыскать, так как оставлять на ночь собаку одну и при том некормленную было опасно.

Подойдя, я действительно нашел его. Север залез на вещи и свернулся калачиком, он сильно дрожал и

подвизгивал. Ему, как понтеру, было холоднее остальных собак и мне с трудом, только на веревке, удалось отвести его домой.

Уже совсем ночью добрались мы до Чунгоу, пройдя за день с грузом по горам не менее 35 верст, время от времени делая перебежки, так как торопились со своим преследованием.

Поужинали, покормили собак и с наслаждением стали греться на теплом кане, попивая чаек. Ноги, конечно, ныли, ведь снег по сиверам был глубиною в фут, но все же при привычной тренировке мы чувствовали себя прекрасно.

К ночи ветер усилился, перейдя в бурю, и мы искренне радовались, что тигр привел нас под вечер домой. Правда, нашим домом была легко сделанная фанза, скрипевшая под напором бури, стенки легко продувались, а потолок, оклеенный только бумагой по дранке, шуршал при каждом порыве ветра. Ежась, мы ясно себе представляли, что в палатке было бы менее уютно. Заснули мы быстро и спали крепко.

По следам хищников

Проснулись и встали рано. Наскоро умывшись, я взглянул на градусник, показывавший минус 25 градусов Цельсия. Небо было закрыто облаками, которые гнал сильный штормовой ветер, и поэтому холод чувствовался еще сильнее.

Старые охотники говорят, что в такие дни даже «тигр бродит по горам днем, чувствуя себя так же спокойно, как и ночью». Обычно, днем тигр не бродит. Не будь в перспективе слежки «Вана», мы в такой день не вышли бы на охоту, но тут у нас не было выбора — нельзя было упускать редкий шанс, да и ветер мог оказать помощь, если нагоним зверя.

Накормив собак, тронулись в путь. Мы едва терпели холод, идя по открытому шоссе в своих замшевых куртках и брюках. Не спасали положение надетые на нас по две теплых фуфайки. Теплее одеться было нельзя, так как это воспрепятствовало бы свободе действий в горах.

Пройдя версты две, мы неожиданно заметили на дороге свежие, предутренние следы тигра. Это было для нас большим сюрпризом. Их было напутано очень много и во всех направлениях — по пыли на дороге и по оставшимся клочьям снегового покрова.

Шоссе пролегало по открытой долине солнопека и выдувалось ветром. Все южные склоны были затаены, за исключением ключей, в которых еще оставался снег. Обращало внимание, что тигры особенно натоптали по вчерашним следам наших собак, видимо, желая выследить их и полакомиться собачиной.

Скоро мы установили, что тигр был не один, хотя следы все были одного размера. Но прошло около двух часов, прежде чем мы смогли установить полную картину.

Как видно, вскоре же после нашего ухода три тигра вышли к оставленным нами вещам, а главное, к собачьим следам и отправились по ним, идя по шоссе и его сторонам, куда забегали собаки. Пройдя таким образом версты три и не решившись идти ближе к деревне, они свернули в солнопек. Оставь мы вечером Севера караулить наши вещи, пожалуй, сейчас мы обнаружили бы только клочья его шерсти!

Продолжая разбирать следы, мы, наконец, их выправили на снегу. Все три тигра вышли на лесовозную тропу, причем один из них часто отходил в сторону, проявляя самостоятельность. Остальные два были неразлучны. Следы были ночные и, конечно, тигры далеко уйти не могли.

Наши сердца были переполнены радостью. Три тигра в одной группе — это исключительная редкость! Скажу откровенно, в моей жизни это был первый случай. Дувший же сильный южный ветер облегчал нам подход к зверю. Услужливая фантазия вновь начала рисовать самые заманчивые комбинации нашей встречи с зверями.

Осмотрев тщательно ружья и ощупав висевшие за поясом охотничьи ножи, мы осторожно двинулись по следу. Мороз и ветер продолжали свирепствовать, но мы их уже не замечали.

Свернув с шоссе, тигры скоро вышли на лесорубную тропу, по которой тронулись вверх по ключу, пройдя некоторое время вместе. Затем они разошлись цепью по кустарникам, охотясь за козами. Следить стало трудно, так как снег на южном склоне гор оставался только кое-где по углублениям, а густо заросшие дубки издавали много шума. Приходилось двигаться очень медленно, тщательно осматривая горизонт.

Вскоре мы заметили впереди на деревьях несколько ворон. Подойдя к ним, обнаружили под деревом задранную козу, в сущности, «воспоминания о ней». Мясо

и кости были начисто съедены, а на снегу видны только следы крови и клочки шерсти. Снег вокруг был сильно укатан — видно, тигры, «заморив червячка», здесь долго лежали, а затем уже тронулись дальше.

Пройдя еще некоторое время и никого не поймав, тигры вновь соединились и забрались на уютную вершину солнопека, где долго спали уже днем и, видимо, хорошо отдохнули, пользуясь штормовой погодой. Следы были совсем свежими — звери покинули эти места не больше часа.

Было уже 12 часов дня. Наше волнение нарастало, так что чувствовалось, что тигры были где-то совсем близко и встреча могла произойти каждую минуту. Вскоре один тигр вновь отделился, а два остальных стали подниматься в гору, идя тихо и спокойно. Следы были совсем мягкие — тигры только что были здесь.

Собаки начали проявлять большую нервность. Наша свора хорошо натасканная и тренированная брала много раз кабанов, медведей и барсов, но ни разу еще не ходила на тигров.

Запах тигра, как известно, настолько действует на собак вообще, что обычно из десяти собак, ходивших на барса и медведя, только одна-две рискнут пойти на тигра. Поэтому нас особенно интересовало, которая из наших собак пойдет на тигра и в то же время не могла не смущать нас мысль, что, в сущности, они ничего не смогут сделать против трех тигров.

Несмотря на мороз, мы сняли рукавицы и шли в перчатках, зорко осматривая каждый овражек, так как важно было застать тигров врасплох. При наличии плохого снега, желтых дубняков и такой ужасной погоды, рассматривать горизонт, не выпуская из рук бинокля, дело крайне утомительное, но выдержка при такой серьезной охоте должна стоять на первом месте.

Перевалив основной хребет, мы вновь оказались на солнопеке. Следы шли по вершинам боковых овражков, повернув направо и все поднимаясь вдоль хребта. Местами встречалось много желтых дубняков, рассмотреть в которых тигра было почти невозможно. Отроги боковых хребтиков, которые нам приходилось пересекать, спускались довольно круто влево и достигали пади шагах в 500. Противоположная северная сторона этой пади была не сильно заросшей и сохранила снег полностью, поэтому на ней легко можно было обнаружить зверя.

Я держался правее, а Люля шел ниже меня шагов

на 20 по следу. Собаки и наш носильщик-кореец Пончуни держались сзади Люли.

Ветер на горе усилился и дул нам в лицо со страшной силой, что с одной стороны мешало смотреть в бинокль, буквально примерзавший к рукам. Но с другой — оказывал нам помощь, заглушая шум от наших 30, человечьих и собачьих ног. Перевалив очередной хребтик, я стал осматривать в бинокль противоположный склон, заросший довольно густым лесом.

В объятиях тигра

Совершенно неожиданно на крошечной прогалинке между дубов, в трехстах шагах от меня, я увидел полосатый бок красавца «Вана», стоявшего спокойно и как бы позволявшего любоваться всей красотой его фигуры! Тигр смотрел куда-то в сторону и находился шагах в 30 от следующего перевала. Меня он не видел и не чувствовал, так как ветер с силой дул от него.

Люля был от меня влево, шагах в 30. Он тоже вышел по следам уже на мой хребтнк, но из-за стоящей перед ним сосны не мог еще видеть тигра.

Прежде чем стрелять, я тихонько свистнул Люле и показал рукой в сторону стоявшего тигра. Дальше нельзя было медлить. Заметь он нас и в два-три прыжка скрылся бы за перевалом.

Я тщательно прицелился и спустил курок. Тигр, как подкошенный колос, свалился не дрогнув. (Позднее мы установили, что пуля попала ему в сердце).

Собаки бросились через овраг к убитому зверю. Люля подбежал ко мне и мы, стоя на месте, нервно искали других тигров.

Ничего не было видно. Только первый, убитый мной тигр, лежал неподвижно и мы даже, против обыкновения, не пустили в него второй пули для верности.

Не успел я опомниться, как почти с того же места вскочил второй тигр (позднее было выяснено, что это была тигрица) и крупными шагами стал уходить через поляну, мимо убитого. Как видно, на наше счастье, шторм не дал ему услышать первый выстрел.

Я выцелил и выстрелил. Видимо, сильно раненая, тигрица сделала прыжок и скрылась, взяв направление влево, вниз к впадине.

Не теряя секунды, я устремился вниз по нашему хребтику, параллельно пути тигрицы, надеясь увидеть

ее вновь, если она пойдет через падь в сивер, Люля, с которым из-за калейдоскопической быстроты развития событий мы не успели обменяться даже словом, бежал за мной, а за ним следовал Пончуни.

Продолжая бежать, я держал ружье наготове, но курок не был взведен, так как я и не предполагал, что мне может грозить какая-нибудь непосредственная опасность, пока я еще не нахожусь на кровавом следу или не встречу тигра на близком расстоянии. Бежал я, не смотря под ноги, все мои взоры были устремлены в сторону пади, в которой я надеялся увидеть зверя.

Спускаясь, я пробежал шагов 150. Хребтик, по которому я бежал, зарос кое-где желтыми дубками, но не сильно; правая сторона его была покрыта вершка на четыре снегом и спускалась очень круто вправо. Добежав до середины, я почему-то взял направление немного вправо, на косогор. Где был в этот момент Люля, я не знал, — видеть его мне мешали кусты.

И вдруг, чуть позади себя, слева, я услышал страшный рев тигра. Тот, кто его никогда не слышал, не может понять, какая это сила. Я же впервые услышал его 46 лет назад и никогда его не забуду. Создается такое впечатление, будто бы из парового котла травят лишний скопившийся пар.

Я понял ясно только одно — еще секунда и зверь будет на мне, и никакая сила не может предотвратить надвигающейся катастрофы... В голове мелькнула еще одна мысль — это подошедший третий тигр сделал засаду!..

Поворачиваясь на рев, я перекинул ружье из правой руки в левую, одновременно взводя курок и вскидывая винтовку к плечу. Уже повернувшись, я увидел летящего на меня с огромной быстротой с горы тигра.

Передние лапы его были широко расставлены, как будто для объятия, пасть была раскрыта во всю ширину, зияя клыками, глаза горели, а уши были прижаты к затылку. От конца моей винтовки до него расстояние было не больше сажени.

Я выцелил ему в голову и выстрелил...

Отскочить назад, чтобы увернуться от жутких объятий, я не имел времени (так как прошло не больше секунды). Я не успел даже отнять ружье от плеча, как пораженный пулей в голову тигр ударил со страшной силой своего восьмипудового тела меня мордой в локоть державшей ружье левой руки.

Он выбил ружье, обхватил меня обеими лапами,

вонзив свои когти в левое плечо и правый бок и со всей силой треснул меня о мерзлую землю. На мое счастье земли и мерзлого снега вначале коснулось мое плечо, а не голова, — в противном случае мой череп был бы разбит.

Когда я пришел в себя (без сознания я был секунд 15), то увидел, а вернее ощутил тигра, катившегося на мне со страшной быстротой под гору. В этот момент я ударился о примерзшую к земле коряжину, а зверь при ослабевших силах слетел с меня за колоду и, встав боком, ко мне, повернул в мою сторону морду.

Наши взоры встретились. Расстояние между нашими головами было не больше четырех футов!

Эти мгновения я не забуду никогда в жизни. Первое, что я осознал, это то, что тигр набросится на меня снова. Первый момент мне казалось, что положение мое безнадежно, но затем сознание прорезала, как молния, мысль — что предпринять?

Быстро пронеслось в голове: ружье выбито, и оно далеко от меня (я еще не сознавал в тот момент, что обе мои руки не действуют), значит единственное, что можно сделать, это не шевелиться и смотреть зверю в глаза, гипнотизируя его в свою очередь. Так я и сделал...

Наконец, я заметил, что правый глаз тигра был прострелен. Вся морда зверя была в крови, обильно стекавшей и падающей на снег, образуя на нем большую красную лужу. Тигр стоял не двигаясь, но ноги его сильно дрожали. Он находился на крутом склоне, по которому начал медленно сползать.

Тут я понял, что у меня есть шанс на спасение!..

Зверь с простреленной головой не может прийти в себя и возможно больше не только на меня не бросится, но может быть, сам свалится и больше не встанет. Я не мог понять, где Люля. По моим предположениям, он должен был бежать непосредственно за мной, но, если он даже и отстал, то все равно должен был слышать рев тигра и мой выстрел. Кроме того, меня интересовало — где же собаки? Почему они не прибежали на выстрел? Ведь они также могли отвлечь внимание зверя от меня. Все эти думы пронеслись у меня в голове в течение 15 секунд, но мне они казались длинными минутами.

В этот момент раздался выстрел. Тигр подпрыгнул, сделал прыжок и остановился. Тут я уже понял, что я спасен!

Грянул второй выстрел, тигр сделал еще три прыжка и грохнулся на землю...

Казалось, все было кончено... В этот момент прибежали собаки и всей сворой навалились на зверя. И вдруг я вижу, как тигр поднялся, встряхнулся и собаки разлетелись в разные стороны! Только один Вори висел на загривке зверя.

Конечно, это была уже агония, но все же Люле пришлось сделать еще один выстрел, после которого зверь упал и, потянувшись, успокоился.

Тут моей радости уже не было границ. Казалось, во мне все пело и ликовало!..

Люля медленно приближался ко мне. Меня поразила его бледность. На нем, как говорится, не было лица, и глаза ярко горели на испуганном лице. Я не мог понять причину этого испуга, тем более, что чувствовал себя счастливым.

Наконец, подойдя ко мне шага три, он взволнованно спросил:

— Ну, как?..

Я, все еще не осознавая своего положения, решил изобразить веселую мину и ответил:

— Слава Богу, все хорошо!..

— Как хорошо? — последовал недоуменный вопрос.

И только теперь я начал понимать, в чем дело — из четырех рваных на голове и лбу ран, не считая царапин, обильно текла кровь и замерзала на моей бороде. Вся тужурка была закровавлена, а снег около меня был розовым. Сгустки крови на лице Люля принял за вырванный глаз.

Если представить, что я четыре недели не брился, а зверь, проехавший на мне через несколько головешек, помог мне измазать все лицо сажей, то интересно — на что была похожа моя улыбка, которой я встретил Люлю!?..

Люля мне позднее рассказал, что когда он подбегал к стоявшему надо мной тигру, ему показалось, что я уже не шевелюсь и он решил, что я мертв. В сущности, он пережил больше моего.

Однако, когда я решил продемонстрировать, что цел и невредим и попытался встать, из этого ровно ничего не вышло. Я был обескуражен: руки мои отказывались повиноваться, и я барахтался около колоды в снегу, тщательно отряхивая его с себя. Оказывается, я притащил с собой к колоде гору снега и это смягчило удар при падении.

Наконец, с помощью Люли и корейца я встал и начал себя ощупывать и осматривать. Я обнаружил, что весь исцарапан, правое плечо разбито и рука не действует; левый локоть так разбит, что даже почернел, а рука действует только лишь в плече и пальцах; на голове и лбу пять рваных ран, из которых сочится кровь и замерзает сосульками, рваные раны и царапины были на правом боку и левом плече и, кроме того, я весь был жестоко исцарапан и избит.

Перевязав кое-как раны, мы делились впечатлениями и любовались тиграми, один из которых был у наших ног, а второй напротив, на косогоре.

Когда мы несколько отошли, Люля мне рассказал следующее:

Он бежал сзади меня шагах в пяти и тоже смотрел далеко вперед, почему и не увидел лежавшего тигра, который, в сущности, залег почти на голом месте за небольшим кустом, при снеге на бугре в два вершка. Когда раздался рев, он увидел впереди себя летящего на меня «ласточкой» тигра и выстрелить не успел. Когда же зверь, сбив меня с ног, вцепился в меня когтями и по рыхлому сухому снегу понесся на мне по косогору, Люля не мог нас догнать, так как боялся быстро бежать, чтобы не споткнуться и не упасть, ибо в таких случаях нужно быть готовым к выстрелу в любой момемент. Я прокатился шагов около сорока, и на мое счастье по пути попалась обгорелая примерзшая колода, которая меня и задержала, в противном случае я свалился бы в обрыв, бывший от нее в четырех саженях, и разбился о камни. Стрелять же во время нашего скольжения Люля не решился. По его словам, рев тигра его сильно оглушил и он вечером еще плохо слышал. Более всего его испугал мой вид, когда он подбежал ко мне, добив зверя.

Затем мы пошли осмотреть зверя, который оказался тигрицей. Его трепали собаки, но мы не стали их отгонять, чтобы они убедились, что грызть тигра нет опасности. Это нам было важно для будущего.

Осмотрев голову тигрицы, мы поняли, почему я остался жив. Оказывается, моя пуля, попав в глаз, одновременно раздробила челюсть. Зубы перестали действовать и зверь ударил меня по инерции головой в локоть, а когти всадил также по инерции, сжимая лапы, расставленные для прыжка.

Мы поднялись по моей волокуше вверх. Почти около

вершины хребтика я нашел спою шапку, немного ниже, саженях в двух в стороне, лежало ружье.

Поднявшись на самый верх, мы нашли лежку, на которой лежала тигрица, и каково же было наше удивление, когда мы обнаружили здесь порядочно крови. Это меняло дело. Напавший на меня зверь был не третьим, а вторым, которого я ранил.

Стали следить обратным следом. Оказалось, что после ранения тигрица бросилась вниз, но, увидя дальше чистые места, повернула в нашу сторону и затем залегла. Мы сами набежали на нее, когда преследовали. Третий тигр, как видно, отделился от них раньше нашей встречи и ушел куда-то в сторону.

Люля стал меня уговаривать возвращаться скорее в фанзу и сделать перевязку, а сам решил остаться с корейцем и спустить убитых тигров в падь, откуда их легко можно было вывезти на санях. Я не хотел их оставлять, так как для двоих тигр был бы тяжелым, да к тому же я еще не успел осмотреть первого, убитого мною, зверя.

В это время неожиданно залаяли собаки, находившиеся в чаще около первого тигра. Лай шел откуда-то ниже. Мы оглянулись и изумились — тигра не было на своем месте.

Бросившись на собачий лай, мы увидели катившегося с горы зверя. Оказалось, что подбежавший к нему Север стал дергать его и сдвинул с места, в результате чего зверь скатился, а прибежавший на шум Кома, не разобрав, в чем дело, стал яростно лаять, спрятавшись в кустах.

Хотя руки мои не действовали, я мог помочь своим спутникам, сделав петлю из веревки, здоровым плечом вытаскивать зверя. Спустив убитых тигров в долину, мы уложили их рядом на снегу и очень жалели, что с нами не было фотоаппарата, чтобы заснять наши трофеи.

До деревни было версты три, но я очень сожалел, что из-за ранений не мог идти дальше преследовать третьего тигра, который, по моим предположениям, не мог уйти далеко.

На шоссе мы встретили сани, едущие в лес за дровами. Я направился в Чунгоу, а Люля поехал с ними за тиграми, которых и привез вскоре же после моего возвращения.

Мои ранения давали себя чувствовать. Хотя у нас и

была походная аптечка и запас бинтов, все же перевязка оказалась делом сложным.

Особенно меня беспокоила страшная грязь и пыль в фанзе, но не хотелось уезжать домой, не попытавшись найти третьего тигра. В перспективе еще был и самый большой четвертый, которого мы следили накануне.

Сгоряча я еще не давал себе отчета, насколько серьезно я покалечен. Фельдшера в деревне найти было нельзя, и я прибег к помощи Люли, для которого такая роль была новинкой. При том, кровь и рваные раны на теле отца так его расстроили, что он, сильно нервничая, не мог мне даже обстричь на голове волосы вокруг ран. Наконец, все было закончено: раны промыли перекисью водорода и залили риванолом.

В фанзе, как я уже сказал, было исключительно грязно и пыльно, и я сшил себе специальный колпак, который носил до тех пор, пока раны не зажили. Осложнений с ранами не было, все они, в конце концов, совершенно зажили, вызвав искреннее восхищение Люли, выразившееся в следующем заявлении:

— Ну, папа, на тебе все заживает, как на паршивой дворовой собаке!..

Это правда — на мне никакая рана никогда не гноится.

Всего на мне оказалось 20 ранений, но ни одного от зубов тигра. Кроме того, на ногах было сломано три ногтя, на руке — один. Раны были — четыре на голове, четыре на лбу, по одной на ушах, одна под левым глазом, четыре на левом плече; три когтя оставили свой след на правом боку. Сильно был прикушен язык. Но все это было пустяки по сравнению с контузией рук.

Руки были так отбиты, что в течение недели я не мог лежать и спал сидя, обложив себя мешками с нашим охотничьим скарбом. Но я был так счастлив успешными итогами охоты, что не замечал боли до тех моментов, когда я задевал обо что-нибудь больными местами.

В своем дневнике я записал:

«...Сейчас, когда уж прошло больше трех недель, контузии продолжают давать сильно себя чувствовать, но я их стараюсь не замечать и такого хорошего настроения у меня не было уже несколько лет...

...От когтей тигра меня в значительной степени предохранили тужурка и брюки из толстой оленьей замши, привезенные еще из Сидеми. Но, конечно, самое большое счастье заключалось в том, что пуля, попав в глаз

зверя, раздробила и челюсть. Не будь этого, в лучшем случае я стал бы стопроцентным калекой и тогда прощай навсегда тигровая охота! А этого я не хочу, ибо через год снова будет зима, снег и тигровые следы на нем!..»

На вынужденном отдыхе

(*Листки из дневника*)

Единственное, о чем я сожалею во всей этой эпопее, это о том, что, хотя и на короткое время, я потерял сознание. Иначе я попытался бы пырнуть тигра ножом в живот в тот момент, когда он на мне ехал. Это был бы очень эффектный финал охоты, но, весьма вероятно, мои руки уже не были в состоянии выполнить этот план.

Промыв раны, я стал отлеживаться. Не могу не добавить, что вся деревня пришла навестить меня и осмотреть итоги моего пребывания в объятиях тигра.

Вечером я сказал Люле, что третий тигр наверняка в ближайшее время придет искать своих друзей на место побоища. В этом я был уверен, зная хорошо звериную повадку искать друг друга. Люля, имея меньший опыт, не разделял моего мнения, но я настаивал твердо на своем. Это меня очень обескураживало, ибо, не имея возможности двигаться, я не мог Люле доказать свою теорию на практике.

Вся эта история произошла со мной 31 января и мы вечером послали в Новину телеграмму, вызывая на помощь Арсения и сообщая о моем ранении.

1-ое февраля

С трудом я уговорил Люлю пойти осмотреть окрестности и место схватки, чтобы узнать, не приходил ли тигр.

Помимо того, что он не был согласен с моими предположениями, я не мог не заметить, что тигры при первой встрече, да еще протекавшей при таких драматических обстоятельствах, произвели на него должное впечатление. Он понял всем своим нутром непреодолимую мощь хищника, чего до сих пор не осознавал.

Еще два дня тому назад, когда он вернулся после своей легкомысленной гонки за тигром, и я стал ему говорить о тех опасностях, которым он себя подвергал, Люля, видимо, не доверял моим опасениям и не придавал должного внимания моим словам.

Мне не раз приходилось наблюдать в жизни, как храбрится молодежь, отправляясь утром со мной по следам тигра. И даже тогда, когда я по следам убеждался в том, что тигр рассержен и начинает вести контратаку в густой чаще, все мои предупреждения об опасности не имели успеха. Но достаточно было тигру в полсотне шагов от нас задрать одну из преследовавших его собак, и подошедшая на место происшествия молодежь видела, как из только что расставшейся с жизнью собаки шел пар, а снег вокруг нее был обильно окрашен кровью, то действительно храбрые становились серьезными охотниками, а более слабохарактерные заявляли. «Я дальше не иду...». Когда-то я сам, 46 лет тому назад пережил это. Я никогда не был трусом, но такой же рев, также прозвучавший несколько позади меня и также меня оглушивший, заставил все это вспомнить сразу же, в момент нападения тигра.

Что касается Люли, то я его хорошо знаю. Он доказал свою выдержку, храбрость и силу воли, когда на него наскочили сразу три медведя — он всех их уложил. Вчера он также проявил свою волю и храбрость.

Однако, когда он довольно быстро вернулся сегодня с разведки, я, наблюдая за ним, убедился, что вчерашнее происшествие он пережил вновь с прежней силой. Рассказывая мне о некоторых деталях нашей вчерашней схватки, которые он выяснил сегодня по следам, он с трудом старался быть спокойным. Вдобавок, ему утром не повезло со сворой. При выходе из деревни наши собаки так покусали Вори, что ему пришлось затем отлеживаться недели две.

Вернувшись, Люля сообщил мне, что тигр не приходил и от себя добавил:

— Наверное, и не придет больше...

2-ое февраля

Мы вызвали из Мергена фотографа и снимали тигров. Я с трудом встал для этого, так как все мои изъяны давали себя чувствовать — руки едва гнулись. Шансы на скорое выздоровление и поиски тигров были небольшие. Первого мы вызвали телеграммой на подмогу Арсения. Валерий все еще остается в Шанхае.

3-ое февраля

Люля плохо себя чувствовал и не мог пойти на охоту, чтобы проверить — приходил ли тигр.

4-ое февраля

Люля уехал в Хунчун, чтобы получить деньги за тигров. К сожалению, мне пришлось продать их здесь, так как для ввоза их в Корею нужно было бы платить высокую пошлину.

Я уговаривал корейцев пойти посмотреть, не приходил ли тигр, но никто из них не согласился. К сожалению, у нас не было убитых ни коз, ни кабанов, чтобы положить их для приманки зверя.

Корейцы в Чунгоу были так напуганы моим ранением и, зная, что еще осталось два тигра, боялись даже ходить в лес за дровами, которых ни у кого из них не было. Им приходилось обрубать хворост на соседних к Чунгоу склонах.

Вчера я попросил хозяйку согреть мне воду в большом котле и, лежа на кане, по очереди парил по часу обе руки. От припарки боль несколько уменьшилась и руки как будто бы стали гнуться лучше.

Сегодня я повторил эту операцию и заметил значительное улучшение. Пробовал даже прицелиться из ружья, но ничего не вышло. Все же левая моя рука действовала в плече, но локоть был черным и не сгибался; правая отказывалась подниматься, но пальцы действовали на обеих руках.

Люля должен был сегодня вернуться, но не приехал. Видимо, что-то его задержало.

5-ое февраля

Снова повторил я операцию «варки» собственных рук до плеча и после третьего распаривания заметил сильное облегчение.

Попробовал прицелиться. Не торопясь вставил ложе под мышку и прицелился. Дело, видимо, налаживается. Ура! Я могу уже стрелять!

Раны на голове и теле стали подживать, нагноений не было, и все шло прекрасно.

Третий тигр не дает мне покоя. Он мог прийти в поисках своих друзей, а затем уйти навсегда и тогда конец всем надеждам!..

После обеда я решил немного пройтись. Взял винтовку, свистнул собак и, не торопясь, пошел по направлению к тому месту, где мы убили тигров.

Дойдя до места, где нужно было свернуть с шоссе, я тихо пошел по лесной тропе, по которой я добрел

до подъема на горы. Отдохнув немного, я стал взбираться. Подъем был очень крутой, и я поднимался с большим трудом. Ноги скользили, приходилось прибегать к помощи рук, что вызывало сильную боль. В конце концов, я одолел подъем и, приблизившись к месту побоища, был вполне вознагражден: на том месте, где была убита тигрица, я обнаружил ночные следы тигра!..

Осмотрев детально, я нашел и вчерашние следы. Таким образом, тигр приходил два дня подряд! К сожалению, район был сильно обтаянным и следить не было возможности.

Собаки стали проявлять нервность и, когда я зашел в заросли, бросились с лаем в кусты. Я вскочил на гору и увидел, что они погнали козу.

Прождав с полчаса возвращения собак, я отправился домой.

Люля и сегодня не вернулся. Это меня очень огорчает. Что-то, видимо, очень серьезное задержало его.

6-ое февраля

Утро. Люли все еще нет. Принимаю решение идти за тигром сам. Беру всю свору и обоих наших корейцев. Если не удастся найти тигра, постараюсь убить козу и положить на приманку.

Чувствую себя физически значительно лучше, а настроение стопроцентно радостное.

Придя на место, обнаружил вновь ночные следы тигра. Решил сделать обход.

Дул сильный ветер, было очень трудно идти по кромке снега. Поднялся на самую вершину горы — выходного следа не было. Как видно, тигр ушел вправо вниз, в более заросшую Тигровую горку.

Хотел только повернуть вправо для обхода, как заметил за горой пасущегося козла. Это было очень кстати!..

Отойдя назад, за гору, при помощи корейцев привязал свору к деревьям. Оставив их сторожить собак, которые, когда я уходил, начали сильно выть, я пошел скрадывать козла. К счастью, сильный ветер относил вой в сторону от козла.

Скрав козла, я долго прилаживал ружье в плечо и, наконец, выстрелил. Козел покатился мертвым.

Вновь пришлось влезать на гору и послать корейцев за убитым козлом, которого проволочили саженей 200 и повесили над следами тигра.

Ну, теперь, если придет он вечером, то наверняка задержится!

Покончив с приманкой, пошли домой. Чувствовал я себя значительно лучше.

Вечером приехал Люля. Его задержали китайцы с расчетами из-за происходивших праздников. Когда я ему рассказал о моей слежке — он был поражен.

Теперь нужно ждать утра. Весь вечер мы провели в мечтах о завтрашнем дне, считая, что у нас имеется 90 процентов на успех добыть третьего тигра.

Все эти дни я поджидал приезда Арсения, но о нем не было никаких вестей.

Третий тигр

Наконец, 7-го февраля, мы отправились на охоту.

Мы взяли с собой всех собак, кроме Вори, который еще болел. Пончуни я дал свою пейтузу, так как сам еще не в состоянии был ее нести. Вышли рано утром, день выдался сравнительно теплый, хотя термометр и показывал минус 20 градусов. Ветер был в меру силен, как раз такой, какой нужен для охоты.

Собаки отдохнули и бежали весело. Настроение у нас было приподнятое. Чувствовалось, что «счастье накопилось», и все говорило за успех охоты. Особенно интересовали нас собаки: теоретически они должны были бы пойти за тигром, но, как известно, теория очень часто расходится с практикой. Сам я еще далеко не был в «форме», но все же решил взять себя в руки и напрячь все усилия, чтобы «не подкачать».

Подойдя к Тигровой горке, стали обходить ее вокруг по кромке снега, чтобы убедиться в том — был ли на ней тигр. Сначала нашли вчерашний входной след (видимо, тигр пошел в поисках добычи), а вскоре обнаружили входной, утренний. Все шло, как по расписанию!

Обошли три четверти горки по северо-западной стороне и дошли до места первой удачной охоты. Тигр сюда не приходил — козел болтался на дубу, как маятник...

Стали пересекать горку вдоль по верху. Мне стало ясно, что тигр прятался в ней где-то в скалах. В одном из сильно заросших оврагов собаки вели себя очень взволнованно — видно чуяли запах тигра, который тут болтался несколько дней.

Прошли всю горку вдоль до низу, пересекли все овражки, где был входной след, но ничего не обнаружили. Повернули кромкой по юго-восточной стороне и замкнули круг — выходного следа не было.

Люля не верил, что тигр может оставаться в такой небольшой горке (длина ее была версты две, а склоны всего шагов по 500), но я, по наблюдениям, сделанным в прежние дни, был уверен, что тигр, вернувшись сытым, прятался именно здесь.

Был уже полдень. Наскоро развели костер, разогрели замерзшие бэнтоо, быстро закусили и решили вновь обходить кромкой снега, чтобы выяснить, куда девался столь желанный нам зверь.

Пройдя по северному склону с версту, мы неожиданно обнаружили свежий след тигра, ушедшего через наш дневной след. Ясно было, что зверь нас почуял, сначала прятался, а затем — часа два тому назад — не выдержал и, когда мы были внизу солнопека, вышел через гору в сивер.

След был мягкий. Часы показывали 2.30 дня. Мы двинулись по следу, к которому собаки стали проявлять интерес и уходили по нему шагов за 100, но затем возвращались к нам. Мы пересекли сивер и спустились в падь. Дальше пришлось подниматься на очень крутой и высокий солнопек. Следить было трудно, но помогали собаки, идущие все время впереди нас, не теряя следа.

Поднялись на высокую гору и увидели в бинокль через падь на противоположной северной стороне след тигра, перевалившего уже вторую гору, верстах в полутора от нас. Мы прибавили ходу. Мне идти было трудно, в особенности при спусках. Все тело болело, когда приходилось прыгать или хвататься в обрывах за деревья.

Спустились в глубокую падь и стали подниматься на гору. След стал совсем свежим. С половины подъема Парис и Ральф ушли вперед шагов на 200 и скоро скрылись за горой. Север, пройдя с ними шагов 100, вернулся назад, Осори и Кома держались при нас, и я очень жалел, что отсутствовал Вори, искусанный компаньонами по своре. Ведь он был одной из самых храбрых собак. В том, что собаки пойдут за тигром, мы не сомневались, так как им уже посчастливилось рвать двух тигров, но мы не предполагали, что они проявят просто чудеса!

Поднялись на третью гору. Собаки не возвраща-

лись. Мы прислушались — стояла тишина. Стали спускаться, так как след снова направлялся вниз.

Было уже 3.30. Мы волновались — хватит ли нам времени, чтобы догнать зверя до наступления темноты. Спустившись шагов триста, когда мы уже сделали треть спуска с горы, услышали внизу сильный раздельный лай. Все говорило за то, что тигр там, так как противоположный сивер представлял собой редколесье, а наш склон и низ были сильно заросшими.

Сбежав на ближайшее возвышение, мы стали прислушиваться. Пробовали травить оставшихся при нас собак, но они не шли. Спускаться ниже было невыгодно — мы ничего не смогли бы увидеть, а между тем, судя по лаю гнавшихся за зверем собак, они шли уже по склону противоположной горы. Верхушки кустов лезли нам в глаза, и для того, чтобы лучше увидеть, пришлось взобраться на упавшее дерево. Стоя и балансируя на нем, вынули бинокли и начали рассматривать противоположный склон. И вдруг Люля бросил.

— Смотри, смотри, вон он!

Действительно, по склону напротив нас, высоко подняв хвост и часто озираясь, шагал красавец Ван. Расстояние было настолько велико, что стрелять без надежного упора не имело смысла, но для того, чтобы подбодрить собак, пришлось несколько раз выстрелить в воздух. И это подействовало: стоявшие возле нас псы сразу же ринулись вперед и скрылись. Между тем, преследовавшие тигра Парис и Ральф стали наседать сильнее. Но вдруг хищник неожиданно повернул назад, заревел и бросился на Ральфа. У меня внутри все похолодело. Казалось, он вот-вот схватит пса, но Ральф увернулся и пустился наутек, принудив зверя двинуться в нашу сторону.

Парис бежал по пятам хищника, но в этот момент, неожиданно для всех, там появились остальные наши собаки. Они атаковали зверя сбоку. Он развернулся и сделал выпад. Псы ретировались, а тигр начал спускаться вниз по ключу. Свора быстро перестроилась и начала дружно нападать сзади. Вскоре все скрылись в густо заросшей пойме небольшой пади. Это было на руку, ибо группа направлялась в сторону главной долины, где было меньше густых зарослей. Но даже теперь, когда я пишу эти строки, думаю, что нужно было обладать большим счастьем, чтобы лицезреть эту изумительную, неповторимую картину противоборства собак с тигром...

Тигр исчез с поля зрения, но снизу долины доносился до нас усилившийся лай всей своры, по которому было слышно, что зверя задержали.

Добавив в магазин патронов, мы бросились следом. Лай раздавался внизу в нескольких сотнях шагов от нас. Скоро к нам вернулся Кома, видимо, сильно напуганный и не рисковавший больше бросаться на тигра.

Помня недавний суровый урок, мы условились с Люлей быть в чаще более осторожными и не расставаться, чтобы в любой момент прийти друг другу на выручку.

Так мы пробежали версты две. Лай то приближался, то удалялся. Чувствовалось, что собаки не могут надолго задержать тигра.

И здесь неожиданно мы увидели шагах в четырехстах бегущего вправо, в гору, тигра. Собаки шли по пятам. Улучив момент, мы дали по выстрелу.

Тигр, видимо, рассвирепел. Он круто повернулся к собакам и с ревом стремительно пустился под гору за Осори, который, завизжав с перепугу, бросился обратно вниз, к ключу. Ральф, выручая приятеля, наседал сзади: стрелять было невозможно из-за риска убить собаку.

Момент, и вновь тигр и собаки скрылись в чаще. Я не бегал так лет 20 и чувствовал, что нужно беречь силы, чтобы не выдохнуться, так как неизвестно, сколько еще нужно будет бегать за хищником. Лай все удалялся и, наконец, затих.

Пробежав еще с версту, мы увидели впереди, в саженях ста от себя, выход из нашей пади-ключа в главную падь Чунгоу, но лая нигде не было слышно. Вправо и влево были крутые горы ущелья, снег лежал только пятнами и, куда ушла охота было неизвестно.

«Уже близко вечер. Зверя упустим и не догоним, а казалось вот-вот возьмем, — назойливо сверлила одна и та же мысль. — Разбегаться по такому зверю, не «модѣль»...»

На не стаявшем снегу нашли след, показывающий направление влево, в гору. Мы направились по следу. Было круто и скользко. Начали выдыхаться и хвататься за кусты, чтобы облегчить подъем. У меня продолжаются нестерпимые боли в руке. Экономлю силы, чтобы хватило до наступления темноты, а гора очень крутая.

Поднялись шагов 200, и вдруг слышу сзади себя голос, не выдержавшего наши «темпы», Люли:

— Что ты тихо лезешь?..

— Лезь вперед, — отвечаю я.

Люля вырывается вперед, бежит шагов 20 и.. выдыхается. Дальше он идет уже тише. Взбираемся на гору одновременно и почти задохнувшись. Увы! след потерян. Вместо перевала — выемка и вновь подъем. Гора продолжается. Лезем еще шагов сто, а конца нет.

«Какой ужас! Лая нет, снега нет. Все пропало! Наверное, собаки бросили преследование, а может быть половины их уже нет в живых!» — проносится в мозгу.

Берем по косогору влево, в надежде пересечь след, но его нет. Потеряли и, как видно, совсем!

Люля мне говорит:

— Я слышу лучше тебя. Я буду слушать, а ты лезь выше. Там снег и, может быть, на нем есть следы...

Лезу по инерции и вдруг слышу крик Люли.

— Лают!.. Лают!..

Прислушиваюсь. Действительно, где-то далеко по ветру доносится лай. Но откуда?.. За падью ли, из которой мы только что поднялись? Или следующей за ней, очень крутой горой? Необходимо спуститься снова в падь и подняться вновь на крутик шагов в 300, а сил уже нет. Кроме того, пока мы туда дойдем, пройдет еще минут 30, наступит вечер и собаки бросят зверя...

Но где кончается предел силы духа настоящего охотника?! Мы стали бегом спускаться, и Люля, обогнав меня, бежит вперед. Мои бедные руки от хватания за кусты вновь дают себя чувствовать. Боли нестерпимые. Падаю часто и вновь страдает то локоть, то плечо, сломанные ногти на ногах вновь кровоточат и ноют. Сотрясение при спуске еще более увеличивает боль.

Но ведь там, авось мы его догоним, т р е т и й тигр!

Люля поскользнулся и на спине, по камням, едет под гору. Вот-вот разобьется! Но. молодец, ловко ловит момент и вскакивает на ноги. Я подбегаю к нему.

— Папа, посмотри. Кажется, вылезла кость позвоночника!?

Ощупываю спину, делаю серьезное лицо и, зная, что. если он еще может идти, то ничего серьезного нет, авторитетно заявляю:

— Нет, ничего. Все в порядке!..

Сбегаем вниз. Лезем снова на гору. Откуда-то находим в себе силы. Люля впереди меня шагах в 10. Я все еще продолжаю держать свой темп. Вижу он остановился, уперся спиной о пень и еле-еле переводит дух, ловя ртом воздух. Круча страшная. Цепляюсь, доканчиваю остатки рук и, наконец, желанная вершина

Собаки продолжают лай. Какое счастье! Даже не верится. Ведь это не кабан, а тигр, и его долго нельзя держать зубами! Его не схватишь!..

Лают где-то близко, кажется что под нами. Несемся полным ходом вниз. Спустились, но ничего не видно. Лают где-то дальше, недалеко от нас, но где — не видно. Солнце слепит глаза, оно почти у горизонта. Пройдет еще минут 15 и оно скроется.

Начинаю присматриваться и вдруг вижу впереди себя, на склоне горки, между кустов, стоит серый Север и белый пар вьется над ним клубками. На нас же от пота нет сухой нитки. Других собак еще не видно, как и тигра. Все они под цвет общего фона.

Я хорошо знаю местность вокруг этой горки, вернее мыса. С трех сторон она окружена довольно чистыми местами, а вправо все выше поднимается гора, на которой начинается густой лес. Видимо, собаки отрезали тигра от леса и держат, не давая ему уйти, а вымотавшийся зверь ждет темноты, чтобы удрать на гору.

Сильный ветер дует в направлении от собак, поэтому забравшийся в кусты тигр нас не видит и не слышит. Собаки же, по-видимому, нас увидели, так как лай значительно усилился.

Посылаем им на подмогу Кома, но он не идет. Что предпринять? Единственный верный план — это взять еще более вправо, залезть на мыс, отрезать пути отступления тигру и оттуда спускаться к собакам. Тогда тигр, куда бы он ни бросился, будет наш.

Но мы окончательно выдохлись, ибо бежали уже два часа после целого дня утомительного преследования. И подниматься больше были не в силах. А мыс очень крутой. Останавливаемая и, едва переводя дыхание, советуемся. Перед нами три варианта. Первый — лезть прямо в гору. Второй — подняться по сбегающему боковому хребтику в три четверти горы и подбираться на выстрел по склону. И третий, казалось бы, самый правильный: зайти в обход сверху. Но на это до наступления темноты у нас не хватит времени, ибо уже вечереет. И ветер дует с вершины вниз, — зверь нас может учуять.

Наконец, после трехминутного совещания, во время которого мы немного отдышались и почувствовали прилив новых сил, выбираем второй вариант, хотя он не из лучших. Но день, увы, догорает. И мы оба отлично понимаем, что если сейчас не удастся разделаться с

хищником, то с наступлением темноты он легко уничтожит часть собак и тогда всему конец.

В надежде, что это последний подъем, напрягаем оставшиеся силы и лезем по крутому хребтику вверх. Я хватаюсь руками за кусты и деревья, уже не чувствуя боли. Казалось, все во мне атрофировалось. Наконец, достигаем примерно, интуитивно, уровня воюющей группы и начинаем, скользя и скатываясь, осторожно наперекосых подходить по косогору. Судя по лаю остается шагов пятьдесят. Последний, что шагал с нами, старый Кома бросается на помощь к своре. Лай усиливается, но солнце уже наполовину тонет за горами. Идем все осторожнее, снимаем винтовки с предохранителей.

Остается сорок шагов, и мы достигаем кромки густых зарослей. Стоя в рост, разглядеть ничего невозможно. Садимся на корточки. Всматриваемся и видим перебегающих собак, но тигра не видно. Наконец решаемся вползти на четвереньках в заросли и черепашьим шагом, держа винтовки в правой руке, очень медленно продвигаемся вперед. Между нами 4 — 5 шагов. Объясняемся только знаками. Подползаем в полном смысле этого слова!

До собак остается тридцать шагов. Достигаем последнего рубежа. Понимаем, что зверь находится где-то здесь, продвигаться дальше слишком опасно, он может нас накрыть. Но он залег так, что не увидишь, пока не подойдешь вплотную. А ветки мешают, царапают лицо, лезут в глаза. Лианы, хотя и без листьев, цепляются за руки и ноги. Хорошо, если тигр впереди, тогда пуля полетит ему навстречу, а если сзади или сбоку от нас, тогда что делать? Быстро развернуться невозможно.

Сидим на корточках без движения несколько ужасных, томительных минут. Пытаемся что-то разглядеть, но тщетно. Движением ладони зову к себе Люлю. Он медленно и осторожно подползает вплотную. Тихим шепотом, прижимая рот к уху собеседника, проводим краткое совещание. В этот момент замечаем, как Ральф осторожно подходит к самому заросшему месту между двух торчащих камней, расстояние от которых не превышает двух тигриных прыжков.

Вдруг раздается глухое, короткое рычание. Ральф останавливается. Шерсть на собаке становится дыбом, хвост опускается. Ворчание повторяется и пес отходит в сторону. Рычание смолкает, но все это дает нам воз-

можность определить координаты зверя. После короткой напряженной паузы я вновь прижимаю рот к уху сына и шепчу: «Приготовься стрелять его в прыжке. Я из-за больной руки на вскидку стрелять не смогу. Пора кончать. Буду бить наугад в куст. Приготовились!»

И я выпалил. Тигр сделал гигантский прыжок по направлению стоявших впереди и левее нас Комы и Севера. Они отскочили и скрылись. Люля выстрелил, когда хищник проносился над зарослями. И тут же скрылся.

Недавний урок со вторым тигром еще не был забыт. Поэтому после выстрелов мы минуты две-три простояли не двигаясь. Появились псы и бросились вперед. И только тогда мы осторожно двинулись за ними. Вышли на след и убедились, что завершив прыжок, зверь сразу же перешел на шаг, оставляя алые пятна на снегу и мазки на кустах. Он передвигался, как связанный, но слишком яркий цвет крови не внушал уверенности в полном успехе. Прошли по следу немного, и он свернул в небольшой, но крутой, глубокий овраг. Тут он скользил и даже катился, но справился, вышел на чистое место и двинулся вперед легкой рысью. Как выяснилось позднее, пуля прошла чуть ниже позвоночника и только на короткое время парализовала нервную систему...

В это время из глубины оврага донесся лай. Мы рванулись вперед и увидели Париса. Он стоял на небольшой скале по другую сторону обрывистого русла замерзшего ручья. Пес лаял и заглядывал вниз, в расщелину. Ральф, который, видимо, не сумел преодолеть обрыв, стоял в пяти шагах ниже и тоже лаял. Остальных собак не было видно.

Мы побежали вниз, но тут случилось непредвиденное. Огненно-рыжий длинноногий Парис неожиданно круто развернулся, как спугнутая птица оторвался от глыбы, ласточкой пролетел над кустами и на мгновение скрылся. А на том месте, где только что стоял пес, уже сидел выпрыгнувший из расщелины полосатый зверюга. Почти не задержавшись, он смахнул со скалы и длинными скачками ринулся через небольшую поляну. Рыжий пес мчался следом. И в этот критический момент я поскользнулся и упал. Зверю, чтобы достичь черты, за которой начинались сплошные заросли, оставалось сделать два прыжка, но Люля успел выстрелить и пуля опередила! Тигр упал замертво. Раскинув перед-

ние, вытянув задние лапы и хвост, уткнувшись носом в снег, он остался лежать бездыханным. Парис первым бросился на него, затем прибежали другие собаки и начали терзать ненавистного врага.

Когда мы перебрались через русло и подошли к поверженному Вану, уже опустились таежные сумерки.

Пережив момент торжества, мы вспомнили о себе. Мы были счастливыми людьми, но на кого были похожи?! Вспотевшие, всклокоченные, ободранные и исцарапанные. Ногти на руках и ногах снова были оборванными, а бедные руки почти не действовали. Из старых ран сочилась кровь. Решили, что возвратясь в фанзу, мы три дня будем лежать, не вставая.

Тигр немного скатился, и его нужно было вытащить на ровное место, чтобы правильно заморозить. Я мог помочь лишь своим здоровым плечом и попросил достать из пейтузы веревку, чтобы сделать петлю.

— Не. нужно, — заявил мне в ответ Люля, — мы с Пончуни без твоей помощи подтащим его за ноги.

Они горячо взялись за дело, но сколько ни старались, ничего не вышло. Достали веревку и с большим трудом втроем смогли немного подтащить зверя.

Итак, «счастье накопилось» и на этот раз было полным.

Правда,на некоторое время оно все же было омрачено. Придя в себя и успокоившись, мы убедились, что исчез Осори. Не было сомнений в том, что он стал жертвой тигра. Конечно, он мог быть только раненым, но идти разыскивать его было уже темно, и мы решили отложить поиски до следующего утра.

С грустью мы возвращались домой. Хотя радость от нашей удачи и переполняла наши души, но все же утрата Осори нас очень опечалила. Однако в деревне нас ждал неожиданный сюрприз в образе... встретившего нас целым и невредимым Осори. Как потом я рассмотрел по следам, пес ушел от места встречи с тигром, будучи, как видно, напуган каким-либо сильным его наскоком.

Мы с Люлей действительно пролежали весь следующий день на канах, а на второй вновь пошли на разведку, в поисках следов четвертого тигра, а попутно добыть коз для текущих нужд. Конечно, все больные места давали себя чувствовать, но к чему только человек не привыкает?! За день мы взяли, вдвоем, 8 коз, но, к нашему сожалению, следов тигра не обнаружили.

Вечером приехал Арсений. Его уже по дороге к нам

огорчили сообщением о том, что третий тигр также убит.

Вечер мы провели в нескончаемых разговорах, а с утра разделившись, принялись за поиски следов четвертого тигра. Ходили впустую четыре дня.

13 февраля я отправился домой, чтобы подлечиться, и через два дня был уже дома, а сыновья пробыли в тайге около месяца; удачно охотились, но следов тигра так и не встретили.

Скоро исполнится три года после полученных мною ранений от тигровых объятий, но ни целебные омповские источники, ни мастерские массажи шанхайского специалиста не могли излечить меня от печати «царя зверей». Правая рука в плече поднимается кверху лишь наполовину, но, к счастью, для стрельбы это никакого значения не имеет, а это для меня самое главное. Не мешает это мне существенно и в обиходной жизни. Однако, есть и хорошая сторона в последствиях удара тигра: я всегда, за двенадцать часов, знаю о предстоящей перемене погоды...

Обстановка охоты, по независящим от меня причинам, несколько изменилась. Вот уже три года, как я не могу поехать на охоту в Маньчжу-Ди-Го, охотясь понемногу в Корее и беря за сезон 30 — 40 зверей, главным образом коз, а изредка и кабанов. Однако я все еще надеюсь разик встретиться с тигром.

Зато радуют меня успехи моих сыновей. Моя школа для них не пропала даром. Все они прекрасные зверовые охотники и по одиночке ходят на тигров.

Валерий и Люля, уже в одиночку, взяли по тигру. Пока меньше повезло Арсению, но я уверен, что и он скоро порадует меня самостоятельно убитым тигром. Во всяком случае даю ему сроку не дольше моего пятидесятилетнего юбилея со дня убитого мною первого тигра. Этот юбилей исполнится 5 ноября 1945 года.

В этот день я с удовольствием и основательно выпью не только за здоровье всех «тигрятников», но и за здоровье всех тигров. Пусть они размножаются и ждут моих внуков.

Ведь, если тигры исчезнут из тайги, она станет пресной...

Декабрь, 1943 года.

Новина, Корея.

Оглавление

К читателю
5
Валерий Янковский. Янковский и Янковские
6
От Издательства
11
Михаил Иванович Янковский
13
Моя первая охота на тигров
17
Я — «энтомолог»
20
Мой первый тигр
22
Риск таежного охотника
31
На волосок от смерти
33
Случай с моим отцом
36
Мой второй барс
38
Приключение с медведем
48
Триплет
54
Барс на фоне восходящего солнца
64
Сибата и барс
68
Три барса
79
Приключение с браконьером
85
Макар и кабаны
96
В тайге
110
Первая охота в Маньчжурии
112
Украденный кабан
113
Раненый бык
116
Счастье накопилось...
119
Снова в тайге
121
Разорванная тигром лошадь
123
Следы четырех тигров
124
Люля по свежим следам тигра
126

Время пришло — счастье накопилось
128
По следам хищников
131
В объятиях тигра
134
На вынужденном отдыхе (Листки из дневника)
141
Третий тигр
145

Юрий Михайлович Янковский

Полвека охоты на тигров

Редактор
А. Колесов

Художник
В. Убираев

Художественный редактор
Г. Кунгуров

Технический редактор
Т. Васильева

Корректоры
Н. Кожевникова, Т. Ломакина

Литературно-художественное издание. ВД 07426. Сдано в набор 4.06.90. Подписано к печати 27.08.90. Формат 84X$^{108}/_{32}$. Бум. тип. № 1. Усл. печ. л. 8,40. Усл. кр.-отт. 8,52. Уч.-изд. л. 9,43. Печать высокая. Гарнитура Литературная. Тираж 50 000 экз. Заказ 10745. Цена 4 р.
Издательство «Уссури». 690090, Владивосток, ул. Посьетская, 28
Приморский полиграфкомбинат.690600,Владивосток. Океанский пр.,69

Янковский Ю. М.

Я 62 Полвека охоты на тигров. — Владивосток: Издательство «Уссури», 1990 — 159 с.

Книга Юрия Янковского, сына известного приморского предпринимателя и ученого Михаила Янковского, посвящена легендарному зверю дальневосточной тайги — тигру. Автор — отличный охотник и знаток природы, живо и увлекательно рассказывает о своих таежных скитаниях и полной опасностей охоте на тигров. В Советском Союзе книга издается впервые.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «УССУРИ»
в 1990 году планирует выпустить:

В. Набоков	Лолита
А. Хейдок	Звезды Маньчжурии
Б. Спок	Разговор с матерью